

ВЕСТНИК ДОНБАССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ЮСТИЦИИ

ДГУЮ Минюста России

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 1 (7) / 2026

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Донбасский государственный университет юстиции»
(ДГУЮ Минюста России)**

**ВЕСТНИК
ДОНБАССКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ЮСТИЦИИ**

**научный журнал
№ 1 (7) / 2026**

**Донецк
2026**

Главный редактор	С.Ю. Мироненко, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>)
Заместитель главного редактора	Н.В. Иванюта, доктор юридических наук, профессор (<i>Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи</i>)
Ответственный редактор	В.П. Горбачев, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>)
Редакционная коллегия:	В.А. Авдеев, доктор юридических наук, профессор (<i>Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск</i>), Н.В. Барбашова, доктор юридических наук, профессор (<i>Донецкий государственный университет</i>), В.В. Груздев, доктор юридических наук, профессор (<i>Костромской государственный университет</i>), И.Э. Звечаровский, доктор юридических наук, профессор (<i>Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина</i>), С.В. Лихачев, доктор юридических наук, профессор (<i>Курский государственный университет</i>), Е.Г. Ляхов, доктор юридических наук, профессор (<i>Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя</i>), Ю.В. Мишальченко, доктор юридических наук, профессор (<i>Санкт-Петербургский государственный университет</i>), Т.И. Отческая, доктор юридических наук, профессор (<i>Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина</i>), И.В. Панова, доктор юридических наук, профессор (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), В.П. Сальников, доктор юридических наук, профессор (<i>Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии РФ</i>), Л.Б. Смирнов, доктор юридических наук, профессор (<i>Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, г. Санкт-Петербург</i>), А.Г. Хабибуллин, доктор юридических наук, профессор (<i>Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова</i>), Р.В. Чикулаев, доктор юридических наук, профессор (<i>Пермский государственный национальный исследовательский университет</i>), А.И. Чучаев, доктор юридических наук, профессор (<i>Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва</i>), А.В. Войтов, кандидат юридических наук (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), Г.Н. Гапотченко, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), А.А. Завгородняя, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), Д.В. Лобов, кандидат юридических наук (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), А.А. Николаев, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), А.А. Савченко, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), А.П. Солонина, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), Ю.С. Хобби, кандидат юридических наук, доцент (<i>Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи</i>), В.В. Чамлай, кандидат юридических наук (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>)
Журнал зарегистрирован	Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Выписка из реестра зарегистрированных СМИ по состоянию на 29.12.2023 г. серия ПИ № ФС77-86474). Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4; 5.1.5.
Основатель и издатель	Министерство юстиции Российской Федерации; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк. Рекомендован к изданию Ученым советом Донбасского государственного университета юстиции, протокол от 26.02.2026 г. № 8 Язык публикации: русский, английский. Все права защищены. Перепечатка и переводы разрешаются только с согласия автора и редакции.
Адрес издателя:	119991, г. Москва, ул. Житная, д. 14, стр. 1; 283049, Донецкая Народная Республика, г.о. Донецк, г. Донецк, ул. Лебединского, д. 9
Адрес редакции:	283049, Донецкая Народная Республика, г.о. Донецк, г. Донецк, ул. Лебединского, д. 9 e-mail: nauka-dguj@yandex.ru

Вестник Донбасского государственного университета юстиции. – Вып. 1 (7). – Донецк: ДГУЮ, 2026. – 151 с.

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции» Минюста России, 2026

*Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

**Federal'noe gosudarstvennoe byudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego
obrazovaniya «Donbasskij gosudarstvennyj universitet yusticii»
(DGUYu Minyusta Rossii)**

**VESTNIK
DONBASSKOGO
GOSUDARSTVENNOGO
UNIVERSITETA YUSTICII**

**nauchnyi zhurnal
№ 1 (7) / 2026**

**Donetsk
2026**

Editor-in-chief	S.Yu. Mironenko, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>)
Deputy editors-in-chief	N.V. Ivanyuta, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Mariupol State University named after A.I. Kuindzhi</i>)
Executive editor	V.P. Gorbachev, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>)
Editorial board:	V.A. Avdeev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Yugra State University, Khanty-Mansiysk</i>), N.V. Barbashova, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Donetsk State University</i>), V.V. Gruzdev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Kostroma State University</i>), I.E. Zvecharovsky, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Kutafin Moscow State Law University</i>), S.V. Likhachev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Kursk State University</i>), E.G. Lyakhov, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot</i>), Yu.V. Mishalchenko, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>St. Petersburg State University</i>), T.I. Otcheskaia, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Kutafin Moscow State Law University</i>), I.V. Panova, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>), V.P. Salnikov, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Zhukov Military Academy of the Russian National Guard</i>), L.B. Smirnov, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>North-Western Institute of Management Branch of RANH and GS, St. Petersburg</i>), A.G. Khabibulin, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Moscow State University named after M.V. Lomonosov</i>), R.V. Chikulaev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Perm State National Research University</i>), A.I. Chuchaev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow</i>), A.V. Voitov, Cand. Of Juridical Sciences (<i>Donbass State University of Justice</i>), G.N. Gapotchenko, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>), A.A. Zavgorodnaya, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>), D.V. Lobov, Cand. Of Juridical Sciences (<i>Donbass State University of Justice</i>), A.A. Nikolaev, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>), A.A. Savchenko, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>), A.P. Solonina, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>), Yu.S. Hobby, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Mariupol State University named after A.I. Kuindzhi</i>), V.V. Chamlay, Cand. Of Juridical Sciences (<i>Donbass State University of Justice</i>)
The journal is registered	Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Extract from the register of registered media as of 12/29/2023, series PI No. FS77-86474). The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications that must publish the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences and the degree of Doctor of Sciences in the following scientific specialties: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4; 5.1.5.
Founder and Publisher	Ministry of Justice of the Russian Federation; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donbass State University of Justice», Donetsk Recommended for publishing by Academic Board of Donbass State University of Justice The Minute № 8 dated 26.02.2026. <i>Language of publication:</i> Russian, English All rights reserved. Reprinting and translations are allowed only by the permission of the author and publisher
Publisher's address:	119991, Moscow, Zhitnaya str., 14, building 1; 283049, Donetsk People's Republic, Donetsk, Lebedinsky str., 9
Address of editor office:	283049, Donetsk People's Republic, Donetsk, Lebedinsky str., 9 e-mail: nauka-dguj@yandex.ru

Bulletin of the Donbass State University of Justice. – Issue 1 (7). – Donetsk: DSUJ, 2026. – 151 p.

© Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donbass State University of Justice», 2026

*Editorial opinion may not coincide with the opinion of the authors of the materials

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово главного редактора.....	7
---	---

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Гридин А.Н.	
Формирование и развитие принципов права: диалектика идеи и нормы....	9
Дмитриева А.А.	
Актуальные проблемы юридической лингвистики.....	19

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Лобов Д.В.	
Цифровые объекты контрольной деятельности в бюджетной сфере: правовой статус и юридическая сила.....	28
Николаев А.А., Лобов Д.В.	
Административный деликт: историко-правовой аспект.....	40

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Алдушина О.С.	
Роль медиации в разрешении споров, возникающих из семейных отношений.....	55
Богустов А.А.	
Свобода договора в правовой философии П.А. Кропоткина: исторический анализ и современные вызовы договорного права.....	64
Завгородняя А.А.	
Принцип пропорциональности в доктрине правового государства как способ достижения справедливости правосудия.....	73

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Данилова Н.А., Елагина Е.В.	
Изучение прокурором заключения эксперта.....	81
Ольков С.Г.	
Методика определения величины морального вреда, причинённого потерпевшему от преступления физическому лицу.....	98
Олькова О.А.	
Применение единой общемировой теории назначения справедливого уголовного наказания профессора С.Г. Олькова.....	108
Хачатрян Л.А.	
Особенности квалификации преступлений, связанных с недропользованием.....	120
Храпинский Б.Л., Титов А.Н.	
К вопросу об использовании искусственного интеллекта для расследования преступлений.....	131

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Поляков С.А.	
Проблемы обеспечения международной и национальной безопасности на территории исторических регионов.....	139

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Gridin, A.N.

Formation and development of principles of law: dialectics of ideas and norms.. 9

Dmitrieva, A.A.

Current problems of legal linguistics..... 19

STATE AND LEGAL SCIENCES

Lobov, D.V.

Digital objects of control activities in the budget sphere: legal status and legal effectiveness..... 28

Nikolaev, A.A., Lobov, D.V.

Administrative tort: historical and legal aspect..... 40

PRIVATE LAW SCIENCES

Aldushina, O.S.

The role of mediation in resolving family disputes..... 55

Bogustov, A.A.

Freedom of contract in the legal philosophy of P.A. Kropotkin: historical analysis and contemporary..... 64

Zavgorodnaya, A.A.

The principle of proportionality in the doctrine of the rule of law as a way to achieve justice..... 73

CRIMINAL LAW SCIENCES

Danilova, N.A., Elagina, E.V.

Examination of the expert's report by the prosecutor..... 81

Ol'kov, S.G.

Method for determining the amount of moral damage caused to a person victimized by a crime..... 98

Ol'kova, O.A.

Application of the unified global theory of the appointment of fair criminal punishment by professor S.G. Ol'kov..... 108

Khachatryan, L.A.

Peculiarities of qualification of crimes related to subsurface use..... 120

Khrapinsky, B.L., Titov, A.N.

On the question of using artificial intelligence for crime investigation..... 131

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

Polyakov, S.A.

Problems of ensuring international and national security on the territory of historical regions of the Russian Federation..... 139

Уважаемые коллеги и читатели!

С глубоким удовлетворением информируем вас о том, что журнал «Вестник Донбасского государственного университета юстиции» успешно подтвердил свой статус издания, включенного в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК), что является свидетельством его высокого научного уровня, признания в академическом сообществе и открывает новые горизонты для исследователей, значительно увеличивая их научную известность, укрепляя профессиональный авторитет.

В рамках стратегии дальнейшего совершенствования нашего издания планируется усиление его контентного наполнения, актуализация тематики публикаций, развитие механизмов открытого диалога и интеграция передовых цифровых технологий. Эти меры направлены на повышение научной значимости и практической ценности публикаций, а также на укрепление междисциплинарных связей.

Мы приглашаем авторов представлять научные работы, содержащие оригинальные теоретические подходы, эмпирический анализ и инновационные решения в области юриспруденции. В частности, приветствуются исследования, направленные на развитие методологии правового регулирования, анализ правоприменительной практики и разработку новых правовых институтов.

Ваши ценные отзывы и конструктивные предложения играют ключевую роль в формировании редакционной политики журнала и адаптации его содержания к актуальным потребностям академического сообщества. Мы

стремимся учитывать все замечания и предложения, направленные на улучшение качества и актуальности публикуемых материалов.

Настоящий выпуск является результатом совместных усилий коллектива журнала и уважаемых авторов, отражает наш вклад в развитие научной мысли в области юриспруденции. Благодарим вас за участие и поддержку, которые способствуют дальнейшему процветанию нашего издания и укреплению его позиций в научном мире.

*С уважением, главный редактор,
кандидат юридических наук, доцент*

Сергей Юрьевич МIRONENKO

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 340.114

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРИНЦИПОВ ПРАВА: ДИАЛЕКТИКА ИДЕИ И НОРМЫ

Анатолий Николаевич Гридин, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: Gridin_pol@mail.ru)

Статья посвящена рассмотрению генезиса принципов права как основных элементов управления правовой реальностью государства. Исследуется проблематика, связанная с первоисточниками принципов права, этапами их развития и вмешательством государства в их становление. Отмечается противоположность мнений, выраженных в различных концепциях формирования принципов права. По мнению автора, потребности современного развития Российской Федерации требуют не борьбы между ними, а принятия во внимание особенностей подхода к праву каждой из них в правотворческой, правореализующей и правоохранительной деятельности. Предлагается авторское определение стадий возникновения и формулирования принципов права.

Ключевые слова: право, сущность права, принципы права, генезис принципов права, первоисточники принципов права, этапы формирования принципов права.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF PRINCIPLES OF LAW: DIALECTICS OF IDEAS AND NORMS

Gridin, A.N.

This article examines the genesis of legal principles as the fundamental elements governing the legal reality of the state. It explores issues related to the primary sources of legal principles, the stages of their development, and state intervention in their formation. The author notes the contrasting views expressed in various concepts of the formation of legal principles. The author believes that the needs of the contemporary development of the Russian Federation require not a struggle between them, but rather consideration of the specific approaches to law of each in lawmaking, law enforcement,

and law enforcement activities. The author offers a definition of the stages of the emergence and formulation of legal principles.

Keywords: *law, essence of law, legal principles, genesis of legal principles, primary sources of legal principles, stages of formation of legal principles.*

Актуальность темы исследования. Формирование и развитие общества и государства сопровождается постоянным усложнением структуры социальных связей и изменением их реального наполнения. Анализ исторического опыта показывает устойчивый рост числа возникающих общественных отношений за определенный промежуток времени. Часть этих отношений, особенно значимых для функционирования государства и общества, приобретает форму правовых норм. Происходит постоянное увеличение роли права в социальной сфере: возникают новые правовые отрасли, подотрасли и институты. Объективные условия современного этапа развития требуют от законодателей оперативного отклика на происходящие перемены и формирования четкого методологического фундамента, способного обеспечивать своевременную реакцию на общественные трансформации, поддерживать адаптивность и самостоятельную корректировку правового пространства. Современное состояние отечественной правовой системы не удовлетворяет указанным требованиям вследствие отсутствия комплексного подхода к правовому регулированию и стремительности перемен в обществе и государстве, что ведет к возникновению противоречий и снижению действенности законов. Исходя из изложенного, мы считаем целесообразным внедрение модели построения правовой системы, основанной на принципах права, поскольку именно принципы выступают фундаментальными началами существования права, отражают ключевые тенденции существующей социально-экономической системы, обладают всеобщим значением, высшим уровнем обязательности и отвечают объективной потребности укрепления и совершенствования действующего порядка.

Анализ научных исследований. Некоторые аспекты изучения принципов права были затронуты в трудах С.А. Авакьяна, С.С. Алексеева, А.М. Васильева, В.В. Ершова, В.Н. Карташова, Т.В. Кашаниной, Ю.А. Крохиной, В.В. Лазарева, В.В. Лапаевой, Е.А. Лукашиной, Н.С. Малеина, А.А. Павлушина, Т.Н. Радько, А.С. Сидоркина, В.А. Толстика, А.Ф. Черданцева и других ученых.

Тем не менее, стоит подчеркнуть, что правовые принципы как самостоятельный феномен пока недостаточно изучены в юридической литературе. Большинство российских и зарубежных авторов чаще всего касаются этой тематики лишь в контексте анализа конкретных правовых принципов [1-3].

Цель статьи состоит в изучении генезиса принципов права, выступающих ключевыми компонентами регулирования юридической действительности государства.

Изложение основного материала. Принципы права, подобно любой другой правовой категории, не появляются и не функционируют самостоятельно. Их возникновение, трансформация либо исчезновение обусловлены нуждами и тенденциями социально-исторического прогресса на конкретном временном отрезке. Эти принципы формировались столетиями вместе с развитием человеческого общества, отражают понимание объективных законов социальной эволюции, несут в себе наследие демократии и гуманизма.

В разные исторические периоды взгляды философов-правоведов, законодательство государств и общественное сознание претерпевали изменения, что неизбежно влияло и продолжает влиять на становление правовых принципов. Несмотря на различия в подходах исследователей, подавляющее число ученых сходится во мнении, что правовые принципы изначально представляют собой совокупность базовых представлений и установок, раскрывающих природу, структуру, развитие и реализацию права. Они являются результатом интеллектуальной деятельности человека и относятся к сфере идеологии. Однако под воздействием разных обстоятельств, включая особенности политической системы государства, данные представления приобретают разные качественные характеристики. По мнению Е.А. Ершовой, эти принципы охватывают весь спектр правовых явлений – начиная идеями и нормами и заканчивая правоотношениями, делая их последовательными, внутренне непротиворечивыми и логически связанными между собой. В принципах аккумулируется накопленный человечеством опыт правового развития и цивилизационные достижения [4, С. 51].

Соответственно, принципы права выступают своего рода основой правовой системы, обеспечивая согласованность ее элементов и целостность всей юридической структуры. Они задают ориентиры и обеспечивают согласованность всей системы юридического регулирования общественных взаимодействий, выявляя значение права в общественном прогрессе. По сути, эти принципы служат фундаментом устройства общества и государства. Их трансформация влечет за собой изменение текущей ситуации и определяет дальнейший вектор общественного развития. Именно поэтому столь важное место принципов права стало причиной постоянных острых идеологических столкновений на протяжении истории. Стремление изменить содержание существующих правовых принципов либо утвердить новые зачастую выходит далеко за рамки чисто юридической сферы и фактически представляет собой борьбу за формирование нового типа социума.

С данной точки зрения особую значимость приобретают вопросы генезиса правовых принципов, их формирования, юридического оформления, включения в законодательство и реализации в практической деятельности юристов. От подходов к пониманию указанных аспектов зависит порядок воздействия правовых принципов на всю систему правового регулирования. Эта проблема появляется вместе с формированием различия между правом и законом, разделением понятий общества и государства и непосредственно сопряжена с изучением сути и природы самого права. Современные исследования в области

юриспруденции и науки рассматривают вопрос происхождения основополагающих правовых принципов далеко не однозначно: одни авторы выводят данные принципы из внутреннего содержания самой правовой системы [5, С. 16], другие утверждают, что они обладают самостоятельной исходной основой [6, С. 22-27].

Ключевым направлением изучения проблем правовой системы выступает процесс становления правовых принципов, выявление их первоначальных источников и стадий эволюции. Анализ происхождения указанных принципов способствует созданию ясного целостного понимания структуры их существования, соотношения сущности и внутренней составляющей данных феноменов. Наша цель заключается в установлении корней правовых начал и формировании представления об этапах их последующего развития.

Вопрос происхождения принципов права как основополагающих начал правовой системы непосредственно сопряжен с пониманием природы самого права. Согласно концепции естественного права, исходные правовые принципы обладают собственной основой, зарождаются изначально в человеческом сознании и лишь впоследствии могут получить официальное признание через законодательство. Принято считать, что первоначальное формирование содержания правовых принципов происходит стихийно, исходя из реальных общественных процессов и социальных взаимодействий, после чего государство постепенно вводит их в юридический оборот посредством институциональных механизмов защиты прав субъектов правоотношений. Формирование общих социальных принципов предшествует процессу придания им статуса официальных юридических установлений, что подчеркивает значимость данной проблематики для общества и необходимость правового оформления. Основную функцию выявления и формирования указанных принципов выполняют не органы законодательства, а процесс правообразования, выраженный главным образом в практической деятельности юристов, оперативно реагирующих на динамичные процессы изменений в области права.

Процесс формирования правовых принципов внутри концепции естественного права трактуется учеными неодинаково. По мнению ряда исследователей, последовательность выглядит следующим образом: социальные взаимодействия формируют юридически значимые положения, из которых постепенно складываются правовые нормы и принципы. Предполагается, что перемены в общественной жизни приводят либо к трансформации уже имеющихся принципов права, либо порождают новые. Правоприменительная деятельность чутко откликается на происходящие изменения, закрепляя нужные принципы и инициируя соответствующие корректировки действующего законодательства.

Иная позиция определяет этапы становления правовых принципов следующим образом: сначала формируется правовая доктрина, затем складывается система правовых норм, и наконец устанавливается правопорядок [7, С. 13-14]. Исследуя исторический опыт человечества, юристы и философы формулируют конкретные выводы, выявляют закономерности и обозначают

противоречия общественного развития. Из этого возникают базовые идеи-принципы и их интерпретация в рамках правовой науки. Таким образом, идеи выполняют интегрирующую функцию в юридической науке, одновременно воплощаясь в юридическом знании. На этапе построения системы правовых норм правовые представления, зафиксированные в конкретных нормах, трансформируются в юридические принципы, представляющие собой обобщенные, сконцентрированные выражения ключевых ценностей и важнейших социальных интересов, развивающихся и уточняемых через правила и требования соответствующей правовой системы. Наконец, на завершающей фазе эти принципы отражаются непосредственно в содержании реальной правовой организации общественных связей. Важно подчеркнуть, что сама правовая норма приобретает действенность исключительно тогда, когда государственные меры коррекции социальной среды посредством данного правового предписания действительно находят свое проявление в виде субъективных прав, юридических обязательств и соответствующих правоотношений.

Согласно позитивистскому подходу к пониманию природы права, правовые принципы изначально возникают из действующих законодательных актов, и лишь после этого оказывают влияние на правовое сознание общества. Хотя сторонники теории позитивизма признают зависимость содержания любой правовой системы от исторических условий, экономических факторов, морали и политики, главная задача юридической науки – изучать право изнутри, выявляя его особое нормативно-правовое значение. Иными словами, правовые принципы обязательно вытекают из реально установленных юридических норм: «Принципы права являются отражением содержания определенной системы норм и не могут появиться раньше самих норм» [5, С. 18]. Принципы права выступают важным инструментом осмысления правовой системы и отражают глубинную сущность отдельных юридических норм, демонстрируя их внутреннюю связь друг с другом и иными элементами социальной действительности. По своей природе эти принципы занимают подчиненное положение по отношению к самим нормам и структурированным образованиям (таким как правовые институты и отрасли права). Хотя принципы зафиксированы в тексте законов, они имеют высшую юридическую силу и действуют независимо от обычных правовых предписаний. Это означает, что принципы позволяют обеспечить согласованность и единство всей правовой системы, направляя развитие конкретных нормативных актов и разрешая коллизии между ними. Следовательно, принципы права служат своеобразным синтезатором основных черт определенной группы норм, обеспечивая систематизацию правового материала и устанавливая четкую иерархию среди элементов правовой системы.

Формирование принципов права в контексте позитивистской концепции рассматривается либо как процесс выработки конкретных правовых норм, либо как научное исследование уже действующих юридических предписаний специалистами.

Хотя концепции, изучаемые нами, включают целый ряд внутренне противоречащих друг другу положений, совершенно очевидно, что фундаментальные принципы построения действительно демократического общества и реальные потребности современного этапа развития Российской Федерации требуют не противостояния между различными правовыми позициями, а тщательного и всестороннего анализа особенностей каждой из них, равно как и всех иных существующих правовых взглядов и доктрин. Этот анализ должен осуществляться на каждом этапе правового процесса – от разработки законопроектов до непосредственной реализации норм права и поддержания стабильного правопорядка в обществе. Только таким образом возможно обеспечить гармоничное развитие правовой системы государства, согласованное с интересами всех членов общества и отвечающее современным требованиям эпохи.

Обратившись к истокам правовой науки, основам законодательных норм и взглядам юристов-философов прошлого, мы обнаруживаем, что возникновение первых форм социального управления потребовало установления определённых правовых рамок, регламентирующих поведение членов общества. Но эти рамки могли основываться лишь на представлениях людей о должном порядке вещей и справедливом устройстве общества. Так, известный сборник законов царя Хаммурапи (XVIII век до нашей эры) был составлен именно исходя из стремления утвердить справедливые нормы и защитить общество от беззакония и несправедливости «... для того, чтобы дать сиять справедливости в стране, чтобы погубить беззаконных и злых, чтобы сильному не обижать слабого» [8, С. 9]). Следовательно, создание данного кодекса стало возможным благодаря ранее сформировавшимся представлениям о необходимом и правильном поведении в обществе.

С нашей точки зрения, правовые принципы должны исходить не из идеологии, а основываться на целостной природе самого права. Поскольку право представляет собой систему организации общественных отношений, способ решения конфликтов и урегулирования споров, построение принципов также должно учитывать эту целостность. Правовые принципы объединяют весь массив правовых явлений – от идей до норм и конкретных юридических связей, придавая всему этому внутренней согласованности, стройности и равновесия. В правовых принципах аккумулируется накопленный человечеством исторический опыт правового регулирования, мудрость цивилизаций. По сути, принципы выступают своего рода концентрированным выражением сущности права, очищенным от частных и деталей [9, С. 11].

Основа правовых принципов заключается в правовых концепциях, отражающих сущность и социальную значимость права. Эти концепции представляют собой область правосознания, включая юридическую науку. Идеи права могут возникать до формирования конкретной правовой системы, либо впоследствии находить своё выражение в действующих нормах и принципах права. Важно отметить, что право способно воплотить лишь те идеи, которые не ставят под сомнение существующее государство и политический строй. Отсюда

вытекает ещё одно обстоятельство: принципы права невозможно вывести исключительно из законодательных актов, поскольку тоталитарные режимы отвергают определённые ценности, принятые современным обществом. Принципы права не являются исключительной собственностью какого-либо отдельного государства либо единственной правовой системы; напротив, они принадлежат всему человечеству. Это объясняется тем, что каждое государство формирует собственный подход к пониманию правовых концепций, который находит отражение в своеобразии национальных законов и нормативных актов. Однако, несмотря на наличие различий в правовом регулировании разных стран, наблюдается постепенная глобализация и унификация подходов к трактовке базовых юридических понятий и принципов. Историческое развитие способствует расширению сферы применения общих правовых начал, придавая им универсальный характер. Данный процесс является естественным следствием взаимопроникновения культур, государств и народов, усиливающегося взаимодействия между ними, расширения торговых связей и международного сотрудничества. Соответственно, исторически принципы права становятся всё более универсальными, распространяя своё влияние далеко за пределы отдельных регионов мира. Здесь уместно провести аналогию с утверждением Ж. Маритена: «Декларация прав человека никогда не будет исчерпывающей и окончательной. Она всегда будет зависеть от уровня морального сознания и от уровня цивилизации в данный момент истории». Аналогичным образом дело обстоит и с пониманием принципов права, тех базовых установок и идей, которыми оно руководствуется. Со временем эти установки претерпевают изменения, что совершенно закономерно, однако новая трактовка правовых принципов, утвердившаяся в общественном сознании, потребует от законодателей внести соответствующие коррективы.

Правовые принципы формируются объективно, отражая реальные особенности уже установившихся общественных связей, характер экономического уклада и специфику политического устройства конкретного общества. Они являются результатом исторического развития общества и воплощают в себе закономерности социальной эволюции, отображающие объективные направления общественного прогресса. Фундаментальные основы правовых принципов охватывают структуру всех общественных взаимодействий, особо выделяя ключевые сферы – отношения собственности и институты власти. Именно эти области общественной деятельности становятся объектом особого внимания права, поскольку от их организации зависят стабильность и развитие общества [10, С. 89]. Как можно заключить, правовые принципы выступают концептуальным видением справедливых форм организации взаимодействия членов общества друг с другом и государством, устанавливая рамки поведения и определяя правила осуществления прав и обязанностей каждого индивида в рамках правовой системы. Формулируя нормы справедливости и равенства перед законом, право стремится обеспечить гармоничное сосуществование и эффективное функционирование различных социальных групп и классов внутри единого государства.

Право, реальность правовых явлений и сама правовая материя проявляются тремя основными способами. Эти три аспекта образуют неразрывное целое: первое – правосознание, взгляды и концепции относительно права; второе – юридические нормы; третье – социальные отношения, которые определяют появление правовых норм и сами испытывают воздействие этих норм. Следовательно, когда мы говорим о базовых принципах и сути права, значимо отметить два момента: оно, во-первых, воплощается во всех формах правовой реальности, а во-вторых, первоначально зарождается и формируется именно в сознании человека, после чего обретает силу закона. Так же, как и любой другой феномен, созданный человеком, право прошло этап предварительного осмысления через определённые идеи, концепции и руководящие начала, на основе которых впоследствии было выстроено законодательство [11, С. 162].

Важно осознавать тот факт, что правовые принципы, какими бы фундаментальными и значимыми они ни были, не могут самостоятельно реализоваться и эффективно действовать отдельно от системы действующего права. Иными словами, абстрактные идеи справедливости, равенства перед законом, свободы личности и другие основополагающие начала юридической науки обретают конкретику и реальную силу лишь тогда, когда они закреплены и регулируются нормами позитивного права. Именно позитивное право выступает той конкретной формой, через которую реализуются и выражаются правовые принципы. Только благодаря этому инструменту принципы получают реальную возможность воплощать большую часть присущих им качеств [12, С. 101]. Тем самым, позитивное право наполняется конкретным содержанием, исходящим от естественных правовых норм, что препятствует применению позитивного права в целях, противоречащих гуманизму и демократии.

По нашему мнению, формулирование правовых принципов происходит вследствие изменений в общественных взаимоотношениях, неизбежно возникающих с ходом времени. Параллельно реакции на перемены в реальной действительности возникают обновленные представления о праве, трансформируются ценности и другие подобные категории. Юридическая теория и практика неразрывно взаимосвязаны и выражают свою суть посредством юридических понятий и конструкций. Изменение правовых норм далеко не всегда влечет создание принципиально новых основоположений или пересмотр уже действующих положений. Напротив, случаи, когда возникает необходимость в подобном изменении, являются скорее редким исключением. Важно отметить, что правовые науки способны заранее предвидеть направления общественного развития и предлагать соответствующие концепции, задающие ориентиры этому развитию. Тем самым исключаются промежуточные этапы становления правовых принципов. Формулировка указанных принципов требует обязательного отражения в нормах действующего законодательства, поскольку это обеспечивает реализацию их положений государственными органами.

Исходя из всего изложенного ранее, важно отметить, что процесс формирования и развития основных принципов права является многоэтапным и последовательным процессом, который включает ряд взаимосвязанных стадий:

1. Возникновение новых видов социального взаимодействия, которые требуют правового оформления и регулирования, поскольку существующие правовые нормы часто оказываются недостаточными или вовсе отсутствуют.

2. Развитие общественной мысли и осознание необходимости правовой регуляции, направленной на обеспечение стабильности и справедливости. Этот этап сопровождается активным обсуждением среди юристов, философов, социологов и представителей власти возможных подходов к решению вопросов и путей достижения целей.

3. Научное обоснование и проверка теоретической концепции и конкретных механизмов введения тех или иных правовых норм.

4. Формальное закрепление принципов права на законодательном уровне, которые могут фиксироваться прямо – путем издания специальных нормативных актов, или косвенно – через внесение поправок в содержание действующих правовых документов. Тем самым новый принцип интегрируется в действующую систему права и получает силу обязательного правила, соблюдение которого контролируется государством [13, С. 5].

Выводы. Таким образом, важно понимать, что принципы права – это не просто отвлеченная идея или философская категория, а конкретная концепция, обладающая нормативностью и способствующая установлению четких ориентиров для законодателя, суда и всех участников общественных отношений. Соответственно, если право представляет собой совокупность норм поведения, регулирующих социальные взаимодействия, то его принципы задают общие рамки и стандарты для формирования и реализации конкретных юридических предписаний. Они реализуются не только через теоретическое осмысление, но и непосредственно воплощаются в практике: именно благодаря наличию прочных принципов возможно согласованное развитие законодательных актов, судебных решений и иных форм юридически значимой деятельности. Выступая одними из важнейших структурных компонентов всей правовой системы государства, принципы права обеспечивают устойчивость, последовательность и эффективность ее функционирования и представляют своего рода краеугольные камни правового порядка, которые определяют основные направления развития законодательства и правоприменительной практики, позволяют избегать противоречивости и обеспечивать защиту законных интересов граждан и организаций.

Список литературы

1. Явич, Л.С. Право развитого социалистического общества: сущность и принципы / Л.С. Явич. – Москва : Юрид. лит., 1978. – 224 с.
2. Golding M. Retroactive Legislation and Restoration of the Rule of Law / M. Golding. – Annual Review of Law and Ethic. – Berlin : Duncker&Humbot. – 1993. – № 1. – P. 71-77.

3. McIlwain C. Constitutionalism, Ancient and Modern / C. McIlwain. N.Y.: Cornel University Press, 1940. – 151 p.
4. Ершова, Е.А. Правовая природа, функции и классификация принципов национального и международного права / Е.А. Ершова // Российское правосудие. – 2016. – № 3. – С. 48-79.
5. Смирнов, О.В. Соотношение норм и принципов в советском праве / О.В. Смирнов // Советское государство и право. – 1977. – № 2. – С. 11-17.
6. Лукашева, Е.А. Принципы социалистического права / Е.А. Лукашева // Советское государство и право. – 1970. – № 6. – С. 21-29.
7. Васильев, А.Н. О правовых идеях-принципах / А.М. Васильев // Советское государство и право. – 1975. – № 3. – С. 11-18.
8. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / Под ред. З.М. Черниловского. – Москва : Юрид. лит., 1984. – 472 с.
9. Гридин, А.Н. Социализация современного демократического государства / А.Н. Гридин // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. – Вып. 20. – Донецк : ДЮА, 2022. – С. 7-14.
10. Смирнова, А.В. К вопросу о проблемах реализации принципов права в правоприменительной практике / А.В. Смирнова // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 3 (183). – С. 87-91.
11. Карташов, В.Н. Принципы права: понятие, структуры, функции / В.Н. Карташов // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 158-166.
12. Коновалов, А.В. Принципы права: монография / А.В. Коновалов. – Москва : Норма, 2022. – 792 с.
13. Аникушин, С.В. Исследование принципов права в контексте различных типов правопонимания / С.В. Аникушин // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). – № 2. – С. 3-10.

УДК 340.113.1

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Анна Анатольевна Дмитриева, старший преподаватель кафедры русского, иностранного языков и культуры речи, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: AnnaFr83@mail.ru)

В статье анализируются ключевые вызовы, стоящие перед современной юридической лингвистикой. Рассматриваются проблемы эффективной правовой коммуникации, сложности интерпретации и герменевтики юридического текста, методологические и терминологические проблемы судебной лингвистической экспертизы, затрагивается феномен юридикализации естественного языка и его влияние на правосознание, а также проблемы взаимосвязи юридической и теоретической лингвистики в контексте адаптации абстрактных теорий к прикладным задачам права.

Ключевые слова: юридическая лингвистика, лингвистика права, язык права, правовая коммуникация.

CURRENT PROBLEMS OF LEGAL LINGUISTICS

Dmitrieva, A.A.

The article analyzes the key challenges facing modern legal linguistics. The problems of effective legal communication, the complexity of interpretation and hermeneutics of a legal text, methodological and terminological problems of judicial linguistic expertise are considered, the phenomenon of the legitimization of natural language and its impact on legal consciousness, as well as the problems of the relationship between legal and theoretical linguistics in the context of the adaptation of abstract theories to applied legal problems are touched upon.

Keywords: legal linguistics, linguistics of law, language of law, legal communication.

Актуальность темы исследования. В условиях современного социума наблюдается возрастающая потребность в правовой регламентации языковых отношений. Разнообразные формы общественного взаимодействия, коммуникативные потребности и конфликты, связанные с использованием языка, требуют адекватного юридического урегулирования. Анализ правовых

аспектов функционирования языка предоставляет ценную информацию для понимания потребностей современного общества.

Динамика развития правового пространства Российской Федерации на современном этапе определяет не только его ключевые тенденции, но и актуализирует проблематику теоретических и практических областей данных общественных отношений. Сложность и динамизм современного правового пространства, тенденции к повышению правовой грамотности населения, возрастание роли судебной лингвистической экспертизы (в контексте правоприменительной практики), развитие международного права, внедрение новых технологий, а также не прекращающаяся потребность в высококвалифицированных специалистах юриспруденции определяет не только потребность в изучении проблем юридической лингвистики, но и актуализирует большинство из них.

Анализ научных исследований. В настоящее время российские лингвистические исследования сфокусированы на достижении оптимальных языковых стандартов в сфере юридического языка. Цель этих исследований – обеспечить ясность и доступность юридических документов.

Проблемы юридической лингвистики изучаются широким кругом отечественных исследователей, среди них следует выделить Н.Д. Голева, Е.И. Галяшину, А.Н. Баранова, Т.В. Чернышову, К.И. Бринева, Л.В. Златоустову и других.

Необходимо отметить выдающийся вклад Николая Дмитриевича Голева в развитие и поддержку российской юридической лингвистики. Под его редакцией было опубликовано несколько научных сборников, посвященных проблемам использования русского языка в правовой сфере.

Цель исследования. Целью исследования является анализ наиболее значимых теоретических и практических проблем в области юридической лингвистики на современном этапе развития отечественного правового пространства и юриспруденции как научной отрасли.

Изложение основного материала. Взаимодействие языка и права является краеугольным камнем функционирования любого общества. Правовые нормы, регулирующие все сферы человеческой деятельности, реализуются исключительно посредством языка – будь то письменные законы, судебные решения, устные показания или правовая коммуникация в повседневной жизни. Однако эта, казалось бы, естественная связь таит в себе множество сложностей и противоречий, которые становятся предметом изучения сравнительно молодой, но стремительно развивающейся междисциплинарной области – юридической лингвистики [5, С. 3].

На современном этапе развития российского общества, характеризующемся беспрецедентной динамикой социальных, технологических и правовых изменений, актуальные проблемы юридической лингвистики приобретают особую значимость. От того, насколько ясно и однозначно сформулирован закон, до того, как точно интерпретируются показания в суде,

зависит эффективность правосудия, защита прав граждан и стабильность правовой системы в целом [4, С. 15].

Непонимание или искажение смысла юридического текста может повлечь за собой серьезные правовые последствия, привести к конфликтам и подрывать доверие к государственным институтам.

Одной из фундаментальных проблем, над которой работает юридическая лингвистика, является обеспечение эффективной и однозначной правовой коммуникации, которая выражается в трёх ключевых аспектах: достижении ясности и доступности языка закона, обеспечении максимальной коммуникации в законотворчестве и повышении эффективности взаимодействия субъектов права.

Первый аспект обусловлен тем, что несмотря на стремление к точности, язык правовых документов часто остается сложным, архаичным и перенасыщенным специализированной лексикой, что затрудняет его понимание не только обычными гражданами, но порой и специалистами из смежных областей. Это приводит к так называемому «разрыву в понимании» между законодателем и адресатом правовой нормы, создавая почву для двусмысленности и правовых коллизий. Данный аспект является основой для возникновения потребности в разработке и внедрении рекомендаций по оптимизации юридического языка, делая его более понятным и доступным для широкой аудитории, не теряя при этом юридической точности.

Процесс создания законов представляет собой сложную коммуникативную деятельность, где от четкости формулировок, учета возможных интерпретаций и прогнозирования правоприменительной практики зависит эффективность будущей нормы. Изучение правовой коммуникации в процессе законотворчества позволяет выявить проблемы, связанные с внутренней логикой актов, их согласованностью и потенциальной неоднозначностью. Данные факторы обуславливают второй аспект правовой коммуникации.

Не менее важен и анализ особенностей вербализации и специфики языка правового сознания различных участников правоотношений (судьи, адвокаты, свидетели, потерпевшие и т. д.), позволяющий лучше понять динамику коммуникации в правовой сфере, выявить источники недопонимания и предложить пути их преодоления [3, С. 56].

Немаловажными являются проблемы интерпретации и герменевтики юридического текста. Являясь промежуточным этапом между чтением и применением правовой нормы, интерпретация является одной из наиболее значимых составляющих данного процесса, поскольку не представляется возможным прочтение текста закона и его бессмысленное применение. Терминологические аспекты правовых норм и иных текстов, обладающих юридической силой, могут иметь несколько значений. В связи с этим, возникает проблема выбора максимально контекстуально соответствующего значения слова, разрешаемая в процессе интерпретации посредством обобщения и абстрагирования. Более того, возникает необходимость учитывать цели, намерения, смыслы, которые потенциально вкладывал в текст автор.

Немаловажным фактором являются и внутренние убеждения автора и интерпретатора, которые имеют отношение к рассматриваемому правовому тексту [7, С. 111].

Несмотря на стремление к унификации, юридические термины могут иметь несколько значений или вызывать разночтения в зависимости от контекста, правовой отрасли или даже исторического периода. Это требует тщательного анализа, унификации терминологии и создания специализированных юридических словарей и глоссариев.

Кроме того, дискуссия касательно трактовки юридических терминов и понятий, несмотря на широкую полемику, всё еще остаётся открытой. Так, Н.А. Трофимова в своих работах отмечает, что значение термина чаще раскрывается контекстом, а Т.В. Рыженкова приходит к выводу, что терминам свойственна полисемия только в пределах одной терминосистемы. При этом одинаковые термины в разных отраслях представляют омонимию, которая возникает в результате процесса транsterминологизации, т.е. перехода термина из одной терминосистемы в другую. Л.А. Пекарская отмечает в своих работах, что «однозначность является желаемой характеристикой термина», но это требование выполняется не всегда. Так, в науке о языке существует большое количество терминов, имеющих несколько значений. Из 4000 терминов, открывающих словарные статьи в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой, полисемичны примерно 394, т.е. 10% [8, С. 230].

В целом, проблема разработки и унификации юридической терминологии остаётся открытой как в контексте национального законодательства, так и на международном уровне. В контексте последнего, не менее актуальным является вопрос адекватного перевода юридической терминологии на различные языки. Данный вопрос требует учета не только лингвистических, но и культурных, а также правовых особенностей каждой системы. Буквальный перевод часто неприемлем, необходим перевод, учитывающий правовую концепцию, стоящую за термином.

К примеру, доктор филологических наук Е.Ю. Балашова в своих исследованиях отмечает следующие проблемы перевода отечественных юридических терминов на английский язык:

1) существование терминов, не имеющих аналогов в английском языке и англосаксонском праве как таковом;

2) большое количество многозначных терминов, при этом их значения могут быть полярными, и в одном из значений термин может являться отражением российской правовой специфики и идти вразрез с англоязычной и общемировой практикой, в которой употребляется фонетический аналог лексической единицы, являющейся полисемантической в русском языке;

3) существование терминов, возникших в советское время, включенных в современное законодательство, но не раскрытых в нем четко и потому требующих особой осторожности в переводе;

4) существование терминов, описывающих тот же участок правового поля, что и термины англосаксонского права, но иначе «членящие» его;

5) неоднозначность понимания одних терминов затрудняет перевод других терминов, которые входят в то же терминологическое гнездо и которые не представляли бы сложностей в переводе, если бы подобная неоднозначность не была свойственна терминологическому пространству российского права;

6) возникновение новых терминов, отличающихся от советских не по означаемому, но по означающему, в связи с чем старый и новый термин требуют дифференцированного перевода на английский язык [1, С. 41].

Сходные проблемы, однако со своей спецификой, прослеживаются и в контексте перевода юридической терминологии на другие языковые группы.

Актуальными являются проблемы юридической лингвистики в рамках судебной лингвистической экспертизы.

Методологические проблемы в данной отрасли заключаются в отсутствии единой методики, субъективности методов и формальном подходе. Так специфика исследуемого материала (спорные тексты, продукты речевой деятельности) требует адаптации традиционных методов лингвистического анализа, эксперт при анализе текста может ориентироваться на свои ощущения от него, снижая при этом его объективную оценку или напротив, ограничиться излишней формальностью в оценке [4, С. 35].

В силу данных факторов представляется необходимым развитие и совершенствование методик проведения судебных речеведческих экспертиз, в том числе для выявления признаков противоправной деятельности, а также создание единых стандартов и требований к экспертным заключениям, обеспечивающих их научную обоснованность и достоверность.

Немаловажным в данном контексте фактором является определение границы компетенции лингвиста-эксперта.

Терминологический аспект судебной лингвистической экспертизы выражается в неразработанности и отсутствии универсального понятийного аппарата, частой смежности понятий вследствие открытой терминологической системы, а также неопределённости соотношения лингвистических и юридических терминов.

По мере развития и усложнения правовой системы, элементы её языка и мышления начинают проникать в повседневное общение, изменяя его, а иногда и создавая новые сложности. Так возникает проблема юридизации естественного языка, которая помимо лингвистических сложностей (формализация, деформация естественного языка юридическими штампами, возникновение новых барьеров общения и т.д.) создают и негативное влияние на правосознание и правовую культуру. Данный фактор выражается в поверхностном и искаженном усвоении юридических понятий, возникновении «псевдознания» и неверного толкования, перенос юридической логики на ситуации, которые традиционно регулируются моральными, этическими и социальными нормами [6].

Традиционно острой является проблема взаимосвязи юридической и теоретической лингвистики, которая заключается в поиске оптимального баланса и методов переноса абстрактных лингвистических теорий и концепций

в специфическую, прагматически ориентированную область права. Данное положение дел порождает ряд сложностей.

Во-первых, это разрыв между абстракцией и прикладным характером. Теоретическая лингвистика оперирует абстрактными моделями языка, его структуры (фонология, морфология, синтаксис) и значения (семантика, прагматика), а также универсальными принципами функционирования языка. Её цель – описание и объяснение языковых явлений в целом. В свою очередь, юридическая лингвистика является прикладной дисциплиной. Она сосредоточена на конкретных языковых явлениях в правовом контексте – от анализа текста закона до экспертизы устных высказываний в суде. Её задача – решение практических проблем, связанных с интерпретацией, созданием и применением правовых норм.

Проблема возникает, когда попытки напрямую применить общие лингвистические теории к юридическим текстам и ситуациям оказываются недостаточными или неадекватными. Юридический язык обладает специфическими особенностями, которые могут не укладываться в универсальные модели или требовать их существенной адаптации.

Во-вторых, сложности, возникающие из-за специфики юридического языка. В отличие от естественного языка, который описывает реальность, юридический язык предписывает, как она должна быть устроена. Это означает, что его функция не только информативная, но и регулятивная, что влияет на выбор лексики, синтаксиса и стилистики. Теоретические модели, ориентированные на дескриптивные аспекты языка, могут не в полной мере охватывать эту нормативную функцию.

Высокая степень формализации и точности юридического языка предназначена для максимальной однозначности и исключению двусмысленности, что приводит к специфическим языковым конструкциям, терминологической жесткости и отсутствию эмоциональности. Универсальные теории семантики или прагматики, изучающие естественную многозначность и контекстуальность, могут столкнуться с трудностями при анализе этой «искусственной» точности.

Значение многих юридических терминов и конструкций неотделимо от конкретной правовой системы, её принципов и прецедентов. Это делает их понимание невозможным без учета юридического контекста, который выходит за рамки чисто лингвистического анализа. Теоретическая лингвистика, не обладающая юридическими знаниями, рискует дать неполную или ошибочную интерпретацию.

Различие исследовательской парадигмы и проблемы интерпретации определяют методические аспекты проблематики. Так, теоретическая лингвистика часто использует методы корпусной лингвистики, экспериментальной фонологии или когнитивной лингвистики для выявления общих закономерностей. В юридической лингвистике же акцент смещается на качественный анализ конкретных текстов, судебных дел и конфликтных ситуаций, что требует адаптации и модификации общелингвистических методик.

Помимо этого, обе дисциплины занимаются интерпретацией, но с разных позиций. Теоретическая лингвистика исследует механизмы языковой интерпретации в целом, тогда как юридическая лингвистика фокусируется на юридической интерпретации, которая подчиняется не только лингвистическим, но и правовым правилам (например, принципам толкования норм права) [2].

В области юридической лингвистики по-прежнему сохраняется ряд сложных вопросов, требующих дальнейшего изучения и осмысления. Несмотря на многочисленные усилия по выработке единого подхода к формулированию законодательных актов с целью обеспечения их доступности и понимаемости, проблема ясности юридического языка остаётся актуальной.

Это обусловлено фундаментальным значением ясного юридического языка для правоприменения. Только при абсолютной прозрачности норм права лица могут нести ответственность на основе содержащихся в них предписаний.

В мировом академическом сообществе существуют две противоположные точки зрения на природу юридического языка. Первая трактует его как особый вид языка, обладающий специфическими чертами, отличающими его от литературного языка. Вторая рассматривает юридический язык как разновидность (стиль) литературного языка.

Необходимо подчеркнуть исключительную важность языка в юриспруденции. Он не просто служит техническим инструментом для выражения воли законодателя, но и выступает в качестве формы существования самого закона. Юридический язык обеспечивает диалог между властью и народом на доступном и понятном для всех языке.

Отсутствие тесного сотрудничества между юристами и лингвистами тормозит развитие юридической лингвистики. Слабая связь и недоверие между этими профессиональными группами мешают достижению важных целей. Без этой связи не сможет сформироваться понятный юридический язык, который облегчит профессиональную коммуникацию и поможет сделать законы доступными для всех. Должны быть сформированы единые подходы для проведения судебно-лингвистических экспертиз.

Поскольку язык является средством выражения воли законодателей и основой диалога между государством и гражданами, необходимо создать общие правила юридической коммуникации и законодательной техники. Это также включает в себя разработку специализированных словарей юридических терминов, методов анализа правовых текстов и их систематизацию.

Выводы. Таким образом, взаимодействие языка и права, хотя и является естественным, порождает множество сложностей, требующих глубокого научного осмысления и, как следствие, выработки практических решений, поскольку область юридической лингвистики играет одну из основополагающих ролей в обеспечении эффективности и справедливости правовой системы.

Одной из центральных проблем данной области остается обеспечение эффективной правовой коммуникации, что включает в себя достижение ясности и доступности языка закона для широкой аудитории, оптимизацию коммуникации в процессе законотворчества и повышение эффективности

взаимодействия между всеми субъектами правоотношений. Сложность, архаичность и перенасыщенность правовых документов специализированной лексикой создают «разрыв в понимании», который может приводить к двусмысленности, правовым коллизиям и подрыву доверия к государственным институтам.

Проблема интерпретации и герменевтики юридического текста остаются краеугольным камнем правоприменения, несущим в себе значительные лингвистические вызовы. Неоднозначность и многозначность юридических терминов, а также необходимость учета контекста, намерений автора и даже внутренних убеждений интерпретатора требуют тщательного анализа и унификации подходов. Отсутствие единого понимания терминологии препятствует эффективному правовому регулированию как на национальном, так и на международном уровнях. Проблемы перевода юридических терминов, особенно тех, что отражают специфику национальных правовых систем, требуют особого внимания и разработки адекватных стратегий.

Судебная лингвистическая экспертиза, будучи одним из наиболее динамично развивающихся направлений, также сталкивается с серьёзными методологическими и терминологическими проблемами. Отсутствие единых методик, риск субъективности и недостаточно разработанный понятийный аппарат затрудняют объективную оценку речевой деятельности и требуют создания универсальных стандартов. Чёткое определение границ компетенции лингвиста-эксперта также является критически важным для обеспечения научной обоснованности и достоверности экспертных заключений.

Проблема юридизации естественного языка указывает на глубокое влияние права на повседневное общение. Это проявляется в формализации, деформации естественного языка юридическими штампами и возникновении новых коммуникационных барьеров. Поверхностное или искажённое усвоение юридических понятий может привести к «псевдознанию» и неверному толкованию, а перенос юридической логики на сферы, традиционно регулируемые моральными и этическими нормами, способно вызвать излишнюю конфликтность.

Наконец, взаимосвязь юридической и теоретической лингвистики представляет собой сложный вызов, заключающийся в поиске баланса между абстрактными лингвистическими теориями и их прикладным характером в правовой сфере. Специфика юридического языка – его прескриптивность, высокая степень формализации и неразрывная связь с правовой системой – требует адаптации существующих лингвистических моделей и разработки новых, специализированных подходов. Различие исследовательских парадигм и подходов к интерпретации также диктует необходимость усиления междисциплинарного диалога и подготовки специалистов, обладающих компетенциями как в лингвистике, так и в юриспруденции.

Представляется, что решение обозначенных проблем требует комплексного, междисциплинарного подхода, включающего совместные усилия

юристов, лингвистов, психологов и специалистов в области информационных технологий.

Дальнейшие исследования в этих направлениях критически важны для повышения эффективности правовой коммуникации, обеспечения доступности правосудия и укрепления верховенства права в современном обществе.

Список литературы

1. Балашова, Е.Ю. Проблемы перевода юридической терминологии в аспекте международного правового дискурса / Е.Ю. Балашова, Н.В. Лазовская // Язык науки и профессиональная коммуникация. – 2022. – № 1(6). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemu-perevoda-yuridicheskoy-terminologii-v-aspekte-mezhdunarodnogo-pravovogo-diskursa> (дата обращения: 18.12.2025).
2. Бринев, К.И. Лингвистические теории и лингвистические экспертные исследования: проблема взаимосвязи юридической и теоретической лингвистики / К.И. Бринёв // Сибирский филологический журнал. – 2010. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-teorii-i-lingvisticheskie-ekspertnye-issledovaniya-problema-vzaimosvyazi-yuridicheskoy-i-teoreticheskoy-1> (дата обращения: 18.12.2025).
3. Воронкова, Л.С. Актуальные проблемы современной юридической лингвистики / Л.С. Воронкова // Наука. Образование. Современность / Science. Education. The present. – 2020. – № 1-2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-sovremennoy-yuridicheskoy-lingvistiki> (дата обращения: 25.12.2025).
4. Галяшина, Е.И. Проблемы повышения эффективности и качества судебной лингвистической экспертизы / Е.И. Галяшина // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemu-povysheniya-effektivnosti-i-kachestva-sudebnoy-lingvisticheskoy-ekspertizy> (дата обращения: 26.12.2025).
5. Голев, Н.Д. Юрислингвистика: проблемы и перспективы: Межвуз. сб. науч. тр. / [Отв. ред.: Н.Д. Голев]. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2011. – 181 с.
6. Голев, Н.Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема / Н.Д. Голев // Юрислингвистика. – 2000. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridizatsiya-estestvennogo-yazyka-kak-lingvisticheskaya-problema-1> (дата обращения: 15.12.2025).
7. Гулик, А.Г. Сущность интерпретации в юридической герменевтике / А.Г. Гулиг // Инновационная наука. – 2017. – № 11. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-interpretatsii-v-yuridicheskoy-germenevtike> (дата обращения: 18.12.2025).
8. Шишканова, Л.П. К проблеме многозначности юридических терминов / Л.П. Шишканова // Вестник СГЮА. – 2014. – № 5 (100). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-mnogoznachnosti-yuridicheskikh-terminov> (дата обращения: 05.12.2025).

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 341.233.111

ЦИФРОВЫЕ ОБЪЕКТЫ КОНТРОЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В БЮДЖЕТНОЙ СФЕРЕ: ПРАВОВОЙ СТАТУС И ЮРИДИЧЕСКАЯ СИЛА

Денис Васильевич Лобов, кандидат юридических наук, проректор по экономике и административно-хозяйственной деятельности, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: rait84@mail.ru)

В статье анализируются трансформационные процессы в системе государственного финансового контроля, обусловленные цифровизацией экономики. Автор обосновывает необходимость переосмысления правовых основ бюджетного контроля с учётом расширения его предмета за счёт цифровых объектов и механизмов. Особое внимание уделяется проблемам правового статуса цифровых объектов контрольной деятельности, баланса между прозрачностью бюджетных процессов и защитой прав субъектов бюджетного сектора, а также снижения административной нагрузки в условиях цифровой трансформации.

Ключевые слова: государственный финансовый контроль, бюджетный сектор, цифровая экономика, цифровизация, цифровой объект контрольной деятельности, правовое регулирование, административная нагрузка, прозрачность.

DIGITAL OBJECTS OF CONTROL ACTIVITIES IN THE BUDGET SPHERE: LEGAL STATUS AND LEGAL EFFECTIVENESS

Lobov, D.V.

The article analyzes the transformation processes in the system of state financial control caused by the digitalization of the economy. The author substantiates the need to rethink the legal foundations of budget control, taking into account the expansion of its subject matter to include digital objects and mechanisms. Special attention is paid to the problems of the legal status of digital objects of control activities, the balance between transparency of budget processes and protection of the rights of budget sector entities, as well as reducing the administrative burden in the context of digital transformation.

Keywords: *state financial control, budget sector, digital economy, digitalization, digital object of control activities, legal regulation, administrative burden, transparency.*

Актуальность исследования обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов, определяющих современное состояние и перспективы развития института государственного финансового контроля в Российской Федерации:

Во-первых, цифровая трансформация экономики и государственного управления кардинально изменяет природу бюджетных отношений, переводя их из документооборота на бумажных носителях в распределённую цифровую среду. Внедрение цифровых платформ бюджетного планирования и исполнения (например, ГИС «Бюджет») и анализа больших данных трансформирует не только инструментарий, но и саму сущность финансового контроля – от эпизодической ревизионной деятельности к непрерывному алгоритмическому мониторингу. Однако действующее правовое регулирование бюджетного контроля, закреплённое, прежде всего, в Бюджетном кодексе РФ, сохраняет документоцентричную парадигму, не учитывая специфику цифровых объектов контрольной деятельности (цифровых следов, метаданных, алгоритмических решений).

Во-вторых, возникает правовой вакуум в отношении статуса и юридической силы «цифровых объектов контрольной деятельности» – информации, полученной из автоматизированных информационных систем без непосредственного участия человека. Отсутствие чётких критериев допустимости, порядка фиксации и верификации таких объектов создает правовую неопределённость как для контролирующих органов (Счётная палата РФ, Федеральное казначейство, контрольно-счётные органы субъектов РФ), так и для подконтрольных организаций бюджетного сектора, что повышает риски оспаривания результатов контрольных мероприятий в судебном порядке.

В-третьих, цифровизация порождает коллизию между двумя направлениями: прозрачностью использования бюджетных средств и защитой прав субъектов бюджетного сектора (включая также право на конфиденциальность служебной информации, защиту персональных данных). Существующее законодательство не содержит балансных механизмов, определяющих допустимые пределы сбора и использования цифровых данных в контрольных целях, что ведёт к избыточной административной нагрузке на бюджетные организации и возможному нарушению их прав.

В-четвёртых, несмотря на декларируемую цель снижения административной нагрузки, цифровизация зачастую приводит к её увеличению вследствие фрагментации информационных систем, отсутствия межведомственной интеграции и сохранения дублирующих отчётностей в различных форматах. Это свидетельствует о недостаточной проработке правовых основ взаимодействия информационных систем в бюджетной сфере.

Таким образом, актуальность исследования определяется острой потребностью в теоретическом осмыслении и правовом оформлении

трансформации государственного финансового контроля в условиях цифровой экономики, особенно в части легализации цифровых доказательств и обеспечения баланса между эффективностью контроля и защитой прав участников бюджетного процесса.

Целью исследования является разработка теоретико-правовых основ и концептуальных подходов к совершенствованию правового регулирования государственного финансового (бюджетного) контроля за организациями бюджетного сектора в условиях цифровизации экономики, обеспечивающих:

1. Определение правового статуса и юридической силы цифровых объектов контрольной деятельности, используемых при выявлении нарушений бюджетного законодательства, включая разработку критериев их допустимости, порядка фиксации и верификации;

2. Формирование правовых механизмов баланса между прозрачностью бюджетных процессов и защитой прав субъектов бюджетного сектора в цифровой среде на основе принципа пропорциональности контрольных мер;

3. Обеспечение снижения административной нагрузки на подконтрольные организации и контролирующие органы путём правового закрепления архитектуры единой цифровой экосистемы бюджетного контроля с принципом «однократного представления данных».

Достижение указанной цели предполагает решение комплекса задач теоретического и прикладного характера: анализ трансформации природы финансового контроля в цифровой экономике; выявление пробелов и коллизий в действующем правовом регулировании; разработку концепции правового статуса цифровых объектов контрольной деятельности; формулирование предложений по совершенствованию законодательства о государственном финансовом контроле с учётом вызовов цифровой трансформации.

Результаты исследования имеют значение для дальнейшего развития теории публично-правового регулирования бюджетных отношений, а также для законотворческой деятельности в сфере совершенствования бюджетного законодательства Российской Федерации в условиях цифровой экономики.

Изложение основного материала. Методологическую базу исследования составляют два взаимодополняющих научных метода и подхода, применение которых обеспечивает комплексный анализ проблем правового регулирования цифровых объектов контрольной деятельности в системе государственного финансового контроля.

1. Формально-юридический метод. Метод применён для системного анализа действующих нормативных правовых актов, регулирующих государственный финансовый контроль и смежные сферы. В рамках данного метода проведены:

– догматический анализ положений Бюджетного кодекса РФ (раздела IX «Государственный (муниципальный) финансовый контроль, части IV «Бюджетные нарушения и бюджетные меры принуждения») [1], Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2], Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О

персональных данных» [3], во взаимосвязи с полномочиями Счётной палаты РФ, Федерального казначейства. Особое внимание уделено выявлению пробелов в правовом регулировании: отсутствию дефиниции «цифрового объекта контрольной деятельности», неурегулированности порядка фиксации данных, полученных из автоматизированных информационных систем без участия человека;

– юридико-технический анализ с целью выявления противоречий в законодательстве и разработки предложений по совершенствованию правовых конструкций. В частности, проанализирована необходимость введения на законодательном уровне понятия «Цифровой объект контрольной деятельности» с закреплением критериев допустимости (техническая надёжность источника, неизменность данных, воспроизводимость алгоритма проверки).

Применение формально-юридического метода позволило не только констатировать существующие правовые пробелы, но и сформулировать конкретные законодательные предложения, обеспечивающие легализацию цифровых объектов контрольной деятельности в бюджетном контроле.

2. Системный подход. Применён для рассмотрения государственного финансового контроля как целостного элемента правовой системы цифровой экономики, взаимодействующего с другими подсистемами (бюджетным процессом, системой персональных данных, межведомственным электронным взаимодействием). В рамках данного подхода:

– определены внутрисистемные связи: взаимодействие между контролирующими органами (Счётная палата РФ, Федеральное казначейство, контрольно-счётные органы субъектов РФ) и подконтрольными организациями в цифровой среде; соотношение внешнего и внутреннего финансового контроля при использовании цифровых объектов контрольной деятельности;

– проанализированы выходные параметры: результаты контрольных мероприятий, основанные на цифровых доказательствах; экономический эффект от снижения административной нагрузки;

– построена модель взаимодействия подсистем цифровой экосистемы бюджетного контроля, включающая: 1) правовую подсистему (нормативное закрепление статуса цифровых доказательств); 2) технологическую подсистему (единые стандарты форматов, протоколы верификации); 3) организационную подсистему (распределение полномочий между контролирующими органами); 4) правозащитную подсистему (механизмы обжалования, защита конфиденциальности).

Системный подход позволил выявить ключевую проблему современного состояния цифрового контроля – фрагментацию подсистем при отсутствии единой архитектуры. Например, данные из ГИС «Бюджет» не интегрируются автоматически с системами Счётной палаты РФ, что приводит к дублированию запросов и увеличению административной нагрузки. На основе системного анализа сформулировано предложение о создании единой цифровой экосистемы бюджетного контроля с принципом «однократного представления данных», где цифровые доказательства, однажды зафиксированные и верифицированные,

могут использоваться всеми контролирующими органами без повторного запроса у подконтрольной организации.

Комбинация указанных методов обеспечила многоуровневый анализ проблемы: формально-юридический метод выявил нормативные пробелы, а системный подход – определил место цифровых объектов контрольной деятельности в целостной архитектуре цифровой экономики. Такая синергия методов позволила перейти от констатации проблем к разработке комплексных, юридически обоснованных и технологически реализуемых предложений по совершенствованию правового регулирования цифровых объектов контрольной деятельности в государственном финансовом контроле.

Фундаментальная трансформация системы государственного управления в условиях цифровой экономики обуславливает необходимость глубокой модернизации института государственного финансового (бюджетного) контроля. Цифровизация, выступая не просто инструментом оптимизации существующих процедур, а фактором трансформации самой природы публично-правовых отношений, требует переосмысления традиционных подходов к организации и осуществлению контрольной деятельности в бюджетной сфере [4]. В условиях, когда бюджетное планирование, исполнение и учёт все более опираются на цифровые платформы, алгоритмы и большие данные, возникает необходимость в расширении предмета контроля за счёт включения в него цифровых объектов (цифровых следов, метаданных, алгоритмических решений), что создаёт новые вызовы для правового регулирования [5].

Цифровизация экономики трансформирует государственный финансовый контроль от эпизодической ревизионной деятельности к непрерывному, прогнозирующему и превентивному механизму. Традиционная модель контроля, основанная на документальной проверке ретроспективных операций, уступает место модели «умного контроля», реализуемой через интеграцию контрольных алгоритмов непосредственно в цифровые бюджетные процессы, применение технологий искусственного интеллекта для выявления аномалий и использование больших данных для прогнозирования нарушений [6].

Данная трансформация затрагивает сущностные характеристики контроля как публично-правового института. Если ранее предметом контроля выступали преимущественно финансовые операции и первичные документы, то в цифровой среде расширяется спектр контролируемых объектов: алгоритмы принятия бюджетных решений, цифровые следы операций, метаданные. Такое расширение предмета контроля требует соответствующей корректировки нормативно-правовой базы, включая Бюджетный кодекс Российской Федерации.

Цифровая трансформация фактически стала необходимым условием для повышения эффективности контроля в финансово-бюджетной сфере, обеспечивая не только снижение издержек подконтрольных объектов, но и повышение оперативности обмена информацией между участниками бюджетного процесса. Внедрение цифровых технологий позволяет оптимизировать бюджетный процесс за счёт автоматизации рутинных операций, повышения прозрачности и доступности бюджетной информации.

Трансформация государственного финансового контроля в условиях цифровой экономики представляет собой парадигмальный сдвиг от документоцентричной модели к цифровой (алгоритмической) модели. Для наглядной демонстрации данного сдвига следует привести сравнительную таблицу ключевых характеристик обеих моделей.

Критерий сравнения	Традиционная (документоцентричная) модель	Цифровая (алгоритмическая) модель
Предмет контроля	Финансовые операции, зафиксированные в первичных учётных документах	Цифровые следы операций в реальном времени, метаданные, алгоритмические выводы
Методы контроля	Эпизодические выездные проверки и ревизии (плановые/внеплановые); выборочная проверка документов ретроспективный анализ за отчётный период (месяц, квартал, год)	Непрерывный мониторинг в режиме реального времени через интеграцию с информационными системами (например, ГИС «Бюджет»; сплошная проверка 100% операций алгоритмами анализа данных; прогнозирующий контроль: выявление рисков до совершения операции.
Субъекты контроля	Человек-контролёр как доминирующий субъект, самостоятельно формирующий выборку, интерпретирующий документы, принимающий решение о наличии нарушения	Гибридная модель: алгоритмы искусственного интеллекта как «первичные контролёры» + человек как верификатор критических решений.
Результаты контроля	Акт проверки/ревизии подписанный уполномоченным должностным лицом; предписание об устранении выявленных нарушений с чёткими сроками исполнения	Цифровое событие контроля – структурированная запись в распределённом реестре с криптографической привязкой к исходным данным; динамическое предписание с автоматическим отслеживанием исполнения; блокировка операции при превышении пороговых значений риска
Экономический эффект	Высокие транзакционные издержки: командировочные	Снижение издержек контроля на 60–70% за счёт автоматизации рутинных операций; снижение

	расходы, оплата труда контролёров.	административной нагрузки при условии единой цифровой экосистемы
--	---------------------------------------	--

Представленная таблица демонстрирует парадигмальный сдвиг в системе государственного финансового контроля: от статической модели, ориентированной на ретроспективную констатацию нарушений, к динамической модели непрерывного мониторинга и превентивного предотвращения нарушений. Ключевым отличием является трансформация самого предмета контроля: если традиционная модель фокусируется на результатах финансовых операций (документах), то цифровая модель охватывает процесс операции через метаданные и алгоритмические процессы. Данная трансформация объективно требует переосмысления правовых основ контроля, поскольку действующее законодательство не учитывает специфику цифровых объектов контрольной деятельности и не закрепляет их правовой статус, что создаёт правовую неопределённость и повышает риски оспаривания результатов контрольных мероприятий.

Цифровизация также порождает комплекс правовых проблем, требующих законодательного решения:

Во-первых, отсутствие чёткого правового статуса цифровых объектов контрольной деятельности. В ходе контрольных мероприятий всё чаще используются данные, полученные из информационных систем. Однако действующее законодательство не содержит исчерпывающего определения юридической силы таких объектов, порядка фиксации нарушений и допустимости таких доказательств в административных процедурах [4]. Неурегулированность вопроса о признании электронных документов, сформированных автоматизированными системами без участия человека, в качестве доказательств, создает правовую неопределённость как для контролирующих органов, так и для подконтрольных организаций.

Во-вторых, проблема баланса между прозрачностью бюджетных процессов и защитой прав субъектов бюджетного сектора. Цифровые технологии позволяют обеспечить беспрецедентный уровень прозрачности расходования бюджетных средств, однако одновременно повышают риски нарушения конфиденциальности служебной информации и персональных данных. Бюджетная деятельность в условиях цифровой экономики требует особого внимания к принципу прозрачности при сохранении баланса с правами участников бюджетного процесса.

Цифровая трансформация государственного финансового контроля порождает фундаментальную конституционно-правовую коллизию: с одной стороны, цифровые технологии обеспечивают беспрецедентный уровень прозрачности бюджетных процессов, что соответствует требованиям Конституции РФ о гласности деятельности органов государственной власти и парламентском контроле за исполнением федерального бюджета; с другой

стороны, расширение объёма собираемых цифровых данных повышает риски нарушения конституционных прав субъектов бюджетного сектора, закреплённых в статьях 23 и 24 Конституции РФ (неприкосновенность частной жизни, защита персональных данных). Разрешение данной коллизии требует применения принципа пропорциональности как универсального правового инструмента балансирования конкурирующих ценностей в условиях цифровой экономики.

Принцип прозрачности бюджетного процесса традиционно рассматривается как условие эффективного финансового контроля и предотвращения коррупционных рисков. Как отмечает Т.А. Смирных, недооценка данного принципа ведёт к снижению общественного доверия к бюджетной системе и затрудняет реализацию механизмов общественного контроля [9]. В условиях цифровизации прозрачность приобретает качественно новое измерение: вместо периодической публикации отчётности о расходовании бюджетных средств обеспечивается непрерывный мониторинг всех операций в реальном времени через интеграцию с ГИС «Бюджет», ЕИС закупок и другими цифровыми платформами. Однако такая тотальная прозрачность трансформируется в угрозу прав субъектов бюджетного сектора, когда контролирующие органы получают доступ не только к финансовым операциям, но и к метаданным (геолокация устройств сотрудников, паттерны поведения в информационных системах, коммуникационные графы), которые формально не относятся к предмету контроля, но могут раскрывать конфиденциальную информацию о служебной деятельности.

Особую остроту проблема приобретает при обработке персональных данных работников бюджетных учреждений. Согласно исследованиям Д.А. Невской, при разрешении споров по делам о защите персональных данных в контексте трудовых отношений ключевое значение приобретает принцип пропорциональности: меры по мониторингу должны быть адекватны целям контроля и не превышать необходимого минимума для достижения этих целей [10]. Например, при контроле целевого использования субсидий на оплату труда недопустим сбор данных о личной жизни работников (место проживания, семейное положение, перемещения вне рабочего времени), даже если технически такие данные доступны через корпоративные устройства.

Для реализации баланса между прозрачностью и правозащитой предлагается модель «градуированного доступа», предполагающая дифференциацию объёма и глубины доступа контролирующих органов к цифровым данным в зависимости от трёх критериев:

1. Степень риска нарушения бюджетного законодательства. Для организаций с низким уровнем риска (например, образовательные учреждения с устойчивой историей исполнения государственного задания) допускается ограниченный доступ только к агрегированным финансовым показателям без детализации по операциям. Для высокорисковых секторов (государственные корпорации, организации оборонно-промышленного комплекса) может быть предусмотрен расширенный доступ к метаданным и логам транзакций [11].

2. Тип контролирующего органа. Субъекты внешнего контроля (Счётная палата РФ) получают доступ к полному спектру цифровых данных при наличии мотивированного решения. Органы внутреннего контроля (финансовые органы субъектов РФ) ограничиваются данными, необходимыми для текущего мониторинга исполнения бюджета.

3. Цель контрольного мероприятия. При плановых проверках доступ предоставляется только к данным, непосредственно относящимся к предмету проверки. При выявлении признаков мошенничества или коррупции допускается расширение доступа, но с обязательным последующим контролем законности таких мер со стороны вышестоящего органа.

Одним из ключевых механизмов реализации пропорциональности в цифровом контроле выступает принцип минимизации предоставления и обработки данных. В контексте бюджетного контроля данный принцип требует, чтобы объём собираемых цифровых объектов контрольной деятельности был строго ограничен целями выявления конкретных нарушений бюджетного законодательства.

Современный этап развития финансового права характеризуется необходимостью выработки балансных механизмов, обеспечивающих одновременно эффективность контроля и защиту прав субъектов бюджетных отношений в условиях цифровизации. Отказ от принципа минимизации ведёт к избыточной административной нагрузке: бюджетные учреждения вынуждены тратить ресурсы на обеспечение защиты данных, объём которых технически доступен контролирующим органам, но не имеет отношения к предмету контроля.

В-третьих, необходимость снижения административной нагрузки. Несмотря на потенциал автоматизации, многие контрольные процедуры сохраняют избыточную формализацию, требуя от бюджетных организаций представления одних и тех же данных в различных форматах. Цифровизация бюджетного контроля должна быть направлена не только на снижение издержек подконтрольных объектов, но и на повышение оперативности обмена информацией [7].

Для преодоления указанных вызовов необходима разработка комплексной концепции правового регулирования цифрового бюджетного контроля. Цифровизация финансово-бюджетного контроля предполагает не только внедрение новых технологий, но и формирование правовых оснований для их применения в контрольной деятельности.

Таким образом, в рамках поставленных целей исследования предлагается следующая формулировка термина «Цифровые объекты контрольной деятельности»:

«Цифровые объекты контрольной деятельности» – данные, сформированные автоматизированными информационными системами бюджетного процесса без непосредственного участия человека (логи транзакций, метаданные, алгоритмические выводы), используемые

контролирующими органами для выявления нарушений бюджетного законодательства.

При этом, следует различать понятия «объект контроля» (организация, подлежащая проверке – статья 266.1 БК РФ) и «объекты контрольной деятельности» (информация, документы, данные, анализируемые в ходе контроля). В условиях цифровой экономики состав последних объективно расширяется за счёт данных, сформированных автоматизированными системами без участия человека, что требует правового оформления их статуса.

Таким образом, введение данного термина имеет ряд преимуществ:

- данная дефиниция охватывает специфику цифровой трансформации и выходит за рамки традиционных электронных документов;
- не создаёт коллизии с «объектами контроля» по статье 266.1 БК РФ (организации);
- соответствует термину «контрольная деятельность», используемому в статьях 267.1, 268.1 БК РФ;
- сохраняет фокус на информационной функции;
- позволяет провести чёткое разграничение: объектом контроля является подконтрольная организация, цифровым объектом контрольной деятельности – данные, используемые при проверке этой организации.

Особое внимание следует уделить вопросам цифровизации внешнего государственного финансового контроля, который требует разработки специальных механизмов обеспечения достоверности цифровых данных и защиты прав проверяемых организаций.

Внешний контроль в цифровой среде сталкивается с дополнительными вызовами, связанными с необходимостью верификации данных, полученных из распределённых источников.

Цифровизация бюджетного процесса в Российской Федерации осуществляется в рамках общих тенденций, направленных на организацию выполнения бюджетных отношений в цифровой среде с обеспечением сквозной идентификации операций от планирования до исполнения [8].

Таким образом, необходима унификация подходов к цифровой идентификации контрольных событий и создания единой информационной экосистемы бюджетного контроля.

Для реализации предложенной концепции легализации цифровых объектов контрольной деятельности необходимо внести ряд изменений в законодательство Российской Федерации, определив в Бюджетном кодексе РФ (в главе 26) понятие «Цифровых объектов контрольной деятельности», порядка формирования протокола цифрового события контроля (электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью уполномоченного должностного лица), порядка непрерывного мониторинга.

Также необходимо законодательно определить права подконтрольных организаций на ознакомление с цифровыми объектами и представление возражений, определить понятие «цифровое событие контроля» как особого

вида информации, имеющей юридическую силу при соблюдении установленных критериев допустимости, а также разработать подзаконный акт, утверждающий порядок фиксации и использования цифровых объектов контрольной деятельности при осуществлении государственного финансового контроля.

Исследования О.С. Забраловой подтверждают необходимость унификации подходов к цифровой идентификации контрольных событий для создания единой информационной экосистемы, что невозможно без законодательного закрепления статуса цифровых объектов контрольной деятельности [8]. Реализация данных предложений станет ключевым условием преодоления правового вакуума и формирования предсказуемой правовой среды для всех участников цифрового бюджетного процесса.

Выводы. Цифровизация экономики объективно трансформирует государственный финансовый контроль, переводя его от ретроспективной проверки к непрерывному мониторингу и прогнозированию. Однако технологическая модернизация без соответствующего правового обеспечения не только не повышает эффективность контроля, но и создаёт новые риски для прав субъектов бюджетного сектора и правовой определённости бюджетных отношений.

Ключевым выводом исследования является необходимость безотлагательной разработки концептуальных подходов к определению правового статуса и юридической силы «цифровых объектов контрольной деятельности» и внедрения данного термина на законодательном уровне. Без решения этого вопроса невозможно обеспечить баланс между эффективностью контроля и защитой прав подконтрольных организаций, а также достичь снижения административной нагрузки в условиях цифровой трансформации. Цифровые доказательства должны получить чёткое нормативное определение, порядок их фиксации и критерии допустимости, сопоставимые с традиционными доказательствами, но учитывающие специфику цифровой среды (динамичность данных, распределённость источников, алгоритмическую природу формирования).

Дальнейшее развитие института государственного финансового контроля в цифровой экономике требует не только технологических инноваций, но и глубокой правовой реформы, направленной на создание гибкой, предсказуемой и сбалансированной нормативной базы, способной обеспечить как прозрачность использования бюджетных средств, так и защиту конституционных прав участников бюджетного процесса в цифровой среде.

Список литературы

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 28.12.2025). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 03.02.2026).
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм.

- и доп., вступ. в силу с 01.01.2026). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 03.02.2026).
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.06.2025). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 03.02.2026).
4. Фомина, Е.А. Государственный финансовый контроль в условиях цифровой экономики / Е.А. Фомина, Ю.В. Ходаковская, Р.Р. Тамарова // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2018. – № 5 (143). – С. 73-75.
5. Костина, О.И. Цифровизация финансово-бюджетного контроля / О.И. Костина, Т.П. Елистратова // Теория и практика современной науки: сборник статей V Международной научно-практической конференции (Пенза, 23 июня 2021 г.) / Финансовый университет при Правительстве РФ – Пенза, 2021. – С. 110-112.
6. Морозов, А.Е. Изменение модели финансового контроля в условиях цифровой трансформации / А.Е. Морозов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) – 2019 (7). – С. 22-26.
7. Алимбекова, А.С. Влияние цифровизации на повышение эффективности бюджетного контроля / А.С. Алимбекова, В.В. Меньков / Журнал юридических исследований. – 2023. – Том 8. № 2. – С. 45-49.
8. Забралова, О.С. Общие тенденции цифровизации бюджетного процесса в Российской Федерации // О.С. Забралова / Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 11 (168). – С. 11-20. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschie-tendentsii-tsifrovizatsii-byudzhethnogo-protssessa-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 03.02.2026).
9. Смирных, Т.А. К вопросу о принципе прозрачности в бюджетном процессе // Т.А. Смирных / Вестник Белгородского университета потребительской кооперации. – 2009. – № 1 (29). – С. 233-234. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11765691> (дата обращения: 16.02.2026).
10. Невская, Д.А. Особенности защиты персональных данных при цифровом контроле // Д.А. Невская / Актуальные проблемы науки: взгляд студентов. – 2022. – № 8. – С. 155-157. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49406933> (дата обращения: 16.02.2026).
11. Мирошник, С.В. Особенности защиты прав субъектов бюджетных отношений в условиях цифровизации // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве. Сборник статей по результатам международной научно-практической конференции. – 2022. – С. 512-518. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49236738> (дата обращения: 16.02.2026).

УДК 342.9

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ДЕЛИКТ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Александр Анатольевич Николаев, кандидат юридических наук, доцент, директор института правосудия и организации деятельности службы судебных приставов, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: nikolaev_alex02@mail.ru)

Денис Васильевич Лобов, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой административно-правовых и финансово-правовых дисциплин, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: rait84@mail.ru)

В статье исследуется административный деликт в историко-правовом аспекте. Анализируется возникновение институтов административной юстиции, административного права и административного правонарушения. Авторы разделяют мнение о том, что проступки (малозначительные преступления) по своей правовой природе являются действиями криминального характера, но исторически получают название административных проступков (деликтов), как подведомственные органам административной власти. В советский период понятие «административное правонарушение» потеряло признаки одного из институтов административной юстиции и стало восприниматься как синоним понятия «административный проступок (деликт)». Авторы приходят к выводу, что современные научные работы административно-деликтной направленности в Российской Федерации посвящены преимущественно проблемам правоприменительной деятельности субъектов административной юрисдикции. В то же время, все большее распространение получает точка зрения о выделении административно-деликтного права в отдельную отрасль права.

Ключевые слова: административное право, административная юстиция, административное правонарушение, административный деликт, административный проступок.

ADMINISTRATIVE TORT: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

Nikolaev, A.A., Lobov, D.V.

The article examines the administrative tort in the historical and legal aspect. The emergence of the institutions of administrative justice, administrative law and administrative offense is analyzed. The author shares the opinion that offenses (minor crimes) by their legal nature are actions of a criminal nature, but historically they are

called administrative offenses (torts), as they are subordinate to administrative authorities. In the Soviet period, the concept of «administrative offense» lost the characteristics of one of the institutions of administrative justice and began to be perceived as a synonym for the concept of «administrative offense (tort)». The author comes to the conclusion that scientific works on administrative torts in the Russian Federation are currently devoted mainly to the problems of law enforcement activities of subjects of administrative jurisdiction. At the same time, the point of view on the allocation of administrative tort law as a separate branch of law is becoming increasingly widespread.

Keywords: *administrative law, administrative justice, administrative offense, administrative tort, administrative misdemeanor.*

Актуальность темы исследования. Социально-политические изменения в обществе побудили отечественную юридическую науку на поиск перехода от традиционных и устоявшихся исследовательских моделей к парадигме, основанной на учете качественно новых факторов. На административно-правовом пространстве особый интерес по этому поводу составляет научная оценка явлений, порождаемых административным правонарушением (административным проступком, административным деликтом). Получение научно обоснованных знаний о правовом явлении в соответствии с сущностными признаками общества, права, государства и концепций по их соотношению требует исследования закономерностей его существования в исторической парадигме. Приведенные обстоятельства обуславливают актуальность темы исследования.

Анализ научных исследований. Отдельные положения административной деликтологии разрабатывались как учеными, занимающимися вопросами общей теории права, так и специалистами в области административного и уголовного права. Свои работы этой проблематике посвятили: А.Б. Агапов, С.С. Алексеев, Д.Н. Бахрах, В.Б. Исаков, Д.А. Керимов, Ю.М. Козлов, В.К. Колпаков, А.П. Коренев, В.Н. Кудрявцев, Б.А. Лазарев, В.В. Лазарев, А.Н. Леонтьев, В.С. Нерсисянц, Л.Л. Попов, В.Н. Протасов, Б.В. Россинский, В.Д. Сорокин, Ю.Н. Старилов, Н.С. Таганцев, Ю.А. Тихомиров, В.В. Цветков, А.П. Шергин и др. Однако, учитывая дискуссионность вопросов, связанных с административными деликтами, тема исследования является актуальной и своевременной.

Цель статьи состоит в изучении административного деликта в историко-правовом аспекте.

Изложение основного материала. Актуальность исследования проблемных аспектов административного правонарушения в России определяется не только необходимостью уточнения теоретических основ, но и практическими задачами, связанными с развитием законодательства и улучшением государственного управления.

Институализация административного правонарушения, обладающего конкретными юридическими признаками, тесно связана с возникновением административного права и административного судопроизводства (административной юстиции).

При изучении исторических аспектов данного вопроса Ю.Н. Старилов [1, С. 24] ссылается на выводы немецкого ученого А. фон Сарвея, который во второй половине XIX века разработал общее учение административного права. Он подчеркивал, что административная юстиция служит основой административного права, и что последнего не может существовать без судопроизводства.

Этот вывод подтвердил, что административное право и административная юстиция представляют собой категории государственного права и выделил их ключевую роль в трансформации полицейского государства в современное правовое государство, а полицейского права – в современное административное право.

Процесс формирования административной юстиции начался в середине XIX века в европейских странах с учреждением административных судов. Их деятельность значительно ограничила произвол публичной власти и улучшила систему государственного управления. В своей монографии «Административная юстиция. Теория, история, перспективы» Ю.Н. Старилов приводит мнение О. Бэра, который в своем основополагающем труде *Der Rechtsstaat* («Правовое государство») указывает, что государство можно считать правовым только тогда, когда публичные нормы закреплены в законе, а государственное управление находится под контролем судопроизводства [1].

Институт административной юстиции развивается в ответ на необходимость контроля за властью, когда нарушаются установленные правила в сфере публичного управления, то есть допускаются административные правонарушения. Таким образом, можно утверждать, что административное правонарушение как юридическая реальность и один из институтов административной юстиции начинает существовать только когда административное право оформляется как самостоятельная отрасль и функционирует административная юстиция. Следовательно, такие правовые явления как административное право, административное правонарушение и административная юстиция, возникают одновременно и находятся в тесной взаимосвязи, образуя интегративную систему.

Следует отметить, что важные этапы формирования и эволюции административно-правовой теории в Российской империи связаны с судебной реформой 1864 года и исследовательскими трудами таких ученых как И.Ю. Андреевский и И.Т. Тарасов.

И.Ю. Андреевский, как автор первичного определения административного суда, акцентирует внимание на специфике административных дел, которые противостоят обычной юрисдикции и включают споры между частным лицом и органами администрации. Это указывает на необходимость создания особого процессуального механизма для разрешения таких конфликтов, что было

обусловлено реформами, внедренными в судебной системе страны [2, С. 241-242].

И.Т. Тарасов, в свою очередь, делает важный вклад в понимание различий между административным и полицейским правом. Он поднимает вопрос о существовании административных правонарушений и предлагает внедрение административной юстиции как способа противодействия неправомерным действиям власти [3, С. 2-3]. Его видение функционала административных судов как механизма контроля за законностью административных актов служит основой для дальнейшего юридического анализа и практики

А.И. Елистратов, действовавший позже, вносит свою лепту в развитие административного права, указывая на его смешанный характер и критикуя традиционные наименования, ассоциируемые с буржуазными концепциями [4]. Его взгляды отражают изменения в восприятии административного права в контексте социополитической динамики начала XX века.

Таким образом, данный анализ научных источников показывает, как в Российской империи формировались административно-правовая теория и практика, опираясь на идеи и исследования нескольких ключевых фигур, каждую из которых характеризует уникальный вклад в понимание административной юстиции.

Временное правительство в 1917 году предприняло шаги к созданию механизма для разрешения споров между различными государственными и общественными организациями, что стало важным этапом в развитии административной юстиции. Однако в результате ноябрьской революции происходят изменения взглядов на публичное управление и правовые институты, такие как административная юстиция, административное право и административное правонарушение, что подчеркивает динамичность развития и становления новой правовой системы.

Однако и в те годы были ученые, которые считали необходимым и актуальным разработку проблем административной юстиции и административного правонарушения. Прежде всего, речь идет о монографии М.Д. Загряцкова «Административная юстиция и право жалобы в теории и законодательстве», которая была издана дважды: в 1924 и 1925 годах. Его работа, отмеченная фиксацией особенностей административного правонарушения и последствий, вызванных его совершением, отражает актуальные проблемы административной юстиции и необходимость защиты объективного права через механизмы кассационного обжалования [5, С. 7-12].

Исследования М.Д. Загряцкова остаются значимыми и в XXI веке, что указывает на развитие и распространение идей административной юстиции в современном правовом контексте. Эти идеи создают основу для дальнейших дискуссий в области административного права и юстиции как элементов правового государства.

Институализация административного проступка (деликта) в контексте трансформационных процессов в сфере уголовного права отражает значительные изменения в юридической системе России, произошедшие с конца

XIX века до начала XX века. Исторически, правовая система Российской империи акцентировала внимание на карательной власти, сосредоточенной в судах, где дела о малозначительных преступлениях рассматривали мировые судьи. Однако с реформами и отменой института мировых судей, произошедшими в 1889 году, наблюдается перемещение судебных функций в административные органы, что привело к новому пониманию незначительных преступлений как административных проступков.

Как следствие, юридическая природа правонарушений изменилась: то, что ранее классифицировалось как малозначительные преступления, стало восприниматься через призму административной ответственности. Это сближение понятий административного проступка и административного правонарушения, которое началось с Октябрьской революции 1917 года, демонстрирует процесс унификации терминологии и правового понимания данных явлений.

В результате этого процесса мы видим несколько ключевых изменений:

1. Утрата институциональных признаков – административное правонарушение как отдельная категория становится менее четко очерченной, теряя свою специфичность в правоприменении.

2. Сдвиг в терминологии – понятие «административное правонарушение» начинает сливаться с термином «административный проступок», что создает путаницу и затрудняет различение этих двух категорий.

3. Единое понимание – термины «административное правонарушение» и «административный проступок» начинают использоваться взаимозаменяемо, описывая одно и то же явление, таким образом формируя единый подход к регулированию правонарушений в административной сфере.

Указанные изменения свидетельствуют о развитии более гибкой и адаптивной административной системы, в которой подход к правонарушениям становится универсальным, основанным на принципах управления и государственного контроля, что видно в современных концепциях административной ответственности. Эти тенденции обосновывают необходимость дальнейшего изучения и системы управления административными деликтами в свете изменений в правоприменительной практике и потребностей общества.

Упомянутые метаморфозы обуславливают, по нашему мнению, во-первых, последствия экономических, политических и идеологических разрушений перед и после событий 1917 года; во-вторых, попытки построить новое общество на утопических принципах общего уравнивания при распределении совокупного продукта. Как следствие, доминирующей чертой правопонимания становится правовой нигилизм.

В массовом сознании 20-30-х годов XX века право воспринимается как отживший институт, который только на время и в силу печальной необходимости позаимствован у бывших эксплуататорских обществ [6, С. 164-174], а в самом праве – переходе всей правовой системы к принудительно-

карательным средствам воздействия на общественные отношения и обеспечение государственно-политических интересов.

Корни карательного уклона отыскиваются в практических мероприятиях по реализации стремления построить общество потребительской равенства. Попытки реализовать в реальной жизни ленинскую концепцию, которую он сформулировал фразой: «В умении равномерно распределять лежат основы социализма» [7, С. 488], фактически легализовали применения насильственных методов и форм в сфере административно-правового регулирования, сделали уравниловку доминирующим принципом государственной политики, а насилие – ее инструментом. Действительно, умение равномерно распределять – это умение насильно у кого-то отобрать и кому-то дать.

Курс на такое утилитарное использование правовых категорий получает обоснование в указаниях руководителей советской юридической науки. Так, М.Ю. Козловский пишет, что право является средством подавления сопротивления меньшинства работающими классами [8]; согласно Д.И. Курскому, в пролетарском праве нет места для признания и защиты прав и свобод индивида [9, С. 38]; П.И. Стучка определяет право как порядок, который отвечает интересам господствующего класса и охраняется его организованной силой [10, С. 58]; Е.Б. Пашуканис вообще отвергает необходимость и возможность права в послебуржуазном обществе (позже он меняет свои взгляды) [11, С. 49]; А.Я. Вышинский назначает праву лишь роль рычага и принудительного инструмента в руках государственной власти, с помощью которого последняя осуществляет необходимые преобразования [12, С. 165].

Понятно, что в такой правовой среде первоначальные понятия административного права, административной юстиции, административного правонарушения потеряли значение практических юридических ценностей и превратились, по выражению Л.М. Кагановича, в элементы старой буржуазной юридической методологии [13, С. 142].

Фактически нами рассмотрен один из многих путей, которыми создавалась административно-командная система. Эта система в течение десятилетий, как справедливо отмечает В.А. Юсупов, обслуживалась административно-правовой теорией и соответствующей отраслью законодательства [14].

Таким образом, было осуществлено подчинение правоохранительной системы функциям исполнительной власти. Оно оказалось настолько живучим, что до сих пор общество не имеет достаточно эффективного контроля над административными ресурсами государства.

Примерно в середине 20-х годов XX в. административная юстиция получила статус буржуазного института, для существования которого в советской действительности нет фактических оснований при отсутствии спора между трудящимися и администрацией [15].

А.И. Елистратов в своих трудах относительно послереволюционного периода отмечал важную роль административной юстиции [16, С. 76], и, в частности, писал, что нормальное развитие экономической жизни требует строгого разграничения взаимных обязанностей и прав государственных

учреждений и граждан, а разрешение конфликтов между ними должно быть компетенцией авторитетной инстанции – административной юстиции. От наличия у нее: а) авторитета в административной власти, б) доверия у населения, зависит устойчивость экономического оборота [17, С. 130].

Но уже в 1929 году он утверждает, что советское административное право не нуждается в противоположности органов администрации и судебных инстанций, которая рассматривается гарантией прав граждан в буржуазном государстве. Рабочим и крестьянам в Союзе ССР такого ненадежного формально-правового убежища, как разделение властей, искать не приходится. В их распоряжении весь государственный аппарат, со всеми его частями и функциями [18, С. 9].

Одновременно, с 1919 года, в сфере государственного управления функционирует система обжалования административных актов в вышестоящий административный орган. Указанный институт в 1973 году был определен Д.М. Чечотом как система социалистической административной юстиции [19, С. 29].

На сегодняшнее время среди ученых-административистов практически нет разногласий относительно того, что основное назначение административной юстиции – это восстановление нарушенного права. Восстановить нарушенное право можно только одним путем – отменить незаконный административный акт.

Но в советское время суды не были компетентны отменять незаконные административные акты, хотя они признавались важнейшим объектом надзора, контроля, проверки. Таким образом, фактическим органом административной юстиции в СССР была активная администрация, которая административной юстицией по определению быть не может. Как следствие, в источниках того времени отсутствуют понятия и дефиниции «приостановление действия незаконных актов», «отмена незаконных актов».

Между тем, потребность в юридической идентификации указанных категорий становится все более актуальной. Необходимость в их понятийных характеристиках и дефинициях становится требованием и правовой теории, и правоприменительной практики. Первые попытки разрешить указанные проблемы появляются в послевоенный период в исследованиях Д.Н. Бахраха, О.Э. Лейста, И.С. Самощенко.

В монографии «Санкции в советском праве» (1962) О.Э. Лейст останавливается только на отмене незаконных актов и оставляет без внимания вопрос о его правовой природе, не анализирует он и такую меру, как приостановление действия незаконных актов. Что касается отмены незаконных актов, то О.Э. Лейст относит эту меру к особой группе и обозначает как особую правовосстановительную санкцию [20, С. 116].

Попытка определить правовую природу незаконных актов содержится в широко известной теоретической работе И.С. Самощенко «Понятие правонарушения по советскому законодательству» (1963). В результате анализа признаков различных по правовой природе проступков он приходит к выводу о

существовании таких нарушений законодательства: а) административных, б) дисциплинарных, в) гражданско-правовых, г) издание незаконных актов.

Таким образом, И.С. Самощенко под административными правонарушениями понимает нарушения физическими лицами запретов, рассмотрение которых осуществляется в административном порядке представителями государственного аппарата. Издание незаконных актов управления он отличает от всех правонарушений, выделяет в отдельную группу и обозначает фактическими и юридическими ошибками [21, С. 207].

Значительное внимание генезису и содержанию незаконных административных актов управления уделял Д.Н. Бахрах. В ранних работах он относит приостановление действия незаконных административных актов к мерам административного пресечения [22, С. 42], а отмену незаконных административных актов к административно-восстановительным мерам. Административно-восстановительные меры он считает санкциями [23, С. 179-182].

В дальнейшем в работах представителей административно-правовой науки советского периода содержание понятия «административное правонарушение» с изданием незаконных актов управления почти не связывается.

Таким образом, понятие «административное правонарушение» потеряло признаки одного из институтов административной юстиции и стало восприниматься как синоним понятия «административный проступок (деликт)». Более того, с течением времени они, если можно так сказать, поменялись местами в синонимическом ряду терминов. Само словосочетание «административное правонарушение» стало выполнять роль основного термина при определении действий, нарушающих установленные запреты, а как дополнительный или уточняющий используется термин «административный проступок (деликт)».

Формирование советской доктрины административного проступка – это естественный путь реализации в одной из юридических отраслей карательных приоритетов общей правовой политики. Трудно представить другой институт ответственности за нарушение запретов, который бы так органично вписывался в концепцию подчиненности права административной власти и выполнения ее задач в экономической, социально-культурной, административно-политической сферах.

Положение указанного института как юридического рычага власти обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, юридические составы проступков устанавливались не только законодательными актами, но и путем принятия обязательных постановлений (распоряжений) административными органами. Во-вторых, наказание за их нарушение назначалось в административном порядке, то есть самими органами, которые их устанавливали.

Проблема отграничения преступлений от административных проступков перешла в советскую правовую доктрину из теоретических исследований ученых Российской империи, но приобрела другое значение.

Из чисто правовой сферы она в значительной степени перемещается в политическую плоскость. Смещение акцентов обусловлено идеологическим заданием доказать демократизм и гуманизм как советского строя, так и государственных механизмов принудительного обеспечения социалистической законности. Ведь Конституция СССР 1936 года декларировала гражданам соответствующие свободы и права, а также возлагала на государство обязанность принимать меры по обеспечению общественного порядка, защиты интересов государства и охраны прав граждан.

Между тем, теоретические взгляды на содержание проступка и соотношение преступлений и административных проступков примерно до 50-х годов XX века мало чем отличаются от сложившихся до октября 1917 года. Большинство авторов подходят к раскрытию содержания административного проступка и его определению с чисто формальных позиций: ограничивают это деяние только одним признаком – нарушением установленных запретов, то есть признают его деянием противоправным и не более того [24, С. 101-102].

Проблематика соотношения преступлений и административных проступков рассматривается только с позиций применения наказаний и статуса субъектов юрисдикции или субъектов, устанавливающих запреты. При этом, юридический анализ ограничивается описанием актов, которыми устанавливается ответственность.

Так, в учебнике по уголовному праву 1939 года преступления отграничиваются от административных деликтов по: а) по статусу субъектов, устанавливающих запреты; б) по мере наказания [25, С. 7].

Таким образом, самый важный вопрос административной ответственности – теория проступка – фактически остается за пределами активных исследований.

Впрочем, необходимо указать на отдельных авторов, в работах которых ставились вопросы по поиску материальных признаков административного проступка, определению отраслевой принадлежности административной ответственности, а также отграничению проступков от преступлений по материальным признакам этих деяний. Так, Т.В. Церетели и В.Г. Макашвили видели различия материальных признаков в степени общественной опасности. Они писали, что не всякая степень общественной опасности способна обосновать уголовную ответственность. Деяние может быть в некоторой степени общественно опасным и преследоваться в административном или дисциплинарном порядке [26, С. 69].

Исследовались связи повторности действий с вопросом их квалификации. «Повторность и систематичность преступления», – считала Н.Ф. Кузнецова, опасны тем, что увеличивают убытки, а простая повторность административного или дисциплинарного проступка не может образовать преступления [27, С. 184].

Подчеркивалась роль анализа состава деяния для установления критериев разграничения преступлений и административных деликтов. Сложные и тонкие вопросы о грани между преступлением, с одной стороны, административным нарушением и дисциплинарным проступком – с другой, могут быть решены в

первую очередь с помощью четкого анализа и четкого формулирования составов преступления, – писал А.Н. Трайнин [28, С. 7].

Своеобразными катализаторами научного поиска в области проблем административного проступка стали новые Уголовные кодексы союзных республик, а также Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1961 года «О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке» [29].

Кодексы фактически определили критерием разграничения преступлений и административных проступков общественную опасность. Но примененные законодателем по этому поводу формулы не были достаточно корректными и однозначного ответа на наличие или отсутствие в административном проступке общественной опасности не давали.

Активизировалась дискуссия (которая в советское время формального завершения не получила) по поводу общественной опасности административных проступков, и впоследствии речь шла о двух основных концепциях: а) концепции общественной опасности административных проступков, б) концепции вредности административных проступков.

Представители концепции общественной опасности – А.Е. Лунев, О.Ф. Шишов, Л.В. Коваль, Е.В. Додин фактически продолжали развитие позиции М.Д. Загряцкова, который связывал материальные признаки административного деликта с его историко-правовой природой [30, С. 32].

Одним из первых представителей административно-правовой науки идеи М.Д. Загряцкова начал развивать А.Е. Лунев. В 1961 году выходит его работа «Административная ответственность за правонарушения», где указано, что без административного проступка, как особого вида правонарушения, нет и не может быть административной ответственности, так же как нет и уголовной ответственности без преступления. Далее он формулирует методологическое правило по построению исследований административного деликта: легче всего выяснить качественное отличие административного проступка от преступления путем анализа уголовно-правовых норм, устанавливающих отдельные составы преступлений, за которые, при определенных условиях, виновные могут подвергаться или мерам уголовного наказания, или административным взысканиям [31, С. 35].

Со стороны представителей уголовно-правовой науки его фактически поддерживает Я.М. Браинин, который пишет, что общественная опасность может иметь место и в действиях, которые не являются с уголовно-правовой точки зрения преступлениями, поэтому необходимо учитывать различный характер общественной опасности преступлений и других форм поведения, которые не подпадают под действие уголовного закона [32, С. 159].

Концепция вредности административных деликтов, формировавшаяся в советское время, представляет собой важный элемент понимания правонарушений в контексте уголовного и административного законодательства. Основная идея заключается в том, что административные деликты отличаются от преступлений не только по своей степени общественной

опасности, но и по своему материальному признаку, который в данном случае определяется через понятийный аппарат «вредности».

Идеологическая основа этой концепции заключалась в необходимости демонстрации гуманизма уголовного законодательства, путем выделения административных правонарушений как особого класса, не имеющего прямой связи с преступлениями. Это позволило не только снизить нагрузку на уголовную юстицию, но и расширить основания для привлечения к ответственности.

Концепция вредности была поддержана работами ученых, таких как Н.Д. Дурманов, который подчеркивал, что общественная опасность является характерным признаком преступлений [33, С. 102]. Дискуссия о соотношении понятий «вред» и «общественная опасность» сыграла ключевую роль в создании новой теоретической базы, позволившей отделить административные деликты от уголовных преступлений.

Основные положения, выведенные в результате исследований, указывают на следующее: 1) преступления и административные деликты – качественно особые виды правонарушений; 2) главной детерминантой материального признака преступлений является общественная опасность; 3) главной детерминантой материального признака административных деликтов является вредность.

Это разделение открыло новые перспективы для правоприменительной практики, обеспечивая более гибкий механизм регулирования правонарушений и позволяя государству адаптивно реагировать на различные общественные вызовы.

Следующий этап развития теории административного проступка начинается после принятия в 1980 году Основ законодательства Союза ССР об административных правонарушениях, которые в ст. 7 впервые дают законодательное (нормативное) определение административного проступка и называют его признаки: действие или бездействие, противоправность, виновность, объекты посягательства. Одновременно формулой «административным правонарушением (проступком) признается ...» они на законодательном уровне признали адекватными понятие «административный проступок» и «административное правонарушение».

Но вопрос об общественной опасности или вредности административных правонарушений (проступков) здесь решен не был.

Взгляд на вредность как признак противоположный и не совпадающий с общественной опасностью останавливается в развитии и постепенно набирает свойства исторического компонента административно-правовой науки. Дискуссия по указанному поводу перемещается в плоскость исследования соотношения понятий «общественная опасность» и «вредность» как целого и частного и в таком состоянии переходит к современному отечественному административному праву.

Российские ученые полагают, что в настоящее время проблематика административно-деликтного права остается малоисследованной.

Основоположниками проблемы развития правового механизма административной ответственности являются С.Г. Березовская, И.И. Карпец, Ю.М. Козлов, Т.И. Козырева, Б.М. Лазарев, А.Е. Лунев, Л.М. Розин, Е.В. Шорина, О.М. Якуба. Классиками развития проблем административно-деликтных отношений являются исследователи Д.Н. Бахрах, А.В. Кирич, Б.В. Россинский, Ю.Н. Стариков, которые в своих работах подробно обосновывают формирование в системе российского административного права новой подотрасли, выросшей из советского института административной ответственности. Среди современников, разрабатывающих теорию административных деликтов, а также административно-правовые средства предупреждения административных деликтов выделяются такие исследователи, как А.Б. Агапов, В.В. Денисенко, А.Н. Дерюга, И.А. Мартынов, М.И. Никулин, П.П. Серков, А.П. Шергин и др.

Так, А.П. Шергин утверждает, что «в предмет науки деликтологии однозначно должны быть включены вопросы ответственности и применения наказания, а к основным институтам административно-деликтного права он относит предупреждение, ответственность, взыскание. С их помощью устанавливается единый стандарт для законодательства, призванный обеспечить единообразное регулирование центральных вопросов ответственности. Достижение такого единообразия является залогом законности» [34, С. 5-6].

Аналогичной точки зрения придерживаются и белорусские ученые в области административного права и процесса. Так, коллектив авторов под предметом правового регулирования административно-деликтного права считает общественные отношения, возникающие в связи с предупреждением и совершением административных правонарушений; при защите от общественно опасных посягательств и в случае причинения вреда при задержании физического лица, совершившего преступление или административное правонарушение; обоснованном риске [35, С. 7].

Обобщая итоги дискуссий в области административно-деликтного права, следует отметить такие ключевые моменты:

1. *Недостаточная исследованность.* Проблематика административно-деликтного права пока остается малоизученной, что открывает возможности для новых исследований и теоретических разработок.

2. *Теоретические основы.* Основоположники и классики в данной области, такие как С.Г. Березовская и Д.Н. Бахрах, аргументируют необходимость выделения административно-деликтного права как отдельного института, который имеет свои специфические нормы и принципы.

3. *Самостоятельная отрасль права.* Ученые, такие как А.П. Шергин и О.С. Рогачева, утверждают, что административно-деликтное право должно рассматриваться как самостоятельная отрасль, которая занимается регулированием общественных отношений, возникающих из административных правонарушений.

4. *Интеграция с уголовным правом.* Современное административно-деликтное право интегрируется с уголовным правом, что позволяет более эффективно решать вопросы предупреждения правонарушений.

5. *Актуальность.* Исследования поднимают насущные вопросы, касающиеся не только норм и принципов административной ответственности, но и разработки эффективной административно-деликтной политики.

Таким образом, дальнейшее развитие и систематизация административно-деликтного права представляют собой значительную и актуальную область для исследования и правотворчества в России.

Выводы. Таким образом, административное право, административное правонарушение и административная юстиция возникают практически одновременно и составляют единую систему, находящуюся в интегративных связях. Понятие административного проступка связано с трансформационными процессами в сфере уголовного права, когда постепенно выделялась особая группа деяний, квалифицируемых как малозначительные проступки или уголовные проступки.

По своей правовой природе проступки (малозначительные преступления) представляют собой действия криминального характера. Тем не менее, исторически они получили термин «административные проступки» (деликты), что связано с их подведомственностью органам административной власти.

После октября 1917 года понятие «административное правонарушение» утратило признаки одного из институтов административной юстиции и стало восприниматься как синоним понятия «административный проступок» (деликт). В современных научных трудах, посвящённых административному праву, в основном рассматриваются проблемы правоприменительной деятельности субъектов административной юрисдикции.

На основе переосмысления устоявшихся в науке взглядов об административной ответственности как одном из институтов административного права, А.П. Шергин обосновывает вывод о том, что нормы, регулирующие вопросы данного вида юридической ответственности, формируют самостоятельную отрасль российского права – административно-деликтное право. Отмеченная точка зрения приобретает все больше сторонников в научных кругах.

Список литературы

1. Старилов, Ю.Н. Административная юстиция. Теория, история, перспективы / Ю.Н. Старилов. – М.: Норма-ИНФРА-М, 2001. – 304 с.
2. Тарасов И.Т. Лекции по полицейскому (административному) праву. Т.1: Введение. – М.: тип. Моск. ун-та, 1908. – 253 с.
3. Тарасов, И.Т. Краткий очерк науки административного права (конспект лекций): В 2 т. – Т. 1: Введение и общая часть / И.Т. Тарасов. – Ярославль : типо-лит. Г. Фальк, 1888. – 386 с.
4. Елистратов, А.И. Основные начала административного права. – 2-е изд., доп. / А.И. Елистратов. – М.: Г.А. Леман и С.И. Сахаров, 1917. – 294 с.

5. Загряцков, М.Д. Административная юстиция и право жалобы в теории и законодательстве. (Развитие идеи и принципов административной юстиции. Административный процесс и право жалобы в советском законодательстве. Административно-финансовое распоряжение и финансовая жалоба). – 2-е изд., переработанное и значительно дополненное / М.Д. Загряцков. – М.: Право и жизнь, 1925. – 244 с.
6. Соловьев, Э.Ю. Правовой нигилизм и гуманистический смысл права / Э.Ю. Соловьев // Квинтэссенция. – М.: Философский альманах, 1990. – С. 164-174.
7. Ленин, В.И. Речь в Коммунистической фракции V Всероссийского съезда Советов 3 июля 1918 г. / В.И. Ленин. – Полн. собр. соч. – 5-е изд. – Т. 36. – С. 487-488.
8. Козловский, М. Пролетарская революция и уголовное право / М. Козловский // Пролетарская революция и уголовное право. – 1918. – № 1. – С. 21-28.
9. Курский, Д.И. Избранные статьи и речи / Д.И. Курский. – М.: Юридиздат, 1948. – 199 с.
10. Стучка, П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права / П.И. Стучка. – Рига : Латгосиздат, 1964. – 718 с.
11. Пашуканис, Е.Б. Общая теория права и марксизм. (Опыт критики основных юридических понятий) / Е.Б. Пашуканис. – М.: Мосполиграф, 1924. – 160 с.
12. Вышинский, А. Основные задачи науки советского социалистического права / А. Вышинский // Основные задачи науки советского социалистического права. – М.: Гос. издат., 1938. – С. 163-172.
13. Нерсисянц, В.С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства / В.С. Нерсисянц. – М.: НОРМА, 2002. – 288 с.
14. Юсупов, В.А. Актуальные проблемы административного права / В.А. Юсупов // Советское государство и право. – 1991. – № 11. – С. 34-38.
15. Носов, Е. По вопросу о теории советской административной юстиции / Е. Носов. – Советское право. – 1925. – № 4. – С. 85-88.
16. Елистратов, А.И. Очерк административного права / А.И. Елистратов. – М.: Гос. издат., 1922. – 236 с.
17. Елистратов, А.И. Об утверждении законности в советском строительстве / А.И. Елистратов. – Советское право. – 1922. – № 1. – С. 130-139.
18. Елистратов, А.И. Административное право / А.И. Елистратов. – М.-Л.: Гос. издат., 1929. – 366 с.
19. Чечот, Д.М. Административная юстиция. (Теоретические проблемы) / Д.М. Чечот. – Л.: Изд. ЛГУ, 1973. – 134 с.
20. Лейст, О.Э. Санкции в советском праве / О.Э. Лейст. – М.: Госюриздат, 1962. – 238 с.
21. Самощенко, И.С. Понятие правонарушения по советскому праву / И.С. Самощенко. – М.: Юрид. литература, 1963. – 280 с.
22. Бахрах, Д.Н. Административная ответственность / Д.Н. Бахрах. – Пермь : Пермский гос. ун-т им. А.М. Горького, 1966. – 193 с.

23. Бахрах, Д.Н. Советское законодательство об административной ответственности: Учебное пособие / Д.Н. Бахрах. – Пермь : Пермский гос. ун-т им. А.М. Горького, 1969. – 344 с.
24. Евтихийев, И.И. Административное право СССР : учебник / И.И. Евтихийев, В.А. Власов. – М.: Юрид. издат, 1940. – 431 с.
25. Уголовное право. Часть общая. Учебник для высш. юрид. учеб. завед. – 2-е изд., доп., перераб. / А.А. Герцензон, Н.Д. Дурманов, М.М. Исаев и др. – М.: Юриздат, 1939. – 332 с.
26. Церетели, Т.В. Состав преступления как основание уголовной ответственности / Т.В. Церетели, В.Г. Макашвили. – Советское государство и право. – 1954. – № 5. – С. 66-70.
27. Кузнецова, Н.Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности / Н.Ф. Кузнецова. – М.: Госюриздат, 1958. – 210 с.
28. Трайнин, А.Н. Общее учение о составе преступления / А.Н. Трайнин. – М.: Госюриздат, 1957. – 363 с.
29. О дальнейшем ограничении штрафов, налагаемых в административном порядке: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1961 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1961. – № 35. – Ст. 386.
30. Шишов, О.Ф. Преступление и административной проступок : учебное пособие / О.Ф. Шишов. – М.: ВЮЗИ, 1967. – 68 с.
31. Лунев, А.Е. Административная ответственность за правонарушения / А.Е. Лунев. – М.: Госюриздат, 1961. – 187 с.
32. Брайнин, Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве / Я.М. Брайнин. – М.: Юрид. лит., 1963. – 275 с.
33. Дурманов, Н.Д. Понятие преступления / Н.Д. Дурманов. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1948. – 311 с.
34. Шергин, А.П. Основные институты административно-деликтного права / А.П. Шергин. – М., 1999. – 67 с.
35. Крюков, В.Н. Административно-деликтное и процессуально-исполнительное право [учебник] / В.Н. Крюков, Д.А. Егоров, И.И. Мах и др. // Учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2020. – 430 с.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 349.2

РОЛЬ МЕДИАЦИИ В РАЗРЕШЕНИИ СПОРОВ, ВОЗНИКАЮЩИХ ИЗ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Оксана Сергеевна Алдушина, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: aldushina2025@mail.ru)

В статье исследуется роль медиации в разрешении семейных споров как альтернативного механизма по отношению к традиционному судебному разбирательству. Проводится исследование преимуществ этой процедуры в контексте объективного подхода заинтересованного лица к выбору того или иного способа защиты прав и законных интересов. Проанализировано законодательное регулирование медиации, научные подходы к определению сущности этого процесса и определено, что семейная медиация – это процесс, в котором нейтральная третья сторона (медиатор) помогает членам семьи разрешить имеющийся спор и принять выгодные и осознанные для каждого из них решения, применяя определенную технику ведения переговоров.

Ключевые слова: медиация, спор, урегулирование спора, семейный спор, примирительные процедуры, переговоры.

THE ROLE OF MEDIATION IN RESOLVING FAMILY DISPUTES

Aldushina, O.S.

The article examines the role of mediation in resolving family disputes as an alternative mechanism to traditional litigation. The advantages of this procedure are being investigated in the context of the objective approach of the person concerned to choosing a particular method of protecting rights and legitimate interests. The article analyzes the legislative regulation of mediation, scientific approaches to determining the essence of this process, and determines that family mediation is a process in which a neutral third party (mediator) helps family members resolve an existing dispute and make profitable and informed decisions for each of them, using a certain negotiation technique.

Keywords: mediation, dispute, dispute settlement, family dispute, conciliation procedures, negotiations.

Актуальность темы исследования. Урегулирование семейных споров мирным путем всегда было непростой задачей, так как любые семейные конфликты и споры осложнены их эмоциональной составляющей и личностным характером. В современном обществе проблематика семейных споров привлекает к себе все больше внимания и становится как никогда актуальной ввиду того, что это явление имеет серьезные последствия не только для пострадавших сторон, но и для общества в целом из-за особой роли семьи в формировании социальных связей. Учитывая это, поиск эффективных способов решения таких споров является приоритетной задачей для государства как гаранта охраны прав и свобод человека, в частности, в контексте построения действенной правовой системы и гармоничного существования социальных институтов. Данный аспект приобретает особую актуальность в современной политике государства, направленной на развитие и укрепление института брака и семьи.

Следует отметить, что одним из альтернативных способов разрешения споров является медиация – процедура, направленная на достижение взаимоприемлемого решения с помощью нейтрального посредника (медиатора). В контексте семейных конфликтов медиация может играть эффективную роль как инструмент, помогающий избежать эскалации конфликта и способствующий достижению справедливых решений, принятых сторонами на добровольной основе. Однако ее применение в таких делах требует особого подхода, учитывая специфику семейных отношений и особенности самой медиации как правовой процедуры.

Анализ научных исследований. Вопрос, посвященный медиации как одному из альтернативных способов урегулирования споров в гражданском праве является предметом исследования целого ряда ученых, среди которых Ц.А. Шамликашвили, О.В. Аллахвердова, А.Д. Карпенко, Т.В. Худойкина, Р.Г. Мельниченко, и другие.

Целью исследования является изучение роли медиации в разрешении семейных споров.

Изложение основного материала. Современная доктрина семейного права России переживает период переосмысления механизмов защиты субъективных прав. Традиционная судебная форма защиты, несмотря на её универсальность, в сфере семейных правоотношений зачастую демонстрирует ограниченную эффективность. Это обусловлено спецификой самого объекта спора – длящихся, лично-доверительных отношений, которые порой невозможно эффективно урегулировать исключительно императивными методами. В этой связи роль медиации как гибкого, конфиденциального инструмента приобретает не только прикладное, но и концептуальное значение для стабилизации общественных отношений.

Статьей 45 Конституции РФ гарантировано право каждого защищать свои интересы любыми не запрещенными способами [1]. Как правило, большинство граждан идут за защитой в суд, в том числе и с целью разрешения семейных споров, связанных с разводом и разделом имущества. Однако судебный процесс

формализован по своей природе, поэтому не всегда способен реализовать цель, которую поставил законодатель, предоставляя возможность супругам для примирения: простая отсрочка во времени является пассивной попыткой примирить стороны, осуществляемой как в органах ЗАГС, так и в судах и, вероятно, не важно, кто ее использует.

В случае, когда предусмотрены активные действия по примирению со стороны третьего лица, представляющего государственную власть, то целесообразнее и примирение, и переговоры (в любой сфере человеческих взаимоотношений) проводить вне судебного процесса, отвечающего строгим требованиям процессуальной формы.

Не способствует эффективности судебного производства по спорам, возникающим из семейных правоотношений и то, что судебное изучение обстоятельств семейных дел часто затруднено необходимостью соблюдения требований относительно достаточности и достоверности доказательств, которые приходится приводить каждой из сторон.

Учитывая особенность семейных правоотношений, в частности их моральной составляющей, по большей части субъекты семейных правоотношений не сохраняют определенных доказательств, которые при необходимости могли бы подтвердить их имущественный или иной вклад в развитие семьи. Крайне трудно с помощью отдельно взятых носителей информации доказать такие обстоятельства, как поддержка, внимание, воспитательное воздействие или забота о здоровье членов семьи (в частности, детей, а также больных родственников). В процессе судебного разбирательства дела уровень эскалации конфликта достигает апогея, поскольку стороны ведут переговоры (диалог) на уровне своих принципиальных позиций, обосновываемых, как правило, с позиции закона. Суд управляется нормой права, что крайне интенсифицирует антагонистические настроения между субъектами конфликта и затрудняет их общение после завершения судебного процесса.

Учитывая это, наиболее эффективными в процессе разрешения семейных споров являются применение внесудебных (досудебных) способов их урегулирования. Особенно весомыми они являются в процессе решения споров, которые по природе находятся за пределами права и требуют дальнейшего сохранения нормальных взаимоотношений между сторонами спора. Считаем, что среди альтернативных способов разрешения семейных споров наиболее эффективной является процедура медиации, которая успешно применяется зарубежными странами и имеет там положительный результат, но пока не настолько популярна в Российской Федерации.

Согласно ст. 2 Федерального закона № 193-ФЗ от 27 июля 2010 г. «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о медиации) медиация – это альтернативный способ разрешения споров, основанный на добровольности, конфиденциальности и нейтральности посредника (медиатора) [2]. Основная цель медиации – помочь сторонам достичь взаимоприемлемого решения, избегая затяжных и затратных судебных процессов. Особенностью этого процесса

является его ориентация на интересы обеих сторон, что позволяет сохранить отношения и минимизировать конфликты в будущем.

Основная сущность медиации как процедуры воплощается в переговорном процессе, то есть достижение цели – разрешение спора – достигается благодаря добровольному волеизъявлению вступления во взаимное общение сторон, основанное на равенстве прав и обязанностей с привлечением независимого (нейтрального по отношению к любой из сторон) лица – медиатора. Последний, в свою очередь, гарантирует конфиденциальность, беспристрастность и нейтральность и помогает сглаживанию конфликтных вопросов с одновременным разрешением спора. Медиатор помогает принять обдуманное обеими сторонами спора добровольное решение, которое бы их устраивало. Как правило, результатом таких переговоров становится добровольное подписание медиативного соглашения.

Следует подчеркнуть, что в контексте семейного права медиация особенно актуальна, поскольку позволяет сторонам сохранить контроль над результатом с учетом потребностей детей и других членов семьи, принимая во внимание интересы сторон относительно распределения имущества или определении справедливых механизмов удовлетворения интересов каждого участника медиационного процесса, с учетом взаимных потребностей.

Р.Г. Мельниченко выделяет следующие пары субъектов, «в отношении которых возникают семейные конфликты и споры:

- супруг – супруга;
- ребенок – мать;
- ребенок – отец;
- ребенок – родители» [3, С. 136].

Продолжая развитие данной мысли, представляется необходимым дополнить перечень субъектов, участвующих в семейных конфликтах, поскольку современная правовая реальность и правоприменительная практика свидетельствуют о расширении круга участников семейных споров. К их числу следует отнести и представителей старшего поколения – дедушек и бабушек, чье право на общение с внуками (ст. 67 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) также может быть предметом медиативного урегулирования [4]. Кроме того, в субъектный состав могут входить фактические воспитатели, опекуны и попечители, чьи интересы зачастую переплетаются с интересами несовершеннолетних, создавая многослойные споры.

Стоит отметить, что члены семьи обладают личными правами и свободами, закрепленными в Конституции Российской Федерации (гл. 2) [1], осуществление их гарантируется государством, и в то же время эти лица, являясь членами семьи, обладают супружескими правами и свободами (п. 1, 2 ст. 31 СК РФ), обязанностями (п. 3 ст. 31 СК РФ), а также родительскими правами (которые совпадают с обязанностями ст. 54 СК РФ) [4].

Согласно вышеуказанного, применение медиации возможно в различных категориях семейных споров, в том числе при расторжении брака, при решении вопроса о месте жительства ребенка при раздельном проживании родителей, при

рассмотрении исков о порядке общения с ребенком отдельно проживающего родителя, при разделе совместно нажитого имущества супругов, по делам, возникающим из алиментных правоотношений, и прочим делам, касающимся семьи. Так, в парах «супруг – супруга» медиация зачастую направлена на трансформацию отношений из партнерских в родительские в ситуации развода. Однако в отношениях «ребенок – родитель» (мать или отец) роль медиации смещается в сторону защиты интересов наиболее уязвимой стороны – несовершеннолетнего. В данном контексте баланс конституционных прав личности и семейно-правовых обязанностей приобретает особую остроту.

Таким образом, медиация в разрешении споров между указанными парами субъектов выступает как инструмент реализации принципа автономии воли, позволяя участникам самостоятельно моделировать модель будущих отношений. Это особенно актуально в свете того, что родительские права в РФ рассматриваются не только как субъективное право родителя, но и как его конституционно-правовая обязанность по обеспечению интересов ребенка.

Итак, как мы видим, семейная медиация – это глубокий процесс, в котором нейтральная третья сторона (медиатор) помогает членам семьи разрешить имеющийся спор и принять выгодные и осознанные для каждого из них решения, применяя определенную технику ведения переговоров. Ее особенностью является то, что в процессе ее проведения учитываются тонкости, присущие конкретной семье.

Особого внимания заслуживает вопрос определения оптимального момента для инициации примирительной процедуры. В настоящий момент законодательно установлено, что медиация может быть применена одновременно с подачей иска в суд, параллельно с судебным разбирательством дела, и даже после принятия судебного решения. Иными словами, на сегодняшний день семейная медиация является внесудебной процедурой урегулирования споров. При этом стороны могут самостоятельно определять, на каком этапе для них лучше и эффективнее обращаться к медиатору. В то же время, медиация обеспечивает высокий уровень конфиденциальности. Обсуждения, которые происходят во время процесса, остаются закрытыми для посторонних лиц, что позволяет участникам чувствовать себя свободнее и быть более открытыми. Это существенно отличается от судебных процессов, где многие детали могут стать публичными, что может повредить репутации или отношениям между сторонами или изменить положение в обществе.

Важно отметить, что в настоящее время планируется введение проведения медиации на досудебном этапе урегулирования споров, связанных с:

- расторжением брака;
- разделом имущества при разводе;
- определением порядка общения с ребенком;
- определением места жительства ребенка при разводе родителей;
- уплатой алиментов и др. [5].

Некоторые ученые поддерживают такую инициативу, о чем указывали в своих исследованиях. Так, к примеру, М.В. Ульянова отмечает по этому поводу,

что «следует подробнее обратить внимание на возможность использования досудебных примирительных процедур по делам о расторжении брака, определении места жительства ребенка, разделе имущества и взыскании алиментов, выявить целесообразность, исходя из структуры семейного правоотношения» [6, С. 44].

Однако, по мнению А. И. Зайцева, идея об обязательности медиации «вступает в противоречие с конституционным принципом доступности правосудия и правом каждого на обращение в суд. Соответственно, необходимо тщательно продумать механизм ее правового регулирования с учетом обязательного характера, в частности: кто будет осуществлять функции медиатора и каким требованиям он должен отвечать; на кого и в каком размере будет возлагаться обязанность по оплате услуг профессионального посредника, какие принципы будут положены в основу этой процедуры и т.д.» [7, С. 58].

Кроме того, как следует из положения ст. 3 Закона о медиации, медиация построена на принципе добровольности, таким образом, обязательность будет противоречить ее правовой природе и одному из ее главнейших принципов.

При этом можно предположить, что роль медиации может быть усилена путем введения обязательной *досудебной информационной встречи* с медиатором по категориям дел, связанным с воспитанием детей. Это не нарушит принцип добровольности самой процедуры, но создаст условия для осознанного выбора сторонами мирного пути разрешения спора.

Следует отметить, что основная роль медиации заключается в переходе от состязательной модели «победитель-проигравший» к модели согласования взаимных интересов. В отличие от суда, который связан рамками заявленных исковых требований, медиация позволяет сторонам выйти за пределы правового спора и разрешить конфликт интересов.

Для семейных правоотношений это означает возможность формирования так называемого «родительского плана» – детальной дорожной карты воспитания и содержания детей, которая учитывает индивидуальные психологические особенности членов семьи, что практически недостижимо в рамках резолютивной части судебного решения. Таким образом, медиация выполняет *регулятивную* роль (функцию), восполняя дефицит диспозитивности в семейных отношениях.

Кроме того, в доктрине семейного права приоритет интересов ребенка является основополагающим принципом (ст. 1 СК РФ) [4]. Судебное разбирательство по делам об определении места жительства или порядка общения с детьми неизбежно сопряжено с проведением судебно-психологических экспертиз, опросом детей и участием органов опеки, что создает колоссальную психоэмоциональную нагрузку на ребенка.

Роль медиации здесь заключается в девиктимизации несовершеннолетних. Профессиональный посредник (медиатор) помогает родителям осознать потребности ребенка как автономного субъекта, а не как инструмента манипуляции в споре. Как правило, договоренности, достигнутые родителями добровольно, соблюдаются ими более ответственно, чем предписания

государства, что напрямую коррелирует с обеспечением права ребенка на стабильное и гармоничное окружение.

В рамках диссертационных исследований последних лет остро ставится вопрос о «правовой субъектности ребенка в конфликтной среде». Роль медиации в данном аспекте рассматривается как механизм минимизации судебных разбирательств в частную сферу.

Медиация позволяет реализовать доктринальный принцип «наилучших интересов ребенка» через осознанное родительское партнерство и взаимодействие. С точки зрения юридической техники, медиация купирует риски, связанные с императивным характером судебного решения, которое в силу своей универсальности не всегда способно адаптироваться к динамически меняющимся потребностям несовершеннолетнего. Таким образом, медиация выполняет правоохранительную функцию, обеспечивая стабильность правового статуса ребенка в постконфликтный период.

Значительным шагом в укреплении роли медиации в РФ стало принятие Федерального закона от 26.07.2019 № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [8]. Наделение нотариально удостоверенного медиативного соглашения силой исполнительного листа (ст. 12 Закона о медиации, ст. 12 ФЗ «Об исполнительном производстве» [2; 9]) превратило медиацию в полноценный юрисдикционный инструмент.

С точки зрения юридической науки, это свидетельствует о возникновении института превентивного правосудия. Стороны получают возможность закрепить свои договоренности в акте, обладающем публичной достоверностью и принудительной силой, минуя стадию судебного конфликта. В семейных спорах (алиментные обязательства, раздел имущества) такой механизм позволяет достичь правовой определенности в кратчайшие сроки, сохраняя при этом конфиденциальность частной жизни.

Исходя из изложенных особенностей медиации, можем сформулировать сильные стороны такого механизма разрешения спора. Одним из ключевых преимуществ медиации, в отличие от судебных процессов, можно отметить тот факт, что она занимает значительно меньше времени, ведь стороны могут достичь согласия в пределах нескольких сессий, тогда как судебные разбирательства могут длиться месяцами или даже годами. Также процесс является менее затратным, поскольку стороны могут избежать больших расходов на адвокатов, судебные сборы и возможные апелляции. Это особенно важно для семей, которые уже испытали финансовые трудности из-за развода или других конфликтов.

Кроме того, медиация – конфиденциальная процедура, что позволяет избежать «громких» разбирательств, что впоследствии может нанести ущерб деловой репутации сторонам спора.

Также интересным и очень очевидным преимуществом является тот факт, что в медиации акцент ставится не на юридических позициях сторон, а на их реальных интересах и потребностях. Например, вместо борьбы за опеку над

детьми, стороны вместе ищут решение, которое лучше всего соответствует потребностям детей. В отличие от судебного решения, которое часто является четким и однообразным, медиация позволяет сторонам находить уникальные решения, учитывающие особенности их ситуации. Например, речь о гибком графике общения с детьми или обмене имуществом может быть адаптирована к потребностям каждого участника

Безусловно, успех медиации целиком зависит от желания сторон работать вместе для поиска решения. Если хотя бы одна сторона не заинтересована в сотрудничестве или приходит на процесс с нежеланием достигать компромисса, медиация, с высокой вероятностью, будет пустой тратой времени.

Выводы. Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что роль медиации в разрешении семейных споров является комплексной. Она выступает механизмом защиты частной жизни, инструментом реализации прав ребенка и эффективным способом оптимизации государственной судебной системы.

Медиация является эффективным альтернативным способом разрешения семейных споров, способствующим уменьшению конфликтности между сторонами, экономии времени и средств, а также учету наилучших интересов сторон, в том числе детей. В отличие от публичных судебных слушаний, медиация гарантирует защиту информации от доступа третьих лиц. Это создает доверительную атмосферу для участников и исключает риск репутационного ущерба, который возможен при огласке деталей конфликта в рамках открытого судебного заседания. Российское законодательство, в частности Закон о медиации, создает правовые основания для развития этого механизма, однако его практическое применение еще требует усовершенствования. Несмотря на очевидные преимущества медиации, ее эффективность во многом зависит от добровольности сторон, равенства их возможностей и наличия квалифицированных медиаторов.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г., № 0001202210060013.
2. Федеральный закон № 193-ФЗ от 27 июля 2010 г. «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Российская газета, 30 июля 2010 г. № 168.
3. Мельниченко, Р.Г. Медиативные технологии разрешения семейных конфликтов / Р.Г. Мельниченко // Legal Concept. – 2018. – Т. 17. – № 1. – С. 135-141.
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2025 г. № 3999-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке

многодетности в РФ до 2036 г.» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 29.12.2025 г., № 0001202512290128.

6. Ульянова, М.В. Использование процедур медиации в семейных спорах с позиции структуры семейного правоотношения / М.В. Ульянова // Вопросы современной науки и практики. – № 1 (12). – 2025. – С. 44-47.
7. Зайцев, А.И. Обязательная медиация: аргументы «за» и «против» / А.И. Зайцев // Вестник гражданского процесса. – 2012. – № 6. – С. 57-65.
8. Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 26 июля 2019 г.
9. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Парламентская газета от 10 октября 2007 г. № 131.

УДК 347.44:340.1

СВОБОДА ДОГОВОРА В ПРАВОВОЙ ФИЛОСОФИИ П.А. КРОПОТКИНА: ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ ДОГОВОРНОГО ПРАВА

Андрей Алексеевич Богустов, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы (г. Гродно, Республика Беларусь)
(e-mail: bogustov_aa@grsu.by)

В статье исследуются взгляды П.А. Кропоткина на принцип свободы договора, изложенные в его работе «Хлеб и воля». Автор показывает, что критика Кропоткиным формального характера данного принципа, маскирующего реальное экономическое и социальное неравенство сторон, предвосхитила одну из ключевых проблем современного договорного права – проблему диспаритета и защиты слабой стороны. Делается вывод о методологической значимости наследия Кропоткина для обоснования социальной функции частного права и развития концепции социально ответственного договора.

Ключевые слова: свобода договора, добросовестность, свободное соглашение, универсализация договора, договорное право.

FREEDOM OF CONTRACT IN THE LEGAL PHILOSOPHY OF P.A. KROPOTKIN: HISTORICAL ANALYSIS AND CONTEMPORARY

Bogustov, A.A.

The article examines P.A. Kropotkin's views on the principle of freedom of contract, as set out in his work «Bread and Freedom». The author shows that Kropotkin's criticism of the formal nature of this principle, which masks the real economic and social inequality of the parties, anticipated one of the key problems of modern contract law – the problem of disparity and protection of the weaker party. The conclusion is drawn about the methodological significance of Kropotkin's legacy for substantiating the social function of private law and developing the concept of a socially responsible contract.

Keywords: freedom of contract, good faith, free agreement, universalization of contracts, contract law.

Актуальность темы исследования. Фундаментальными принципами, предопределившими развитие гражданского права с эпохи буржуазных

революций до наших дней, являются равенство, неприкосновенность собственности и свобода договора. Однако за прошедшее время содержание и сфера действия этих принципов претерпели существенные изменения. Осмысление их динамики возможно лишь при обращении к истории политико-правовых учений.

В этом контексте значительный интерес представляет анализ взглядов русского революционного мыслителя, теоретика анархизма Петра Алексеевича Кропоткина (1842-1921). Так, его работа «Хлеб и воля» [1] содержит ряд концептуальных положений, оказавших влияние на последующее развитие правовой доктрины по нескольким направлениям: критике абсолютного характера права собственности и обоснованию ее социальной функции, формированию концепции социальных прав, анализу роли государства в регулировании частноправовых отношений, а также развитию теорий коллективной собственности и общего пользования ресурсами.

Одной из центральных тем в политико-правовой теории П.А. Кропоткина является проблема свободы договора и критика существующих подходов к определению ее сущности. Он проанализировал противоречие между декларируемой «свободой договора» и реальным неравенством возможностей сторон. Преодоление этого конфликта остается актуальной задачей гражданского права и по сей день. Более того, в современных условиях подобное неравенство уже не сводится лишь к экономическому принуждению, а проявляется в неодинаковом доступе к информации, диспаритете переговорных позиций и других формах. Научное наследие П.А. Кропоткина в этой области, основанное на социально-экономическом, историческом и естественнонаучном анализе, может рассматриваться как историческая точка отсчета и одновременно как источник концептуальных подходов для разрешения указанного противоречия, что и определяет актуальность настоящего исследования.

Анализ научных исследований. Следует отметить, что политико-правовая концепция П.А. Кропоткина в последние десятилетия активно изучается, о чем свидетельствуют работы И.А. Авдеевой [2], В.О. Басова [3], В.П. Евланникова [4], А.М. Кравченко [5], В.Н. Ксенофонтова [6], З.К. Океановой [7] и других авторов. Вместе с тем, эти исследования лишь в малой степени затрагивали понимание П.А. Кропоткиным категории свободы договора, что и свидетельствует о научной новизне данной статьи.

Цель исследования состоит в анализе представленных в книге «Хлеб и воля» взглядов П.А. Кропоткина на сущность свободы договора, выявлении логики его критики капиталистического понимания договора и демонстрации проявления выявленных им тенденций в современном регулировании договорных отношений.

Изложение основного материала. П.А. Кропоткин критиковал свободу договора как сугубо формальный и лишенный реального содержания институт. На основании историко-правового анализа он заключил, что этот принцип фиксирует лишь эволюцию внешних форм общественных отношений (от феодальных к капиталистическим), не затрагивая их глубинной, сущностной

природы. Свою мысль он иллюстрировал следующим образом: «Мы гремим против средневекового барона, который не позволял крестьянину обрабатывать землю иначе как под условием отдать ему четверть жатвы. Мы называем феодальную эпоху варварской, а между тем если внешние формы и изменились, то сами отношения остались те же. Рабочий по нужде соглашается на феодальные условия, которые мы нынче называем "свободным договором", потому что жить ему нечем, а лучших условий он нигде не найдет. Все стало собственностью того или другого хозяина, и ему остается или принять такие условия, или умирать с голоду» [1, С. 30]. Таким образом, на примере трудового соглашения Кропоткин демонстрирует, что неограниченная свобода договора служит лишь прикрытием принудительного характера согласия, даваемого из-за отсутствия реальной альтернативы. Эта критика предвосхитила развитие учений о неравенстве сторон в обязательственных отношениях и необходимости защиты слабой стороны договора.

Формальность свободы договора коренится в изначальной асимметрии положения сторон. Ключевым фактором, по мнению Кропоткина, выступает универсальность контроля над имуществом: «сын рабочего не находит при своем вступлении в жизнь ни поля, которое он мог бы возделывать, ни машины, около которой он мог бы работать, иначе как под условием, что он будет уступать какому-нибудь хозяину большую часть того, что он наработает. Он должен продавать свою рабочую силу за скудное и неверное пропитание» [1, С. 29].

Идея о том, что неравенство сторон лишает свободу договора реального содержания, получила развитие в гражданско-правовой доктрине. Ее активно разрабатывали советские цивилисты. Так, А.Г. Гойхбарг, указывая на формализм данного принципа, отмечал, что «очень часто в капиталистическом строе одна сторона диктует свою волю другой стороне, а эта вторая, находясь под давлением экономических обстоятельств, подчиняется воле другой стороны» [8, С. 9]. С.К. Май подчеркивал, что «провозглашавшаяся "свобода договора"... не имела ничего общего с действительной свободой. Достаточно представить "свободу" и "равенство" безработного при заключении трудового договора с предпринимателем» [9, С. 41]. Р.О. Халфина писала: «Свобода договора – это орудие в руках более сильной экономически стороны для использования более слабой» [10, С. 186].

При этом констатация формального характера свободы договора в условиях фактического неравенства сторон не может быть сведена исключительно к идеологическим установкам советской правовой науки. Объективность этого явления подтверждается, в частности, сделанным еще в середине 1930-х годов Е.В. Васьковским замечанием о необходимости ограничения свободы договора «в связи с существующим в обществе экономическим неравенством, которое дает возможность при заключении договоров экономически более сильным навязывать экономически более слабым невыгодные условия» [11, С. 2].

Сказанное приводит к заключению о том, что объективный характер выводов П.А. Кропоткина о формальности свободы договора в условиях

фактического неравенства сторон подтверждается дальнейшим развитием этой идеи в правовой доктрине.

Явление диспаритета положения сторон договора относится к числу фундаментальных вопросов современного договорного права, требующего как нормативного регулирования, так и учета в судебной практике. Справедливым выглядит точка зрения Д.В. Славецкого, утверждавшего, что «гражданское право должно решать проблему защиты субъекта договорных отношений, чье влияние на создание, изменение и прекращение договора, формулирование его условий заметно уступает влиянию контрагента» [12, С. 4].

Универсальность этого вызова подтверждается попытками его решения в доктрине и правоприменительной практике государств, относящихся к различным правовым системам. Например, в американской судебной практике в знаменитом деле *Williams v. Walker-Thomas Furniture Co.* (350 F.2d 445 (D.C. Cir. 1965)) было выработано понятие недобросовестного договора, который характеризуется «отсутствием осмысленного (реального) выбора у одной из сторон в сочетании с условиями договора, неоправданно выгодными для другой стороны» [13, Р. 1065].

Важно понимать, что наличие диспаритета как такового недостаточно для признания договора недействительным – требуется сочетание двух ключевых факторов: отсутствия реального выбора и несправедливых условий. Эту мысль подтверждает Jane P. Mallor, отмечая, что «Неравенство переговорных позиций становится несправедливым и неправомерным с точки зрения закона только в том случае, когда одна из сторон получает несправедливые условия благодаря своему преимуществу в переговорах» [13, Р. 1065]. Конкретизируя данный подход, американская судебная практика выработала четыре условия, при которых договор может быть признан неправомерным в силу диспаритета положения сторон: «(1) отсутствие значимого выбора; (2) существенное неравенство переговорных позиций; (3) включение условий, которые могут привести к непредвиденным последствиям, лишению прав или дискриминации; (4) обстоятельства, при которых раса, язык, грамотность, этническая принадлежность или образование являются значимыми факторами, определяющими характер сделки» [14, Р. 152]. Сходная позиция высказывалась и в российской правовой доктрине: «необходимость защиты слабой стороны в договоре возникает лишь в том случае, если наличие одного или нескольких признаков слабой стороны договора повлекло заключение договора на кабальных или дискриминационных для нее условиях, в том числе, лишило слабую сторону обычно предоставляемых в подобных ситуациях прав, наложило дополнительные, ничем необоснованные обязанности, исключило или ограничило ответственность другой стороны за нарушение обязательств» [12, С. 8]. Это еще раз свидетельствует о том, что вопросы обеспечения реальной свободы договора остаются актуальными и носят универсальный характер.

Анализируя критику П.А. Кропоткиным свободы договора, можно прийти к выводу, что она направлена на создание условий для преодоления асимметрии в положении сторон. Это выходит далеко за рамки простого признания такого

договора недействительным, поскольку подобная мера может оказаться недостаточной для надлежащей защиты интересов более слабой стороны. На неполноценность такого подхода юридическая наука указывает уже длительное время. Например, еще в начале XX в. Isay (чье мнение цитируется в работе Е.В. Васьковского) задавался справедливым вопросом: «Какая польза для бедной швеи от того, что ее договор с работодателем будет признан ничтожным?» [11, С. 3].

В современных условиях предпринимаются попытки создания механизмов, которые предотвращали бы негативное влияние дисбаланса в положении сторон на содержание договора. В качестве примеров, демонстрирующих универсальность таких тенденций, можно привести два документа, воплощающих передовые идеи развития договорного права: «Принципы, определения и модельные правила европейского частного права. Проект общей справочной системы» (далее – DCFR) [15] и «Принципы международных коммерческих договоров» УНИДРУА (далее – Принципы УНИДРУА) [16]. Несмотря на технико-юридические различия в конкретных подходах, оба документа демонстрируют стремление не допустить негативных последствий асимметрии в положении сторон.

Сходство проявляется прежде всего в том, что принцип добросовестности выступает основой взаимоотношения сторон договора. В Принципах УНИДРУА это закреплено в качестве императивного требования к сторонам договора (ст. 1.7), а в DCFR требование к добросовестности трактуется как элемент критерия справедливости договора (ст. II. – 9:403 – II. – 9:405).

Как Принципы УНИДРУА, так и DCFR основываются на объективных критериях справедливости, которые суд должен применить при оценке диспаритета. В Принципах УНИДРУА ключевое значение имеет ст. 3.2.7 «Существенное неравновесие», которая устанавливает, что «сторона может оспорить договор или отдельное его условие, если в момент его заключения договор или какое-либо его условие неоправданно создавало чрезмерное преимущество для другой стороны». К числу критериев, определяющих помимо прочего «чрезмерное преимущество», эта статья относит факт недобросовестного использования одной стороной зависимости от нее другой стороны, экономической слабости последней или чрезвычайных нужд, или ее непредусмотрительности, неинформированности, неопытности или отсутствия навыков вести переговоры, а также характер и цель договора. В свою очередь в DCFR определению характера несправедливых условий для договоров с различным субъектным составом посвящен раздел 4 «Несправедливые условия». Основное правило заключается в том, что условие, которое является несправедливым, не обязывает сторону, которая его не предложила (ст. II. – 9:408). Кроме того, по нашему мнению, показательным является то, что DCFR вместо принципа равенства закрепляет принцип недопустимости дискриминации «по признаку пола либо этнического или расового происхождения в отношении договора или иного юридического акта, предметом которого является предоставление любому обратившемуся вещей, другого

имущества или услуг, либо доступа к ним» (ст. II. – 2:101 DCFR). Согласно документу, недопустимыми являются даже «внешне нейтральные условия, критерии или обыкновения на деле, ставящие одну категорию лиц в менее благоприятное по сравнению с другой категорией лиц положение» (ч. b п. 1 ст. II. – 2:102 DCFR).

И наконец, и Принципы УНИДРУА (ст. 3.2.7), и DCFR (ст. II. – 9:408) направлены на сохранение договора путем адаптации или удаления несправедливого условия.

Приведенные примеры указывают на то, что современное развитие договорного права, направленное на обеспечение реальной, а не формальной автономии воли, концептуально перекликается с критикой П.А. Кропоткина. Оно направлено на создание механизмов, преодолевающих структурное неравенство, наполняя принцип свободы договора реальным содержанием.

Помимо критики принципа свободы договора, П.А. Кропоткин предлагает в качестве альтернативы концепцию свободного соглашения, иллюстрируя ее примерами договорных отношений, функционирующих без государственного вмешательства. Ученый последовательно критикует роль государства в регулировании договорных отношений, утверждая, что оно «содействовало той монополии», которая исказила принцип свободы договора. По его мнению, предоставляя концессии и гарантии, государство само «дало в руки компаниям ту страшную силу, которой они теперь пользуются» [1, С. 169]. Таким образом, суть идеи Кропоткина заключается в том, что проблема состоит не в самом принципе свободного договора, а в его искажении, являющемся результатом государственного вмешательства и экономического неравенства.

Ключевое отличие свободных соглашений, по Кропоткину, заключается в общности интересов их участников и ориентации на взаимопомощь. Сущность его взглядов точно выражена Э. Реклю в предисловии к книге «Хлеб и воля»: «люди ... сходятся по доброй воле, чтобы учиться друг у друга, и без всякого начальства стремятся завоевать свою долю жизни, свое право на удовлетворение своих нужд» [1, С. 18]. Сам П.А. Кропоткин подчеркивал, что «без всяких правительств люди отлично умеют, – если только их интересы не совершенно противоположны – приходить к соглашению для совместного действия, даже в очень сложных вопросах» [1, С. 166]. В качестве показательного примера он приводит организацию взаимодействия между европейскими железнодорожными компаниями, которую характеризует следующим образом: «все это – дело свободного соглашения» [1, С. 168].

Таким образом, понятие «свободного соглашения» как реального механизма социального взаимодействия в понимании Кропоткина существенно шире формально-юридической свободы договора. Оно выходит за рамки инструмента регулирования имущественных отношений и предстает универсальным принципом организации общества, поскольку «взаимное соглашение заменяет собою понемногу законодательство и направляет отдельные частные интересы к одной общей цели, независимо от государственных границ» [1, С. 55]. Ученый обращает внимание на то, что

организации, основанные на свободном соглашении, «представляют собою настолько естественное явление; они растут так быстро, группируются так легко... что мы неизбежно должны признать в них явление, которого значение в жизни обществ неизбежно должно расти с каждым годом» [1, С. 59].

Очевидно, что концепция «свободного соглашения» представляет собой идеал, достижимый лишь в обществе, где утвердятся «религия взаимности, солидарности» [1, С. 20]. Несмотря на то, что подобная идеальная форма частноправовой регламентации подвергалась обоснованной критике (например, со стороны М.М. Агаркова [17, С. 69-70]), можно заключить, что данная концепция предвосхитила такую тенденцию развития современного права как универсализация понятия договора.

Этот процесс заключается в применении изначально частноправовой конструкции к иным областям права. По справедливому замечанию М.Ф. Казанцева, договор «используется также иными, противоположными по типу регулирования отраслями права, в частности, государственным, административным и налоговым» [18, С. 179]. Подобная универсализация становится возможной благодаря функциональным свойствам договора, делающим его пригодным для применения к различным общественным отношениям. Так, В.В. Иванов определяет договор как «совместный правовой акт, оформляющий выражение обособленных согласованных автономных волеизъявлений двух или нескольких формально равных субъектов, устанавливающий условия, исполнение которых предполагается обязательным» [19, С. 34]. Из этого определения следует, что конструкция договора может быть воспроизведена в различных правовых сферах, выступая механизмом саморегулирования. Структурно договор остается той же моделью, но наполняется материалом специфического правового регулирования, что наиболее ярко проявляется в административном договоре, процесс становления которого достаточно подробно исследован в юридической литературе (например, М.И. Кулагиным [20, С. 260-261]). Таким образом, практическое использование подобных конструкций, во многом сохраняющих черты гражданско-правового договора, корреспондирует идеям П.А. Кропоткина о свободном соглашении как универсальном регуляторе общественных отношений.

Выводы. На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Критика П.А. Кропоткиным принципа «свободы договора», зачастую служащего прикрытием для фактического принуждения, представляет собой историко-социологический анализ, предвосхитивший одну из ключевых проблем договорного права XX-XXI веков – проблему диспаритета и защиты слабой стороны. Объективность сделанных им выводов подтверждается их независимой разработкой в правовой доктрине.

2. Современные тенденции развития договорного права, нашедшие отражение в Принципах УНИДРУА и Модельных правилах европейского частного права, являются эволюцией идей, направленных на преодоление

асимметрии, описанной П.А. Кропоткиным. Они смещают акценты с формального равенства на обеспечение реальной справедливости и добросовестности, вводя механизмы контроля за содержанием договора. Это вызвано тем, что в настоящее время диспаритет проявляется не только в классическом экономическом принуждении, но и в неравенстве доступа к информации, расхождении преддоговорных позиций и т. п., что требует дальнейшего развития защитных механизмов.

3. Наследие П.А. Кропоткина выходит за рамки сугубо идеологического содержания, а представляет важную веху в осмыслении социальной функции частного права. Рассматривая гражданско-правовые институты с социально-экономической точки зрения, работа «Хлеб и воля» создает методологическую основу, сохраняющую актуальность для анализа современных вызовов регулирования договорных отношений, в частности, для обоснования пределов автономии воли и развития концепции социально ответственного договора.

4. Несмотря на утопические элементы, идеи П.А. Кропоткина о свободном соглашении как всеобщем социальном регуляторе предвосхитили существующую в настоящее время тенденцию к универсализации конструкции договора. Распространение договорных начал на публично-правовые сферы свидетельствует о возрастающей роли саморегулирования и согласования воли, что созвучно ключевым принципам его концепции.

Список литературы

1. Кропоткин, П.А. Хлеб и воля / П.А. Кропоткин ; Предисл. к 1-му франц. изд.: Элизэ Реклю. – Петербург ; [Москва] : Голос труда, 1919 [обл. 1920]. – 289 с.
2. Авдеева, И.А. Некоторые аспекты соотношения норм морали и норм права в анархо-коммунизме П.А. Кропоткина / И.А. Авдеева // Lex Russica. 2016. – №1 (110). – С. 182-186.
3. Басов, В.О. Нравственные основы правоотношений в концепциях анархо-синдикализма М.А. Бакунина и анархо-коммунизма П.А. Кропоткина / В.О. Басов // Вестник Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина. – 2008. – № 2. – С. 72-77.
4. Евланников, В.П. П.А. Кропоткин о возникновении государства / В.П. Евланников // Символ науки. – 2017. Т. 1. – № 1. – С. 115-117.
5. Кравченко, А.М. Проблема происхождения власти в этике П.А. Кропоткина / А.М. Кравченко // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2013. – № 4 (24). – С. 131-136.
6. Ксенофонтов, В.Н. Взгляды П.А. Кропоткина на государственную власть и ее судьбу (социально-философский анализ) / В.Н. Ксенофонтов // Социально-политические науки. – 2021. – Т. 11. – № 5. – С. 79-83.
7. Океанова, З.К. Этика П.А. Кропоткина и проблемы нравственности и права в трансформируемой экономике / З.К. Океанова // Бюллетень науки и практики. – 2016. – № 10 (11). – С. 251-262.
8. Гойхбарг, А.Г. Иностранное гражданское и торговое право и процесс / А.Г. Гойхбарг. – М.; Л.: Внешторгиздат, 1937. – 166 с.

9. Май, С.К. Очерк общей части буржуазного обязательственного права / С.К. Май. – М.: Внешторгиздат, 1953. – 220 с.
10. Халфина, Р.О. Договор в английском гражданском праве / Р.О. Халфина. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. – 319 с.
11. Wańkowski, E. Nowe idee w kodeksie zobowiązań / E. Wańkowski. – Lwów, 1934. – 10 s.
12. Славецкий, Д.В. Принцип защиты слабой стороны гражданско-правового договора: Автореф. дис. ... канд. юрид. н. / Д.В. Славецкий. – Самара, 2004. – 23 с.
13. Mallor, Jane P. Unconscionability in Contracts between Merchants / Jane P. Mallor // Southwestern Law Journal. – 1986. – Vol. 40. – P. 1065-1088.
14. Hunter, Richard J. Jr. Unconscionability Revisited: A Comparative Approach / Richard J. Jr. Hunter // North Dakota Law Review. – 1992. – Vol. 68. – № 1. – Article 4. – P. 145-140.
15. Модельные правила европейского частного права. – М.: Статут, 2013. – 989 с.
16. Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2016 г. – URL: <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2021/06/Unidroit-Principles-2016-Russian-bl.pdf> (дата обращения: 14.01.2026).
17. Агарков, М.М. Ценность частного права / М.М. Агарков // Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 1: Социальная ценность частного права и отдельных институтов общей части гражданского права. – М.: Статут, 2012. – С. 32-81.
18. Казанцев, М.Ф. К вопросу об общей теории правового договора / М.Ф. Казанцев // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской Академии наук. – 1999. – № 1. – С. 179-196.
19. Иванов, В.В. Общие вопросы теории договора. Монография / В.В. Иванов. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 157 с.
20. Кулагин, М.И. Предпринимательство и право: опыт Запада / М.И. Кулагин // Избранные труды. – М.: Статут, 2012. – С. 184-291.

УДК 347.9

ПРИНЦИП ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТИ В ДОКТРИНЕ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА КАК СПОСОБ ДОСТИЖЕНИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ ПРАВОСУДИЯ

Анастасия Александровна Завгородняя, кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Донбасский государственный
университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: anastaciya2015@list.ru)

В статье исследуется принцип пропорциональности как системообразующий элемент концепции правового государства и справедливого правосудия. Автор раскрывает содержание пропорциональности не только как метода ограничения государственного вмешательства, но и как ценностно-нормативного ориентира судебной деятельности. Особое внимание уделено российской судебной практике, где принцип пропорциональности используется для разрешения конфликтов между частными и публичными интересами, а также для индивидуализации юридической ответственности. Показано, что его применение способствует утверждению справедливости как метаправового критерия при осуществлении правосудия. Сделан вывод о необходимости легальной конкретизации и методологического закрепления пропорциональности в национальной системе права как инструмента обеспечения доверия к правосудию и устойчивости правопорядка.

Ключевые слова: правовое государство, справедливость, пропорциональность, судебное усмотрение, баланс интересов, правовая определённость, правосудие.

THE PRINCIPLE OF PROPORTIONALITY IN THE DOCTRINE OF THE RULE OF LAW AS A WAY TO ACHIEVE JUSTICE

Zavgorodnaya, A.A.

The article examines the principle of proportionality as a system-forming element of the concept of the rule of law and fair justice. The author reveals the content of proportionality not only as a method of limiting state interference, but also as a value-normative guideline of judicial activity. Special attention is paid to Russian judicial practice, where the principle of proportionality is used to resolve conflicts between private and public interests, as well as to individualize legal responsibility. It is shown that its application contributes to the establishment of justice as a meta-directional criterion in the administration of justice. It is concluded that there is a need for legal specification and methodological consolidation of proportionality in the

national legal system as a tool to ensure trust in justice and the stability of the rule of law.

Keywords: *rule of law, justice, proportionality, judicial discretion, balance of interests, legal certainty, justice.*

Актуальность темы исследования. Современная доктрина правового государства исходит из признания того, что реализация справедливости возможна лишь при условии соразмерного ограничения прав и обязанностей, равно как и государственных мер принуждения. Справедливость правосудия не тождественна формальной законности – она требует соотнесения меры правового воздействия с ценностными основаниями права. Одним из ключевых принципов, обеспечивающих данный баланс, выступает *принцип пропорциональности*, понимаемый как требование разумного соотношения между целью правового регулирования и используемыми средствами её достижения.

Пропорциональность объединяет нормативную и аксиологическую составляющие правовой системы. С нормативной точки зрения она обеспечивает выводимость юридических последствий из принципа разумной меры; с аксиологической – выражает идею справедливого соотношения прав, обязанностей и ответственности.

В контексте правосудия данный принцип выполняет три ключевые функции: *ограничительную* (предотвращая чрезмерное вмешательство государства в сферу частной автономии); *оценочную* (задавая суду критерии для определения адекватности мер ответственности, наказания или процессуальных ограничений); *балансирующую* (способствуя достижению равновесия между интересами личности, общества и государства). Таким образом, пропорциональность трансформируется из инструмента конституционного контроля в универсальный юридический метод оценки справедливости решения.

Анализ научных исследований. Исследование опирается на широкий круг научных источников (Н.В. Варламова, С.А. Авакьян, Г.В. Вайпан, А.В. Должиков, К. Хессе, Р. Алекси и иные), в которых принцип пропорциональности рассматривается как ключевой элемент современной юридической теории. И в отечественной, и в зарубежной правовой доктрине акцентируется внимание на двойственной природе пропорциональности: как методологического инструмента юридического анализа и как принципа, выражающего фундаментальную ценность справедливости. В свою очередь, в отечественной науке до сих пор отсутствует единый подход к пониманию пропорциональности, тем не менее все исследователи сходятся в том, что её применение усиливает доверие к судебной системе и способствует утверждению идеи справедливого правосудия.

Цель исследования. Целью исследования является теоретико-правовой анализ принципа пропорциональности как системообразующего элемента доктрины правового государства и справедливого правосудия, выявление его

содержания, функций и роли в обеспечении баланса между частными и публичными интересами, а также обоснование необходимости нормативного и методологического закрепления данного принципа в российской правовой системе.

Изложение основного материала. В российской правовой системе принцип пропорциональности закреплён фрагментарно. Конституционный Суд РФ, развивая доктрину соразмерности, неоднократно указывал, что любые ограничения конституционных прав допустимы лишь при наличии *разумной необходимости и соразмерности преследуемой цели*. На уровне правоприменения этот принцип проявляется через оценочную деятельность судьи, где пропорциональность становится инструментом «взвешивания» противоречивых интересов – частных и публичных.

Справедливость в правосудии проявляется как состояние правового равновесия, при котором достигается оптимальная соотнесённость между тяжестью правонарушения и мерой ответственности, между ограничением права и значимостью охраняемого интереса.

В доктрине правового государства принцип пропорциональности нередко описывается через триединую структуру – адекватность, необходимость и соразмерность¹. Однако его сущность выходит за пределы формализованной конструкции, проявляясь как ценностный ориентир, обеспечивающий гармонию между правом и моралью, обязанностью и правом, санкцией и правовым ожиданием. В сфере правосудия пропорциональность становится тем инструментом, посредством которого суд, интерпретируя норму, восстанавливает нарушенный баланс интересов, и именно поэтому она выступает неотъемлемым механизмом достижения справедливости.

Целью исследования не является исследование ретроспективного анализа принципа пропорциональности и гносеологического исследования, однако стоит отметить, что единого мнения относительно формирования данного принципа нет.

Стоит все же отметить, что пропорциональность как правовая категория зародилась на исторической арене в недрах австрийской и немецкой административно-конституционной традиции. Постепенно данный принцип вышел за рамки национальных правовых порядков, был воспринят международными организациями и нашёл своё отражение в нормах международного гуманитарного права, права международной ответственности, а также в международных механизмах защиты прав человека. С течением времени идея соразмерности получила закрепление в ряде ключевых международно-правовых актов и стала важным элементом отечественной правоприменительной практики. Пропорциональность выступает не только как юридический

¹ Адекватность в данном контексте означает, что избранное судебное средство соответствует поставленной цели – защите прав и интересов сторон. Необходимость предполагает, что вмешательство должно быть минимально достаточным: суд обязан выбирать такой способ защиты, который в наименьшей степени ограничивает права личности. Соразмерность же представляет собой итоговую оценку допустимости вмешательства с точки зрения баланса интересов и последствий – именно здесь вступает в силу категория справедливости как высшей правовой ценности.

инструмент, но и как методологический ориентир для установления, поддержания и подтверждения необходимого баланса интересов, обеспечивая гармоничное соотношение целей, средств и последствий правового регулирования.

Принцип пропорциональности дает возможность устанавливать юридически контролируемое и управляемое *равновесие интересов* как в рамках законодательства, так и контекстуально в рамках юридического дела на внутригосударственном уровне, а также в сфере международных отношений. Пропорциональность определяют *общепризнанным принципом права, принципом международного права* [1, С. 4-10]; *инструментом защиты* прав и свобод человека, а также как *метод поиска* «золотой середины» в решении проблем необходимости правоограничения [2, С. 66-67]; как легальную конструкцию, инструмент [3, С. 174]; как *методику или инструмент* (средство) взвешивания интересов [4, С. 76]. С учетом роли пропорциональности в научной литературе встречается другое его наименование – *соразмерность* [5, С. 159; 6, С. 38; 7, С. 542], или, более конкретно, – принцип пропорционального ограничения прав и свобод [8, С. 25]. Пропорциональностью также называют многоэлементный вид судебного контроля [9, С. 3098], концепцию, не содержащую присущих ей стандартов, а относящуюся к должному балансу между всеми факторами [10, С. 251], нормативную методику, позволяющую интерпретировать содержание других принципов и норм права [11, С. 21].

Вариативность восприятия доктриной данного *принципа*² во многом определяется особенностями и глубиной реализации принципа пропорциональности через соответствующий «тест», который выполняет функцию инструмента юридического контроля и оценки. Степень и характер восприятия пропорциональности в доктрине, равно как и в правоприменительной практике конкретного общества, напрямую связаны с господствующим типом правопонимания, исторически и культурно сложившимся в каждой правовой системе. При этом, несмотря на устоявшееся признание пропорциональности как принципа, важно подчеркнуть, что речь идёт, скорее, о метапринципе – инструментальном и операциональном по своей сути, так как он не обладает самостоятельным нормативным содержанием. Его сущность раскрывается через процесс соотнесения и *сопоставления интересов, ценностей, принципов и прав*, реализуемых в механизме их балансировки. Именно поэтому отнесение пропорциональности к «классическим» правовым принципам представляется условным и методологически опосредованным.

Пропорциональность, скорее, служит методологическим средством интерпретации и регулирования применения других принципов в конкретной правовой ситуации, функционируя как своеобразная «структурная формула», в которую «встраиваются» реальные обстоятельства юридического конфликта. В этом смысле пропорциональность, нередко понимаемая как *баланс* (в зависимости от доктринального подхода), занимает центральное место в теории

² Автор будет поддерживать распространённое восприятие данной правовой категории, а именно «принцип».

и практике правового государства, выступая ключевым инструментом обеспечения справедливости и поддержания рационального дискурса в демократическом обществе.

Принцип пропорциональности, как основополагающий элемент правовой системы, имеет множество применений в различных сферах, включая уголовное право. Он требует, чтобы меры, принимаемые в ответ на определенные ситуации, были разумными и не превышали необходимую степень воздействия, что в свою очередь, позволяет избежать чрезмерных ограничений прав и свобод человека, сохраняя баланс между интересами общества и индивидуумом. Тем не менее, пропорциональность не является самоцелью. В качестве инструментального принципа она служит ориентиром для достижения справедливости и эффективности в правоприменении. Например, в области уголовного права пропорциональность помогает определить соразмерность наказания тяжести преступления, что способствует обеспечению справедливого правосудия.

Реализация методики пропорциональности осуществляется посредством анализа *четырех* ее элементов/признаков, среди которых:

- *легитимная цель* ограничения прав;
- *пригодность* ограничения права для достижения указанной цели;
- *установление необходимости* ограничения прав через сравнение эффективности принятой меры и ее менее обременительных для прав альтернатив в достижении цели;
- «сопоставление ущерба, вытекающего из ограничения прав, с пользой, которую оно приносит защищаемым конституционным ценностям» [12, С. 67] (пропорциональность в узком смысле).

Отметим, что если наличие цели ограничения, анализ пригодности ограничения и необходимость ограничения представляют собой этапы так называемой «категоризации», то заключительный элемент теста вызывает в научной среде наибольшее количество разночтений. Одни исследователи, придерживающиеся концепции формализованного подхода к пропорциональности, полагают, что данный элемент не требует самостоятельного теоретического обоснования и носит вспомогательный характер, поскольку его содержание раскрывается через предшествующие стадии проверки [13, С. 59]. Другие же, напротив, усматривают в нем центральный момент всего механизма теста пропорциональности, связывая именно с ним оценку допустимости вмешательства в субъективные права и определение справедливости ограничения [13, С. 59-60].

Следует подчеркнуть, что в этом последнем элементе проявляется субстанциональная сущность принципа пропорциональности, поскольку вскрывается реальное соотношение между достигаемыми целями и тем ущербом, который причиняется охраняемым правам и интересам. В этом смысле пропорциональность, даже в своем «узком» понимании, служит не только инструментом юридико-догматического анализа, но и способом выражения фундаментальных ценностей правового государства – разумности, справедливости и соразмерности [3, С. 72].

Соблюдение последовательности установления пропорциональности способствует трансформации ценностей (как субъективных явлений) в факты, с помощью которых максимы (безопасность, гуманизм, справедливость, национальный интерес, благосостояние, нравственное здоровье) возможно представить в виде системного эмпирического материала через описание юридических ситуаций, в которых реализуются и могли бы в качестве альтернативы (поиск «пригодности») реализоваться интересы, подлежащие взвешиванию, соблюдалась правовая определённость. Так методика *пропорциональности* позволяет перевести некие абстрактные блага в предмет соотносимых интересов.

Пропорциональность выражается в материальном и процедурном аспекте и если в материальном – это *содержательная справедливость*, то в процедурном она выражается через правосудие. Определяющим является то, чтобы алгоритм установления пропорциональности как проявления процедурной справедливости предсказуемо и четко соблюдался, будучи нормативно закреплённым с целью недопущения чрезмерного или необоснованного усмотрения правоприменителя. Последовательность стадий проверки пропорциональности должна восприниматься не как факультативное рассуждение, а как обязательный элемент юридического анализа, отражающий степень уважения к правам личности и принципу верховенства права. В этом контексте надлежащее мотивирование судебных решений выступает не просто формой аргументации в классическом логико-правовом смысле, но инструментом демонстрации того, каким образом суд осуществил соотнесение и баланс интересов.

Алгоритмы установления ограничения прав и соблюдения пропорциональности могут быть различны, среди которых: *балансировка* как пропорциональность в узком смысле и «категоризация» как принцип приоритета, который, по сути, закреплён в ст. 2 Конституции РФ (человек, его права и свободы являются высшей ценностью), а государство признаёт их, соблюдает и защищает в качестве обязанности. Взаимозависимость метода балансирования и метода категоризации приводит к тому, что применение принципа пропорциональности состоит из взаимных отсылок этих методов друг к другу, но тезис о «бесполезности» и «нереалистичности» [14, С. 51] принципа пропорциональности все же не является верным. Для реализации принципа пропорциональности не нужен постоянный переход от балансировки к категоризации, при реализации принципа пропорциональности речь идет об их взаимодополняемости в алгоритме проведения теста на пропорциональность.

Через применения принципа пропорциональности и учета соразмерности вопрос справедливости (к чему стремится любое правосудие) как моральной ценности, определяющей множество аспектов, например, уголовного законодательства, может быть более четко решен. Эти методы позволяют формировать концепцию справедливости, ориентируясь на конкретный социально-нормативный контекст и обеспечивая внутреннюю согласованность между целями наказания и средствами их достижения.

Выводы. Справедливость как этическое понятие и соразмерность как правовая категория требуют определенного научного анализа их взаимосвязи и разграничения сфер их действия. Справедливость выступает аксиологической основой оценки, тогда как соразмерность реализует процедурную сторону данного процесса, обеспечивая объективность решения.

Таким образом, этапы применения пропорциональности будут зависеть от того, где именно проходит оценка: на стадии нормотворчества, где она выступает ориентиром для законодателя, либо в процессе правоприменения, где она становится практическим инструментом судебной оценки. Цели и необходимость ограничений прав должны быть всегда дополнительно детализированы контекстуально. Принцип пропорциональности в правосудии (в частности, реализуемый посредством так называемого «теста пропорциональности») становится сегодня инструментом, позволяющим достичь справедливого баланса между общественными интересами и защитой прав личности. Соразмерность как выражение этого баланса формирует ядро современной концепции правосудия, которая ориентируется не столько на формальное равенство, сколько на материальную справедливость.

Принцип пропорциональности служит не только инструментом юридического анализа, но и гарантией этической легитимности судебной власти. Его соблюдение предопределяет восприятие судебного решения как справедливого и разумного, способствует укреплению общественного доверия к правовой системе и формированию правосознания, основанного на убеждении в том, что закон действительно служит человеку и интересам правового государства. Принцип пропорциональности также не только является аналитическим инструментом, но и выполняет функцию ценностного координатора, связывая юридическую рациональность с этическим измерением права. Именно поэтому пропорциональность (часто определяемая через понятия «баланс» или «соразмерность», в зависимости от методологического подхода) занимает ключевое место в доктрине правового государства. Она выступает неотъемлемым элементом дискурса о справедливости, позволяя интегрировать в правовую практику идею разумного компромисса, что особенно важно для функционирования демократического, по сути – дискурсивного общества, основанного на признании плюрализма ценностей и необходимости их согласования в правовом пространстве.

Список литературы

1. Варламова, Н.В. Принцип пропорциональности как основа осуществления публично-властных полномочий / Н.В. Варламова // *Aequum ius*. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д.В. Дождева. – М.: Статут, 2014. – С. 4-30.
2. Евтошук, Ю.А. Принцип пропорциональности как необходимая составляющая верховенства права: дис. ... канд. юрид. наук / Ю.А. Евтошук. – Киев, 2015. – 214 с.

3. Барак, А. Судейское усмотрение / Пер. с англ.; Науч. ред. В.А. Кикоть, Б.А. Страшун; Вступ. статья М.В. Баглая. – М.: Изд-во НОРМА, 1999. – 364 с.
4. Stone Sweet A. Proportionality Balancing and Global Constitutionalism / A.Stone Sweet, J. Mathews // Columbia Journal of Transnational Law. – № 47. – 03/2008. – P. 73-164.
5. Фосскуле, А. Принцип соразмерности. / А. Фосскуле // Сравнительное конституционное обозрение. – 2015. – № 1 (104). – С. 159-163.
6. Белоусов, С.А. Принцип соразмерности и баланс интересов в системе российского законодательства: общетеоретический ракурс рассмотрения проблемы / С.А. Белоусов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2021. – № 4. – С. 38-42.
7. Должиков, А.В. Конституционный принцип соразмерности: метод юридической догматики / А.В. Должиков // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2021. – № 53. – С. 540-561.
8. Андреева, О.И. Соотношение прав и обязанностей государства и личности в правовом государстве и специфика его проявления в сфере уголовного судопроизводства (теоретический аспект) / под ред. М.К. Свиридова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. – 138 с.
9. Vicki C. Jackson. Constitutional Law in an Age of Proportionality / Jackson Vicki C. // The Yale Law School. – 2015. – № 124. – P. 3094-3196.
10. Nolte G. Thin or Thick? The Principle of Proportionality and International Humanitarian Law / G. Nolte // Law & Ethics of Human Rights. – 2010. – P. 243-255.
11. Вайпан, Г.В. Принцип пропорциональности в современном международном праве: дисс. ... канд. юрид. наук / Г.В. Вайпан. – Москва. – 2017. – 238 с.
12. Белов, С.А. Рациональность судебной балансировки конституционных ценностей с помощью теста на пропорциональность / С.А. Белов // Петербургский юрист. – 2016. – № 1. – С. 63-75.
13. Косла, М. Пропорциональность: посягательство на права человека? Ответ Ставросу Цакиракису; пер. с англ. Е. Бурмицкая / М. Косла // Сравнительное конституционное обозрение. – 2011. – № 5. – С. 58-60.
14. Вайпан, Г. Принцип пропорциональности и аргументация в сфере ограничений прав человека: от Р. Алекси к Р. Дворкину и обратно / Г. Вайпан // Судебная аргументация: методика и техника. – 2015. – № 3. – С. 50-51.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 343.98

ИЗУЧЕНИЕ ПРОКУРОРОМ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА

Наталья Алексеевна Данилова, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский юридический институт, филиал Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

(e-mail: bobteyl@mail.ru)

Елена Владимировна Елагина, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский юридический институт, филиал Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

(e-mail: yelagina@bk.ru)

Производство судебной экспертизы на всех стадиях уголовного судопроизводства способствует объективизации доказывания и тем самым обеспечивает достижение назначения уголовного судопроизводства. Использование результатов производства судебной экспертизы невозможно без установления соответствия заключения эксперта критериям, предъявляемым к доказательствам. Изучение заключения эксперта позволяет установить его соответствие не только формальным требованиям, содержащимся в статье 204 УПК РФ, но и оценить его содержательную составляющую. Основными участниками уголовного процесса, в компетенцию которых входит оценка заключения эксперта являются следователь (дознаватель), прокурор, суд, защитник. С учетом специфики профессиональной деятельности авторами сделан акцент на изучении заключения прокурором.

Ключевые слова: судебная экспертиза, заключение эксперта, уголовное судопроизводство, права участников уголовного судопроизводства, прокурор.

EXAMINATION OF THE EXPERT'S REPORT BY THE PROSECUTOR

Danilova, N.A., Elagina, E.V.

The production of forensic examinations at all stages of criminal proceedings contributes to the objectification of proof and thus ensures the achievement of the purpose of criminal proceedings. The use of the results of forensic examinations is impossible without establishing whether the expert's conclusion meets the criteria for evidence. Examining the expert's conclusion allows us to determine whether it meets not only the formal requirements outlined in Article 204 of the Criminal Procedure

Code of the Russian Federation, but also to assess its content. The main participants in the criminal process who have the authority to evaluate the expert's conclusion are the investigator (interrogator), the prosecutor, the court, and the defense attorney. Given the specifics of professional activity, the authors have focused on the prosecutor's conclusion.

Keywords: *forensic examination, expert opinion, criminal proceedings, rights of participants in criminal proceedings, prosecutor.*

Актуальность темы исследования. Значение заключения эксперта для доказывания обстоятельств, перечисленных в ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) не нуждается в обосновании. Столь же очевидным является, что в качестве доказательства может использоваться только заключение эксперта, которое удовлетворяет как общим требованиям, предъявляемым к доказательствам (ст. 88 УПК РФ), так и некоторым специфичным.

Судебная экспертиза может быть назначена на любой стадии уголовного процесса, в частности, в ходе проверки сообщения о преступлении, осуществляемой в порядке ст. 144 УПК РФ, и именно ее результаты нередко являются фактором, обуславливающим принятие решения о возбуждении уголовного дела. Именно поэтому, одним из важнейших компонентов работы прокурора с материалами проверки сообщения о преступлении, а в последствии и с материалами уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением (обвинительным актом, обвинительным постановлением), является изучение заключения эксперта.

Многолетний опыт работы авторов в системе переподготовки и повышения квалификации прокурорских работников, а также результаты анкетирования прокуроров, проходивших обучение в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры РФ (далее – СПб ЮИ УП РФ) дают основание для неутешительного вывода – в подавляющем большинстве случаев надзирающие прокуроры, а равно, государственные обвинители не «изучают» содержание заключения эксперта, а «ознакомляются» с ним, ограничиваясь, как правило, лишь выводами, а в лучшем случае – соотнесением выводов и вопросов, сформулированных в постановлении о назначении судебной экспертизы. Буквально в единичных случаях прокурором изучается содержание вводной и исследовательской частей заключения. Следствием этого является то, что ошибки, допущенные следователем (дознавателем) при подготовке и назначении судебной экспертизы, а экспертом (экспертами) – при ее производстве, зачастую остаются за рамками внимания как надзирающих прокуроров, так и государственных обвинителей, и выявляются уже в ходе судебного следствия, причем, достаточно часто стороной защиты.

Анализ научных исследований. Ограниченность объема публикации позволяет лишь констатировать что институт судебной экспертизы в уголовном процессе, судебно-экспертная деятельность, отдельные ее составляющие,

проблемы использования заключения эксперта в доказывании и целый ряд иных сопряженных вопросов являются постоянным предметом научных исследований различного уровня. Вопросы доказывания в уголовном судопроизводстве, в том числе с использованием заключений и показаний экспертов, были предметом научных изысканий Т.В. Аверьяновой, О.Я. Баева, Р.С. Белкина, Л.В. Владимирова, А.И. Винберга, В.Н. Исаенко, Ю.В. Кореневского, И.Ф. Крылова, А.В. Кудрявцевой, Н.П. Майлис, В.Н. Махова, Ю.К. Орлова, Е.В. Павловой, И.Л. Петрухина, С.В. Познышева, А.Р. Ратинова, Р.Д. Рахунова, Е.Р. Россинской, Т.А. Седовой, В.Д. Спасовича, В.К. Случевского, М.С. Строговича, Д.Г. Тальберга, И.Я. Фойницкого, О.В. Чельшевой, М.А. Чельцова, А.А. Эйсмана, С.А. Ялышева и многих других ученых. Авторами статьи также неоднократно высказывалось свое мнение [1], [2], [3] и др.

Целью подготовки данной статьи является обстоятельное (насколько позволяет объем публикации) рассмотрение вопросов, значимых для полнообъемного качественного изучения прокурором заключения эксперта. Вместе с тем, транслируемые в статье подходы применимы в деятельности любого участника уголовного судопроизводства, осуществляющего оценку заключения эксперта.

Изложение основного материала. Опираясь на результаты изучения правоприменительной практики и систематически проводимых опросов в ходе практических занятий со слушателями факультета повышения квалификации и профессиональной переподготовки СПб ЮИ УП РФ, позволим себе утверждать, что в ходе изучения прокурором заключения эксперта им должно быть установлено отсутствие нарушений процедур, процессов и обстоятельств, изложенных ниже.

Соблюдение порядка назначения и производства судебной экспертизы.

Необходимость такой проверки обусловлена многочисленными нарушениями норм уголовно-процессуального закона, допускаемыми при назначении судебных экспертиз. Наиболее распространенным нарушением является вынесение постановления о назначении судебной экспертизы неуполномоченным лицом, в частности, следователем (дознавателем) до принятия уголовного дела к своему производству либо лицом (следователем-криминалистом, должностным лицом органа дознания), действовавшим по письменному поручению следователя, руководителя следственного органа, в котором не указано, что он уполномочен назначать судебную экспертизу (экспертизы). Обратим внимание на то, что в ст. 19 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [4] (далее – № 73-ФЗ), законодатель установил исчерпывающий перечень оснований производства судебной экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении и указал в качестве таковых «определение суда, постановления судьи, лица, производящего дознание, следователя». Из дефиниции «следователь-криминалист», содержащейся в п. 40.1 ст. 5 УПК РФ

однозначно следует, что данный участник уголовного судопроизводства³ осуществляет процессуальную деятельность в качестве субъекта расследования и наделяется полномочиями, идентичными полномочиям следователя, указанными в ч. 2 ст. 38 УПК РФ, при условии принятия уголовного дела к своему производству, или же по поручению руководителя следственного органа производит отдельные следственные и иные процессуальные действия (участвует в их производстве) [5, п.п. 1.2 и 1.3)].

Так, согласно поручению исполняющего обязанности руководителя следственного отдела, следователь-криминалист, не входивший в состав следственной группы, был уполномочен производить и принимать участие в отдельных следственных и иных процессуальных действиях без принятия конкретного уголовного дела к своему производству. Однако в упомянутом выше поручении не было указано, производство каких именно следственных и иных процессуальных действий поручается следователю-криминалисту. Тем не менее, им было вынесено три постановления о назначении судебно-медицинской экспертизы и два постановления о назначении судебно-биологической экспертизы. Ввиду того, что вышеуказанные постановления были вынесены неуполномоченным лицом, все пять заключений экспертов были признаны недопустимыми доказательствами.

В обязательном порядке прокурор должен сопоставить дату вынесения постановления о назначении судебной экспертизы с датой возбуждения уголовного дела и его номером. Так, в ходе расследования преступления (ч. 4 ст. 111 УК РФ), инкриминируемого К., были назначены судебно-медицинские экспертизы в отношении свидетеля Ф. Уголовное дело по факту причинению телесных повреждений Ф. было возбуждено спустя два месяца после того, как в отношении него были проведены указанные экспертизы. Таким образом, постановления следователя о назначении двух экспертиз были вынесены с нарушением положений, предусмотренных ч. 4 ст. 195 УПК РФ, поскольку в материалах уголовного дела отсутствовали письменные согласия свидетеля Ф. о производстве в отношении него судебно-медицинских экспертиз, а потерпевшим Ф. был признан лишь спустя два месяца после производства указанных экспертиз.

В результате заключения двух судебно-медицинских экспертиз в отношении свидетеля Ф. признаны недопустимыми доказательствами, поскольку они были назначены и проведены в ходе расследования другого преступления.

Соблюдение прав участников уголовного судопроизводства при назначении, производстве и окончании судебной экспертизы.

Наиболее часто встречающейся ошибкой, свидетельствующей о целесообразности подобной проверки является несоблюдение

³ Подчеркнем, что отнесение следователя-криминалиста к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения признается *de facto*, поскольку законодатель не счел необходимым дополнить ни главу 6 «Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения» УПК РФ соответствующей статьей, ни хотя бы ст. 38 «Следователь» УПК РФ.

правоприменителями права обвиняемого на ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы и с заключением эксперта. В подавляющем большинстве случаев реализация этого права обеспечивается при ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела (ст. ст. 215, 217 УПК РФ), что является нарушением его прав, предусмотренных статьями 195 и 198 УПК РФ.

На недопустимость такого подхода обращалось внимание высшей судебной инстанцией, согласно правовой позиции которой подозреваемый, обвиняемый, их защитники, а также потерпевший должны быть ознакомлены с постановлением о назначении экспертизы до ее производства [6]. Отметим, что Конституционным судом Российской Федерации вопрос о нарушении прав обвиняемого, предусмотренных ст. 195 и 198 УПК РФ, начиная с 2004 года, рассматривался более 130 раз (!). И в настоящее время Конституционный суд Российской Федерации придерживается позиции, выраженной по данному вопросу в первом решении, принятом в 2004 году по жалобе Корковидова А.К. [7]: ознакомление подозреваемого, обвиняемого, его защитника с постановлением о назначении экспертизы до начала ее производства – при отсутствии объективной невозможности это сделать – является обязательным. Конституционный Суд РФ категорично указал, что ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы подозреваемого, обвиняемого, его защитника должно быть осуществлено до начала производства экспертизы, в противном случае названные участники процесса лишаются возможности реализовать связанные с назначением экспертизы и вытекающие из конституционных принципов состязательности и равноправия сторон права, закрепленные ст. 198 УПК РФ, и что соответствующее требование ч. 3 ст. 195 УПК РФ распространяется на порядок назначения любых судебных экспертиз, носит императивный характер и обязательно для исполнения следователем, прокурором и судом на досудебной стадии судопроизводства во всех случаях.

В случае, если лицо признано подозреваемым, обвиняемым или потерпевшим после назначения судебной экспертизы, оно должно быть ознакомлено с этим постановлением *одновременно* (выд. нами) с признанием его таковым, о чем составляется соответствующий протокол [6]. Невыполнение этого требования чревато тем, что в случае возникновения у обвиняемого обоснованной аргументации для отвода эксперта, налицо необходимость в назначении повторной экспертизы, а при наличии у него оснований для постановки перед экспертом дополнительных вопросов – в назначении дополнительной судебной экспертизы.

Несвоевременность ознакомления с заключением эксперта обуславливает нарушение еще одного права обвиняемого – заявить отвод экспертному учреждению или эксперту, так как, не зная, кому поручено производство судебной экспертизы обвиняемый не может удостовериться, например, в наличии у эксперта аттестации на право производства конкретного вида экспертизы. Несмотря на то, что в соответствии со ст. 204 УПК РФ не предусмотрено отражение информации о наличии у эксперта соответствующей аттестации, ее наличие является свидетельством того, что эксперт обладает не

только необходимой квалификацией, но и правом производства экспертизы. Очевидно, что заявление отвода эксперту «*post factum*», с одной стороны, некий нонсенс, поскольку экспертиза уже проведена, но с другой стороны, если отвод обоснован, то заключение эксперта должно признаваться недопустимым доказательством, что влечет необходимость назначения новой судебной экспертизы.

В очередной раз обратимся к правовой позиции Конституционного суда РФ, в соответствии с которой сторонам, в том числе обвиняемому и его защитнику, должна обеспечиваться возможность ознакомления с данными, свидетельствующими о надлежащей квалификации эксперта. Положения ст. 47 и 53, ч. 8 ст. 162 и ч. 1 ст. 195 УПК РФ – по их конституционно-правовому смыслу – не препятствуют обвиняемым, права которых затрагиваются решениями органов предварительного следствия о назначении судебной экспертизы, и их защитникам в ознакомлении с такими решениями, а также не исключают необходимость представления названным участникам судопроизводства данных об обстоятельствах, значимых для обжалования этих решений [8]. Конституционно-правовой смысл указанных положений является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

Установление сведений, касающихся возможности производства судебной экспертизы в конкретном судебно-экспертном учреждении.

Целесообразность указанной проверки обусловливается тем, что нередко следователи (дознаватели) игнорируют необходимость уточнения наличия в конкретном судебно-экспертном учреждении экспертов соответствующего профиля. Так, в ходе расследования умышленного уничтожения автомобиля путем поджога (ч. 2 ст. 167 УК РФ) была назначена судебно-товароведческая экспертиза с целью определения суммы имущественного ущерба, причиненного собственнику транспортного средства. Постановление о назначении товароведческой экспертизы и все необходимые материалы были направлены следователем в территориальный орган Министерства РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, несмотря на то что сотрудники ОНД ГУ МЧС такую экспертизу не проводят.

Обратим внимание на то, что в случае производства судебной экспертизы негосударственным судебно-экспертным учреждением или физическим лицом, привлекаемым в качестве эксперта, исследование заключения должно осуществляться с учетом Распоряжения Правительства РФ «О Перечне видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями» [9].

Установление возможности производства судебной экспертизы конкретным лицом: образование; специальность и ее соответствие виду проведенной экспертизы; стаж работы по специальности, в том числе в качестве судебного эксперта, а также наличие (отсутствие) опыта работы по производству судебных экспертиз конкретного вида; квалификация (сведения,

подтверждающие прохождение обучения по переподготовке и повышению квалификации, в том числе относительно современных методик проведенного экспертного исследования); компетентность, включая наличие (отсутствие) оснований для отвода эксперта⁴.

В данном случае речь идет о проверке соответствия образования, компетентности и квалификации эксперта виду проведенной им экспертизы. Игнорирование такой проверки чревато негативными последствиями, что может быть проиллюстрировано следующими примерами из правоприменительной практики. В ходе расследования незаконной банковской деятельности (ст. 172 УК РФ) была назначена финансово-аналитическая экспертиза (класс судебно-экономических экспертиз), которую проводил эксперт, имеющий высшее образование по специальности «товароведение и организация торговли непродовольственными товарами», квалификацию «товаровед высшей категории», свидетельство научно-исследовательской лаборатории судебной экспертизы «о присвоении квалификации судебного эксперта с правом производства судебно-бухгалтерских экспертиз по специальности «8.2 исследование и анализ бухгалтерских операций хозяйственной деятельности в различных отраслях народного хозяйства», свидетельство «о предоставлении права производства бухгалтерских экспертиз», стаж работы 20 лет, в том числе по экспертной специализации 15 лет. Очевидно, что даже такой обширный перечень документов не позволял данному эксперту провести финансово-аналитическую экспертизу.

Приведем другой пример. А. признали виновным в том, что, находясь в состоянии алкогольного опьянения, в процессе ссоры с Б., возникшей на почве личных неприязненных отношений, умышленно нанес ему удары руками и ногами в различные части тела. В результате Б. получил легкие телесные повреждения в виде ссадин и кровоподтеков на лице и подмышечной области справа, а также у него возникла субдуральная гематома височно-теменной области, которая относится к тяжким телесным повреждениям, что привело к смерти потерпевшего. В приговоре суд указал на отсутствие у него сомнений относительно компетентности эксперта К. и его заключения. В надзорной жалобе защитника это утверждение суда было поставлено под сомнение, поскольку не было учтено, что К. не является судебно-медицинским экспертом, никогда им не был, а работает в должности врача-хирурга ЦРБ. Надзорная инстанция согласилась с мнением защиты, и приговор по инкриминируемому А. преступлению был отменен, дело направлено на новое судебное рассмотрение и впоследствии вынесен оправдательный приговор.

⁴ Проверка указанных сведений в первую очередь необходима в случае проведения экспертизы экспертом негосударственного судебно-экспертного учреждения (некоммерческой организации (некоммерческого партнерства, частного учреждения или автономной некоммерческой организации), созданной в соответствии с Гражданским кодексом РФ и Федеральным законом «О некоммерческих организациях», осуществляющим судебно-экспертную деятельность в соответствии с принятым уставом) либо лицом, не работающим в судебно-экспертном учреждении, в частности, сотрудником различных научно-исследовательских институтов, лабораторий, преподавателем высших учебных заведений и т.п.

Результаты изучения правоприменительной практики свидетельствуют о том, что прокурору ограничиваться исключительно разрешением вопросов, связанных с проверкой компетентности и квалификации эксперта, крайне нецелесообразно. В ряде случаев (в первую очередь, при производстве судебно-медицинских экспертиз) необходима проверка специализации эксперта, в первую очередь – при производстве судебно-медицинских экспертиз

Установление легитимности получения объектов, представленных для экспертного исследования, и их достаточности.

Целесообразность такой проверки обусловлена многочисленностью следственных ошибок, сопряженных с нарушением норм уголовно-процессуального закона при производстве следственных действий и оформлении соответствующих протоколов. К числу таких ошибок относятся следующие: составление протокола следственного действия ненадлежащим лицом; неверное (неполное) указание места производства следственного действия; указание в протоколе различных следственных действий одной и той же даты, времени их производства с теми же понятыми и следователем (дознавателем), что формально свидетельствует об одновременном производстве следственных действий.

К этой же группе ошибок относится отсутствие в материалах уголовного дела сведений об изъятии материальных объектов, впоследствии направленных на судебно-экспертное исследование. Так, исходя из постановления о назначении трасологической экспертизы следов рук (дактилоскопической), эксперту были представлены дактилоскопические карты трупа К. и обвиняемого Р. Однако факт дактилоскопирования трупа К. не нашел отражения ни в протоколе осмотра места происшествия, ни в протоколе осмотра трупа. Равным образом в материалах уголовного дела отсутствовали сведения о дактилоскопировании обвиняемого Р. либо выемке его дактилоскопической карты в экспертном учреждении с указанием признаков, свидетельствующих о ее аутентичности. Таким образом, эксперту были представлены объекты, которые с формальной точки зрения не были изъяты в предусмотренном уголовно-процессуальным законом порядке, что и послужило основанием для признания заключения эксперта недопустимым доказательством.

Не менее иллюстративен другой пример. Судом признан недопустимым доказательством протокол проверки показаний на месте обвиняемого С. При просмотре в ходе судебного следствия видеозаписи этого следственного действия было установлено, что в нарушение ч. 2 ст. 194 УПК РФ следователь напоминал обвиняемому С. о том, что он говорил на допросе и частично вместо него демонстрировал действия, которые подлежали проверке. Однако, поскольку впоследствии была назначена судебно-медицинская экспертиза с целью выяснения наличия (отсутствия) возможности образования телесных повреждений на теле потерпевшего при обстоятельствах, указанных С. в ходе проверки показаний на месте, заключение судебно-медицинского эксперта также было признано недопустимым доказательством.

Подобного рода ошибки влекут признание недопустимыми доказательствами как протокола конкретного следственного действия, так и иных доказательств, в том числе заключения эксперта, проводившего исследование объектов, которые были изъяты в ходе производства осмотра места происшествия, обыска, выемки, протоколов о признании исследованных объектов вещественными доказательствами и др.

И, наконец, недопустимо игнорировать еще одну из самых распространенных следственных ошибок – изъятие в ходе производства следственного действия так называемой «всей бухгалтерии». Суть этой ошибки сводится к тому, что, во-первых, в протоколе следственного действия (осмотра места происшествия, обыска, выемки) в лучшем случае указывается количество коробок, в которые упакованы изъятые бухгалтерские документы, во-вторых, в подавляющем большинстве случаев следственный осмотр изъятых документов с привлечением специалиста в области бухгалтерского учета не проводится, в-третьих, в постановлении о назначении судебной экспертизы (судебно-бухгалтерской либо судебно-экономической) не конкретизируется, ни количество представленных эксперту документов, ни какие именно это документы.

Логичным последствием подобного рода упущений может стать заявление ходатайства стороной защиты о признании недопустимым доказательством заключения эксперта, поскольку не ясно, на основании каких конкретно документов (факт изъятия которых не отражен в протоколах следственных действий и факт представления этих документов не нашел отражения в постановлении о назначении судебной экспертизы) эксперт пришёл к выводам, сформулированным в заключении.

В качестве иллюстрации к изложенному приведем реакцию следователя на упомянутые обстоятельства: «А эксперт умный, он сам разберется, какие конкретно документы ему нужны». Да простит нас уважаемый читатель, но полагаем, что комментарии в данном случае излишни.

Соответствие количества и вида объектов, представленных на экспертное исследование, указанных в постановлении о назначении судебной экспертизы в исследовательской части заключения и выводах эксперта.

К числу достаточно часто встречающихся следственных ошибок относится указание в постановлении о назначении судебной экспертизы не всех объектов, предоставляемых для экспертного исследования. Разновидностью данной ошибки является направление эксперту (на основании его ходатайства о предоставлении дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения) указанных материалов без соответствующего процессуального оформления их изъятия и предоставления эксперту (в первую очередь, при приостановлении производства предварительного расследования), что не позволяет подтвердить несомненность происхождения этих материалов и соблюдение процессуального порядка их получения. Так, уже после приостановления производства по уголовному делу эксперту были предоставлены рентгеновские снимки потерпевшего, однако при этом

производство по уголовному делу не было возобновлено, снимки изымались и были предоставлены эксперту вне рамок процессуальных действий.

Не менее показателен другой пример. Согласно постановлению о назначении медико-криминалистической судебной экспертизы, эксперту были предоставлены: блузка, горлышко от бутылки, два полотенца и нож. Однако, из содержания заключения эксперта следовало, что при производстве экспертизы наряду с указанными объектами исследованию были подвергнуты три бумажные салфетки, изъятые в ходе осмотра места происшествия.

Установление соответствия массы (объема, размера) объекта (объектов) экспертного исследования, указанного в протоколе следственного действия в ходе производства которого был изъят этот объект (объекты), постановлении о назначении судебной экспертизы, в исследовательской части заключения и выводах эксперта.

Указанной выше следственной ошибке (указание в постановлении о назначении судебной экспертизы не всех объектов, представленных для экспертного исследования) нередко сопутствует еще одна – несоответствие массы (объема, размера) объекта (объектов) экспертного исследования, указанного в протоколе следственного действия, в ходе производства которого был изъят этот объект (объекты), постановлении о назначении судебной экспертизы, в исследовательской части заключения и выводах эксперта. В подавляющем большинстве случаев данный недочет допускается в отношении наркотических средств. Однако практике известны и иные ситуации, которые свидетельствуют о несомненной целесообразности такой проверки: согласно заключению судебно-медицинского эксперта при исследовании джемпера убитого А. выпала пуля оболочечная диаметром 0,7 см, длиной 1,3 см. Однако в заключении эксперта, проводившего баллистическую экспертизу, были указаны иные размеры пули, что послужило основанием для назначения повторной судебно-баллистической экспертизы.

Установление достаточности объектов, представленных для экспертного исследования.

Целесообразность указанной проверки обусловлена тем, что при недостаточности объектов экспертного исследования, сформулированные в заключении выводы могут быть как весьма поверхностными, так и полностью (в части) неверными либо сформулированы в форме «НПВ»⁵.

Так, в ходе предварительного расследования в отношении Ш. (обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ) была проведена амбулаторная комплексная психолого-сексолого-психиатрическая судебная экспертиза, но вопреки положениям ст. 196 и ч. 2 ст. 421 УПК РФ на разрешение экспертов не были поставлены вопросы о соответствии психического состояния Ш. в момент совершения инкриминируемого деяния его возрасту и способности правильно воспринимать

⁵ Вывод в форме «НПВ» (не представляется возможным) свидетельствует о невозможности эксперта сформулировать категорический или вероятный вывод.

обстоятельства, имеющие значение для расследования преступления, а также о влиянии психического состояния Ш. на его интеллектуальное развитие с учетом его возраста. Допрошенный в судебном заседании эксперт пояснил, что экспертиза проводилась на основании представленных материалов уголовного дела и клинической беседы с Ш., при этом медицинская документация в отношении Ш. экспертам не представлялась. Насколько наличие медицинской документации повлияло бы на выводы, сформулированные в заключении, эксперт однозначно ответить затруднился. Суд был вынужден назначить стационарную комплексную сексолого-психолого-психиатрическую экспертизу, при производстве которой комиссией экспертов было установлено, что Ш. по своему психическому состоянию с учетом нарушений мыслительной и эмоционально-волевой сфер, критических и прогностических способностей, представляет опасность для себя и других лиц, а также может причинить иной существенный вред. Ввиду указанных обстоятельств, Ш. нуждается в наблюдении направлении на принудительное лечение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях общего типа. В результате Ш. был освобожден от наказания за совершение в состоянии невменяемости общественно-опасного деяния, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, и в отношении него применена принудительная мера медицинского характера в виде принудительного лечения в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях общего типа.

Подчеркнем, что подобного рода нарушения могут быть выявлены прокурором при изучении ходатайств, заявляемых экспертами в связи с производством судебной экспертизы.

Проверка содержательной стороны вопросов, поставленных на разрешение эксперта, с точки зрения их соответствия виду судебной экспертизы, относимости к обстоятельствам, имеющим значение для расследования преступления, точности формулировок, а также их полноты и достаточности.

Необходимость такой проверки обусловлена рядом обстоятельств и, в первую очередь, постановкой на разрешение эксперта вопросов, относящихся к исключительной компетенции лица, осуществляющего производство по уголовному делу: связанных с квалификацией действий подозреваемого (обвиняемого), касающихся субъективной стороны преступления; с оценкой доказательств; оценкой достоверности показаний подозреваемого (обвиняемого), потерпевшего или свидетеля, полученных в ходе производства следственных действий, в том числе с применением аудио- или видеозаписи.

К сожалению, постановка на разрешение эксперта подобного рода вопросов отнюдь не редка, что требует от прокурора установления факта их включения в постановление о назначении судебной экспертизы. Так, например, в постановлении о назначении экономико-правовой судебной экспертизы перед экспертами был поставлен следующий вопрос: «Имеются ли в действиях руководителей и членов бизнес-клуба «А» признаки мошенничества,

предусмотренного ст.159 УК РФ?». Не менее парадоксален следующий вопрос, поставленный перед экспертом-бухгалтером: «Относятся ли по своему экономическому содержанию операции, нашедшие отражение по расчетным счетам организаций, по лицевым счетам физических лиц, а также физических лиц, на которых были оформлены банковские карты для получения заработной платы и иных выплат от указанных организаций, к банковским, если да, то к каким именно и каков механизм их проведения?»

Разновидностью подобных ошибок является постановка перед экспертом вопросов, которые относятся к иной области специальных знаний, то есть не соответствуют виду назначенной судебной экспертизы. Например, постановка перед экспертом-бухгалтером вопросов, разрешение которых требует использования методов экономического анализа, применяемых при производстве судебно-экономической экспертизы. Вполне понятно, что в подобных ситуациях налицо постановка перед экспертом вопросов, выходящих за пределы его компетентности.

Нередко вопросы, поставленные на разрешение эксперта, не охватывают все обстоятельства совершенного преступления, которые могут быть установлены в ходе экспертного исследования. Так, согласно выводам эксперта-бухгалтера, сумма денежных средств, поступивших на расчетный счет управляющей компании за исследуемый период времени, составила более 13 млн. рублей. Вместе с тем, в заключении эксперта отсутствовали сведения о перечислении денежных средств на банковский счет ресурсоснабжающей компании в счет погашения ранее образовавшейся задолженности. Таким образом, в результате игнорирования следователем необходимости постановки перед экспертом упомянутого вопроса, возникла необходимость в назначении дополнительной судебной экспертизы.

Не менее показательна в этом плане ошибка следователя, допущенная при назначении амбулаторной комплексной психолого-сексолого-психиатрической судебной экспертизы в отношении Ш. Суть этой ошибки заключается в том, что вопреки положениям ст. 196 и ч. 2 ст. 421 УПК РФ на разрешение экспертов не были вынесены вопросы о соответствии психического состояния Ш. в момент совершения инкриминируемого деяния его возрасту и способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для расследования преступления, а также о влиянии с учетом возраста психического состояния Ш. на его интеллектуальное развитие.

И, наконец, зачастую вопросы, поставленные на разрешение эксперта, не отличается точностью формулировок. Так, в постановлении о назначении дактилоскопической судебной экспертизы был сформулирован следующий вопрос: «Могли ли отпечатки пальцев на стакане, изъятом в ходе осмотра места происшествия принадлежать Степанову А.Д.?». Согласно выводу эксперта, указанные отпечатки могли принадлежать Степанову А.Д.

Таким образом, в результате некорректной формулировка вопроса, поставленного перед экспертом, возникла необходимость в назначении повторной дактилоскопической экспертизы.

Изучая заключение эксперта, прокурор должен убедиться в соответствии сформулированных экспертом выводов вопросам, вынесенных на разрешение посредством производства судебной экспертизы, наличия противоречий и их характера, а также достаточной ясности, полноте и достоверности заключения эксперта.

Законодатель оперирует категориями «ясность», «полнота», «обоснованность» в ст. 207 УПК РФ, рассматривая и в качестве оснований назначения дополнительной или повторной экспертизы, конкретизируются же они в постановлении Пленума Верховного Суда РФ: «под недостаточной ясностью следует понимать невозможность уяснения смысла и значения терминологии, используемой экспертом, методики исследования, смысла и значения признаков, выявленных при изучении объектов, критериев оценки выявленных признаков, которые невозможно устранить путем допроса в судебном заседании эксперта, производившего экспертизу. В свою очередь, неполным является заключение, в котором отсутствуют ответы на все поставленные перед экспертом вопросы, не учтены обстоятельства, имеющие значение для разрешения поставленных вопросов» [7, п.13].

Для оценки достоверности заключения эксперта решающее значение имеют содержащиеся в нем выводы, важнейшим критерием достоверности которых, а, соответственно, и самого заключения, является их обоснованность. Свидетельством необоснованности выводов может являться тот факт, что они не корреспондируют данным, изложенным в исследовательской части заключения, вследствие чего достоверность таких выводов может быть поставлена под сомнение. Так, в ходе исследования судом заключения судебно-медицинской экспертизы было установлено отсутствие конкретики в выводах судебно-медицинского эксперта о причине смерти потерпевшего и степени тяжести причиненных ему телесных повреждений, а данные экспертом показания в ходе допроса противоречили сформулированным им в заключении выводами. Указанные обстоятельства обусловили необходимость назначения судом дополнительной судебно-медицинской экспертизы, результаты которой послужили основанием изменения обвинения. Ввиду того, что изменение обвинения не ухудшало положение подсудимого и не нарушало его права на защиту, оно было принято судом.

Отметим, что в дополнение к пунктам 8 и 16 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» в пункте 24 Порядка производства судебно-медицинской экспертизы [10] очень четко сформулировано, что «заключение эксперта должно содержать обоснование выводов по поставленным вопросам. Выводы должны содержать недвусмысленно трактуемые и оптимально краткие ответы на все поставленные перед экспертом вопросы».

Оценка всесторонности экспертного исследования подразумевает установление следующих обстоятельств: учтены ли все возможные альтернативные решения экспертной задачи и охвачен ли весь круг общих и частных экспертных версий, вытекающих из поставленных вопросов и

подлежащих проверке в ходе исследования; учтены ли экспертом все обстоятельства, имеющие значение для разрешения поставленных вопросов, в случае сформулированного им категорического вывода о наличии причинно-следственной связи.

Соблюдение установленного законом порядка оформления заключения эксперта.

Практике известны случаи, когда ставился вопрос о признании заключения эксперта недопустимым доказательством на основании того, что в нем отсутствовали те или иные сведения об эксперте, а также реквизиты, предусмотренные ст. ст.204 УПК РФ. В первую очередь это касается сведений о предупреждении эксперта об ответственности за дачу заведомо ложного заключения. Так, в заключении, составленном по результатам проведения комиссионной экспертизы, содержались сведения о предупреждении об ответственности за дачу заведомо ложного заключения лишь одного из трех экспертов, им же заключение и было подписано, что является нарушением требований ч. 2 ст. 199 и ст. 200 УПК РФ.

Еще одна ошибка заключается в том, что экспертами не всегда учитываются соответствующие нормативные правовые акты, а также указываются неверные ссылки на те из них, которые приведены в обоснование выводов эксперта.

Достаточно часто ошибки при оформлении заключения эксперта допускают привлекаемые в качестве эксперта лица, не работающие в судебно-экспертном учреждении. Удивительно, но данные эксперты не указывают полностью ту информацию о себе, отражение которой является обязательным и предусмотрено ч. 1 ст. 204 УПК РФ. Полагаем, что эффективной профилактикой данной «ошибки», которую правильнее называть «нарушение», может являться информирование потенциального эксперта о содержании указанной нормы при разъяснении ему следователем (дознавателем) прав и ответственности.

Весьма проблематичной является *оценка научной обоснованности примененных экспертом методов и методики исследования, а также правомерности их применения*. В первую очередь это обусловлено тем, что в настоящее время экспертизы проводятся государственными судебно-экспертными учреждениями различных ведомств (МВД РФ, Следственного комитета РФ, Министерства юстиции РФ и др.), негосударственными экспертными учреждениями и лицами, не работающими в судебно-экспертных учреждениях. В силу этого организационное и научно-методическое обеспечение экспертной деятельности имеет определенные различия, что вызывает необходимость субъекта оценки заключения обращаться к конкретным ведомственным нормативным актам.

Наиболее часто вопросы в связи с использованием при производстве судебной экспертизы конкретных методик возникают в отношении заключений, данных экспертами негосударственных экспертных учреждений или лицами, не работающими в судебно-экспертном учреждении. Прокурор вправе усомниться в научной-обоснованности использованной методики (методик), и эти сомнения

нередко являются резонными. Так, например, Н.А. Замараева и Н.Г. Гаврилова обоснованно отмечают, что «методическое обеспечение негосударственной судебно-экспертной деятельности вообще не выдерживает никакой критики. В качестве используемой в процессе производства экспертизы методической литературы частные эксперты зачастую указывают научно-популярную литературу, монографии, справочники, учебники и курсы лекций. Используются и авторские методики, которые, как правило, могут быть запатентованы, но не прошли апробацию и не имеют рекомендаций к использованию в экспертной практике» [11, С. 224]. Пробелы правового регулирования деятельности негосударственных судебных экспертов во многом обуславливают низкое качество проводимых этими лицами судебных экспертиз, что зачастую приводит к возрастанию количества повторных и дополнительных экспертиз, а также увеличению сроков судопроизводства в целом. Например, в судебно-экспертных учреждениях системы Минюста России повторные экспертизы после негосударственных судебных экспертов в большинстве случаев завершаются с противоположными выводами. Очевидно, что данная ситуация значительно удлиняет сроки рассмотрения дел и увеличивает внеплановую нагрузку государственных судебно-экспертных учреждений⁶.

В случае возникновения сомнения в отношении примененной экспертом методики (методик) экспертного исследования полагаем рациональной рекомендацию проконсультироваться со сведущим лицом соответствующего профиля или воспользоваться информацией, размещенной, например, на сайте «ФБУ Государственный федеральный центр судебных экспертиз Министерства юстиции РФ», или ознакомиться с содержанием регулярно выходящего «Информационного бюллетеня новых методических разработок, рекомендованных к внедрению в практику судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции РФ», поскольку в настоящее время именно данное учреждение осуществляет работу по стандартизации судебно-экспертной деятельности⁷.

Федеральным Межведомственным координационным советом в области судебной экспертизы осуществляется (уже не один год) работа по паспортизации и каталогизации экспертных методик. Итогом должно стать изложение экспертных методик каждого рода экспертизы по определенной схеме, апробирование и последующее оформление по стандартам паспортов (технологических, технических). Паспортизированные и системно изложенные в справочных пособиях методики, по своей сути, будут являться методическими рекомендациями для экспертов, а также станут неоценимым подспорьем при изучении заключений эксперта участниками уголовного судопроизводства, в первую очередь, следователем (дознавателем), прокурором и судом.

Выводы. В заключение отметим, что ошибки, недочеты и нарушения, допускаемые как при осуществлении деятельности, предшествующей

⁶ <https://www.sudexpert.ru/certification/>

⁷ В соответствии с Соглашением о взаимодействии Минюста России, Росаккредитации и Росстандарта, подписанным 12 мая 2015 г.

производству судебной экспертизы, так и при ее производстве дают основание для вывода, что эффективность и результативность использования заключения эксперта в доказывании возможна только при условии безукоризненного соблюдения должностными лицами органов предварительного расследования, судебными экспертами и руководителями судебно-экспертных учреждений норм уголовно-процессуального закона, федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности», ведомственных нормативных правовых актов и криминалистических рекомендаций.

Список литературы

1. Данилова, Н.А. Детерминированность проблем использования заключения эксперта в качестве доказательства ошибками, допускаемыми при подготовке, назначении и производстве судебных экспертиз / Н.А. Данилова, Е.В. Елагина, М.А. Григорьева // Lex Russica (Русский закон). – 2021. – Т. 74. – № 11 (180). – С. 52-61.
2. Елагина, Е.В. Отдельные вопросы судебной оценки заключения эксперта / Е.В. Елагина // Сибирское юридическое обозрение. – 2022. – Т. 19. – № 4. – С. 384-398.
3. Анализ и оценка прокурором заключения эксперта : конспект лекции / Е.В. Елагина. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. – 47 с. – URL: http://www.procuror.spb.ru/izdaniya/2017_02_02.pdf (дата обращения: 03.02.2026).
4. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 22.07.2024). Доступ СПС «Консультант Плюс».
5. Об организации работы следователей-криминалистов в Следственном комитете Российской Федерации»: приказ Следственного комитета России от 08.08.2013 № 53. Доступ СПС «Консультант Плюс».
6. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (с изм. от 29.06.2021) Доступ СПС «Консультант Плюс».
7. По жалобе гражданина Корковидова Артура Константиновича на нарушение его конституционных прав статьями 195, 198 и 203 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 18.06.2004 № 206-О.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 18 декабря 2003 г. № 429-О По жалобе граждан Березовского Б.А., Дубова Ю.А. и Патаркацишвили А.Ш. на нарушение их конституционных прав положениями статей 47, 53, 162 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации, – 2004 г. – № 3.
9. О Перечне видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями: распоряжение

Правительства РФ от 16.11.2021 № 3214-р (ред. от 31.10.2023). Доступ СПС «Консультант Плюс».

10. Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы: утвержден приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации № 491н от 25.09.2023. Доступ СПС «Консультант Плюс».
11. Замараева, Н.А. Унификация судебно-экспертной деятельности: методический и кадровый аспект / Н.А. Замараева, Н.Ю. Гаврилова // Вопросы экспертной практики. 2019. № S1: Материалы III Международной научно-практической конференции «Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы». – М. – 2019. – С. 221-228. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39657731> (дата обращения: 03.02.2026).

УДК 343

МЕТОДИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВЕЛИЧИНЫ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЁННОГО ПОТЕРПЕВШЕМУ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОМУ ЛИЦУ

Сергей Геннадьевич Ольков, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории изучения актуальных вопросов права, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: olkovsg@mail.ru)

В научной статье разработана методика измерения морального вреда, причиненного потерпевшему от преступления физическому лицу.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное право, гражданское право, моральный вред, имущественный ущерб, физический вред, упущенная выгода, возмещение убытков, гражданский иск в уголовном деле, преступление, потерпевший, обвиняемый, подсудимый, суд, приговор, справедливость, обоснованность, законность.

METHOD FOR DETERMINING THE AMOUNT OF MORAL DAMAGE CAUSED TO A PERSON VICTIMIZED BY A CRIME

Ol'kov, S.G.

The scientific article developed a method for measuring the moral damage caused to an individual victim of a crime.

Keywords: criminal proceedings, criminal law, civil law, moral damage, property damage, physical damage, lost profits, compensation for damages, civil claim in a criminal case, crime, victim, accused, defendant, court, verdict, justice, validity, legality.

Следует признать, что в современной юридической научной литературе нет сколь-нибудь объективных методик вычисления морального вреда, хотя в судебной практике, как в гражданско-процессуальных, так и уголовно-процессуальных отношениях об этом активно ведется речь, и выносятся соответствующие судебные решения. Достаточно вспомнить иски мэра Москвы Юрия Лужкова к различным средствам массовой информации. Вот публикация по этому поводу: «Останкинский суд Москвы частично удовлетворил иск мэра столицы Юрия Лужкова к телеканалу ОРТ, Сергею Доренко, корреспонденту его программы Виктору Дятликовичу и депутату Госдумы России Сергею Шашурину. 11 марта прошлого года в авторской программе г-на Доренко со ссылкой на депутата прошла информация о том, что московский градоначальник

имеет отношение к хищению 5 тыс. "КамаЗов". Г-н Лужков решил доказать в суде, что это не так, добиться опровержения и получить с ответчиков 3 млн рублей. В итоге в пользу мэра с ОРТ и Сергея Доренко взыскано по 5 тыс. рублей, а с журналиста Дятликовича – 1 тыс. Сергей Шашурин от уплаты компенсации освобожден. Кроме того, ОРТ должно будет в течение десяти дней дать опровержение, если, конечно, ответчики не обжалуют решение. По данным столичной мэрии, это уже четвертый иск, который Юрий Лужков выиграл у телеканала ОРТ и г-на Доренко»⁸.

В п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебном приговоре» подчеркивается, что «в силу положений статьи 297 УПК РФ приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым и признается таковым, если он соответствует требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к его содержанию, процессуальной форме и порядку постановления, а также основан на правильном применении уголовного закона», а в п. 40 отмечается, что по смыслу положений статей 151 и 1101 ГК РФ, при разрешении гражданского иска о компенсации морального вреда, предъявленного к нескольким соучастникам преступления, и об удовлетворении исковых требований суд должен определить долевой порядок взыскания с учетом степени их вины в содеянном. В резолютивной части приговора указывается размер компенсации морального вреда, взыскиваемый с каждого из подсудимых» [4].

Статья 151 ГК РФ гласит: «Если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда. При определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред».

В Гражданском кодексе РФ способ измерения величины морального вреда определен в ч. 2 ст. 1101, которая гласит: «Размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда. При определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости». В ч. 1 ст. 44 УПК РФ при этом отмечается: «Гражданским истцом является физическое или юридическое лицо, предъявившее требование о возмещении имущественного вреда, при наличии оснований полагать, что данный вред причинен ему непосредственно преступлением. Решение о признании гражданским истцом оформляется определением суда или

⁸ Ведомости – газета Коммерсант, №113 (2243) от 30.06.2001. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/272707> (дата обращения: 27.11.2025).

постановлением судьи, следователя, дознавателя. Гражданский истец может предъявить гражданский иск и для имущественной компенсации морального вреда».

Говоря о вынесении справедливого приговора, для определения величины уголовного наказания при измерении общественной опасности преступного деяния должен учитываться физический, имущественный и моральный ущерб [5, С.136-146]. При этом наиболее простым является порядок измерения имущественного ущерба, который производится уже на ранних стадиях уголовного процесса – в стадии возбуждения уголовного дела и стадии предварительного расследования. Естественно, возможны соответствующие корректировки этой величины и на стадии судебного разбирательства уголовного дела. Кроме того, репутационные издержки и связанная с ними упущенная выгода являются все-таки спутниками обычного имущественного ущерба, что следует из ч. 2 ст. 15 ГК РФ, которая гласит: «Под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода)». Издержки государства, связанные с раскрытием и расследованием преступления, в имущественный ущерб включать пока не принято.

Нет особых трудностей с измерением физического ущерба. Здесь проводятся соответствующие судебно-медицинские экспертизы, по результатам которых определяется величина тяжести физического вреда, причиненного потерпевшему, а вот относительно величины морального вреда все гораздо сложнее, и здесь предлагается более или менее объективная методика измерения морального вреда по уголовным делам (рассмотрение гражданского иска в уголовном деле) с учетом трех основных факторов: во-первых, учитывается инкриминируемая обвиняемому (подсудимому) статья уголовного закона; во-вторых, учитывается имущественный ущерб, причиненный совершенным преступлением; в-третьих, учитывается величина физического вреда, причиненная данным преступлением. Кроме того, рассматриваются и более сложные модели, к использованию которых могут прибегнуть желающие.

Сначала определяется общий подход, и решается относительно простая задача с применением тривиальной школьной алгебры и геометрии, чтобы читатель мог без особого труда уловить суть дела, а далее решение задачи переводится в плоскость нормального математического анализа и уже не школьной, а вузовской алгебры, аналитической геометрии и матричной алгебры, поскольку все алгебраические конструкции легко переводятся в геометрические конструкции, что повышает наглядность решаемых алгебраических (аналитических) задач. При этом ясно, что геометрическое представление алгебраических моделей возможно максимум на трёхмерном пространстве, а для пространства большей размерности годится только аналитическая форма.

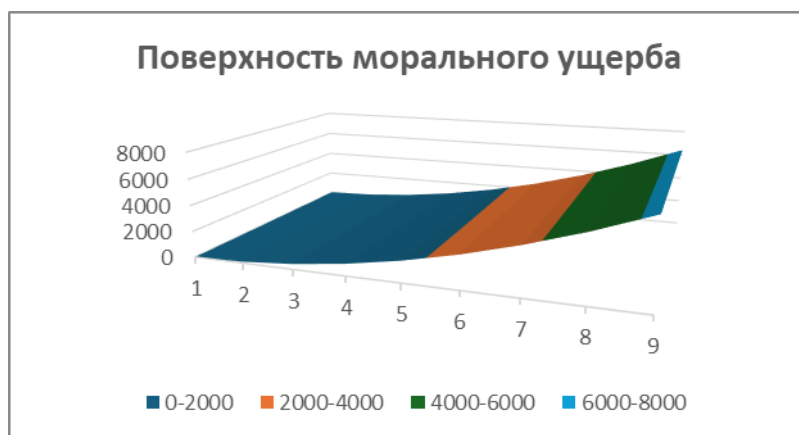
Очевидно, что величина морального вреда, причиненного потерпевшему от преступления, зависит от величины физического и морального вреда, причиненного данному физическому лицу, то есть является функцией по меньшей мере от двух переменных: $z = f(x, y)$, где z – величина морального вреда, выраженная в единицах измерения имущественного ущерба, x – величина имущественного вреда, выраженная в денежных единицах измерения, y – величина физического вреда, выраженная в непрерывных единицах от нуля до пяти включительно, поскольку физический вред простирается от побоев и легких телесных повреждений до тяжкого вреда здоровью и смерти физического лица.

Очевидно, что с ростом, как имущественного, так и физического вреда величина морального вреда должна возрастать, и, кроме того, величина морального вреда должна возрастать прямо пропорционально тяжести инкриминируемого обвиняемому преступного деяния, что можно записать в виде линейного уравнения: $x + y = m$, где m – величина максимального уголовного наказания по соответствующей части статьи УК РФ инкриминируемой обвиняемому по данному уголовному делу, выраженная в денежном измерении.

Очевидно, если зафиксировать значение морального вреда в функции $z = f(x, y)$ на конкретной величине «А», то мы получим на плоскости xOy снятую с поверхности $z = f(x, y)$ кривую постоянного морального ущерба, определяемую комбинацией факторных переменных x и y . Точнее говоря, при неопределенном значении величины «А», мы получим семейство кривых постоянного морального ущерба.

Логично предположить, что вклад факторных переменных в результат – величину морального вреда – не является линейным, откуда линии уровня, снятые с поверхности $z = f(x, y)$, должны быть применительно к нашему случаю выпуклы от начала координат на плоскости xOy , что напоминает нам типичные кривые производственных возможностей в микроэкономике, откуда мы можем положить функцию морального вреда, заданную в явном виде: $z = x^2 + y^2$, которая в полной мере отвечает нашим допущениям.

Рис. №1. Поверхность морального ущерба вида: $z = x^2 + y^2$; $Df = [0; \infty]$; $Ef = [0; \infty]$.

При фиксированном значении объясняемой переменной z получим: $x^2 + y^2 = A$, и определение величины морального вреда будет сводиться к решению системы из двух уравнений:

$$\begin{cases} x + y = m \\ x^2 + y^2 = A \end{cases}$$

При этом значение m нам всегда известно (снимаем его со статьи Особенной части УК РФ), и остается найти только координату $A(x_0; y_0)$.

Рассмотрим простой числовой пример. Пусть $m = 1$ – условная единица уголовного наказания, например, одна тысяча условных рублей, откуда система линейных уравнений примет вид:

$$\begin{cases} x + y = 1 \\ x^2 + y^2 = A \end{cases}$$

Геометрически это значит, что нам нужно найти точку касания концентрической окружности, описываемой уравнением $x^2 + y^2 = A$ и прямой, описываемой уравнением: $y = 1 - x$. При этом нам неизвестна только концентрическая окружность из семейства концентрических окружностей с центром (вершиной) в начале координат, поскольку неизвестно число « A ».

Обратим внимание читателя на тот факт, что модель вида $x^2 + y^2 = A$ на плоскости xOy справедливо рассматривается нами как обычная функция, поскольку мы работаем только с первым квадрантом декартовой системы координат правой ориентации, то есть область определения функции простирается от нуля до плюс бесконечности, и область значений функции простирается от нуля до плюс бесконечности. Это значит, что каждому значению аргумента соответствует лишь одно и только одно значение функции, что в полной мере отвечает классическому определению математической функции. Если бы мы не сделали этой оговорки, то имели бы дело с концентрическими окружностями с центром в начале координат, а окружность не является функцией в классическом понимании функции, поскольку практически каждому значению аргумента соответствует не одно, а два значения функции.

Рассматриваемая нами система из одного линейного и одного квадратного уравнения является симметричной – не изменяется при перестановке переменных x и y . То есть мы можем заменить пару $(x_0; y_0)$ на пару $(y_0; x_0)$. Необходимое условие единственности решения — это наличие решения вида $(x_0; x_0)$.

Ничто не мешает нам допустить, что $y = x$, откуда наша система примет вид:

$$\begin{cases} x + x = 1 \\ x^2 + x^2 = A \end{cases}$$

$$\begin{cases} 2x = 1 \\ 2x^2 = A \end{cases}$$

$$\begin{cases} x = \frac{1}{2} \\ 2 \cdot \left(\frac{D}{2}\right)^2 = \frac{1}{2} \end{cases}$$

Следовательно, $x = \frac{1}{2}$ и $A = \frac{1}{2}$.

Очевидно, если система имеет единственное решение, то это возможно лишь при $A = \frac{1}{2}$, в чем нетрудно убедиться, подставив в систему данное значение:

$$\begin{cases} x + y = 1 \\ x^2 + y^2 = \frac{1}{2} \end{cases}$$

$$\begin{cases} y = 1 - x \\ x^2 + (1 - x)^2 = \frac{1}{2} \end{cases}$$

$$\begin{cases} y = 1 - x \\ 2x^2 - 2x + \frac{1}{2} = 0 \end{cases}$$

$$\begin{cases} y = 1 - x \\ 4x^2 - 4x + 1 = 0 \end{cases}$$

$$\begin{cases} y = 1 - x \\ (2x - 1)^2 = 0 \end{cases}$$

$$\begin{cases} x_0 = \frac{1}{2} \\ y_0 = \frac{1}{2} \end{cases}$$

Таким образом, система уравнений имеет единственное решение.

Для получения величины морального ущерба остается только подставить полученные координаты в функцию $z = x^2 + y^2$, что мы и сделаем, записав: $z_0 = 0,5^2 + 0,5^2 = 0,5$, например, тысяч условных рублей.

Решим ту же задачу по определению величины оптимального морального ущерба, уже с применением математического анализа и линейной алгебры, как задачу условной оптимизации с введением неопределенного множителя Лагранжа (лагранжиана), что существенно усилит наши аналитические возможности.

Действительно, у нас есть функция морального ущерба, заданная в виде поверхности в трёхмерном пространстве: $z = x^2 + y^2$. Ясно, что от этой функции мы можем взять первые частные производные по независимым переменным, которые имеют ясную юридическую интерпретацию. Первая частная производная функции морального ущерба по имущественному ущербу показывает предельный моральный ущерб на единицу имущественного ущерба,

то есть на 1 рубль или одну тысячу рублей в зависимости от того, что принято за единицу измерения. Первая частная производная по физическому вреду – это предельный моральный ущерб, приходящийся на единицу физического вреда.

Следовательно, предельный моральный ущерб, приходящийся на единицу имущественного вреда: $\frac{\partial z}{\partial x} = 2x$ и предельный моральный ущерб, приходящийся на единицу физического вреда: $\frac{\partial z}{\partial y} = 2y$. Уравнение ограничения принимает вид: $m = x + y$.

По алгоритму условной оптимизации записываем новое объединенное уравнение с введением в него неопределённого множителя Лагранжа (лагранжиана): $W = x^2 + y^2 + \lambda(m - D - y)$. Для нашего условного примера $m = 1$, откуда имеем: $W = x^2 + y^2 + \lambda(1 - x - y)$.

Далее берем первые частные производные по всем переменным обобщенной модели:

$$W'_x = 2x - \lambda$$

$$W'_y = 2y - \lambda$$

$$W'_\lambda = x + y - 1$$

Приравниваем частные производные к нулю:

$$W'_x = 2x - \lambda = 0$$

$$W'_y = 2y - \lambda = 0$$

$$W'_\lambda = x + y - 1 = 0$$

Записываем систему из трёх линейных уравнений:

$$\begin{cases} 2x + 0y - \lambda = 0 \\ 0x + 2y - \lambda = 0 \\ x + y + 0 = 1 \end{cases}$$

Решаем систему. Получаем итоговый ответ: $x_0 = \frac{1}{2}$, $y_0 = \frac{1}{2}$ и $\lambda = 1$, где лямбда показывает предельный моральный ущерб, приходящийся на единицу измерения данного вида уголовного наказания, которую, как мы договорились ранее, исчисляем в денежных единицах.

Можно провести проверку полученного ответа на соответствие второму закону Госсена, для чего нужно проверить равенство: $\frac{\frac{\partial z}{\partial x}}{p_x} = \frac{\frac{\partial z}{\partial y}}{p_y} = \lambda$ в точке $x_0 = \frac{1}{2}$, $y_0 = \frac{1}{2}$. Проверяем: $\frac{2x_0}{1} = \frac{2y_0}{1} = \lambda$, и далее $2 \cdot \frac{1}{2} = 2 \cdot \frac{1}{2} = 1$, что в полной мере подтверждает точность решения: $1 = 1 = 1$.

Вообще говоря, ничто не мешает нам взвесить по ценам имущественный ущерб и физический вред, то есть задать тождество вида: $m = p_x x + p_y y$, где заданы цены (веса) соответственно единицы имущественного ущерба и единицы

физического вреда. Это напоминает нам линию допустимых комбинаций уголовных наказаний (ЛДКУН) в теории вынесения справедливых приговоров [5, С. 136-146] с той лишь разницей, что здесь вместо общественной опасности преступного деяния берется имущественный ущерб, а вместо общественной опасности личности берется физический вред, то есть здесь у нас совсем другие переменные модели, а также и наказание выражается не в его классических единицах измерения, как было в теории справедливого приговора, а в условных денежных единицах, а итоговой переменной является моральный вред, а не величина уголовного наказания подсудимому. Но принцип работы математической модели похожий.

Положим в нашем уравнении $W = x^2 + y^2 + \lambda(m - x - y)$ конкретные другие значения: $W = x^2 + y^2 + \lambda(100 - 2x - 10y)$, получив итоговую систему линейных алгебраических уравнений:

$$\begin{cases} 2x + 0y - 2\lambda = 0 \\ 0x + 2y - 10\lambda = 0 \\ 2x + 10y + 0 = 100 \end{cases}$$

Решая, получаем итоговый ответ: $x_0 = \frac{25}{13}$, $y_0 = \frac{125}{13}$ и $\lambda = \frac{25}{13}$, где лямбда показывает предельный моральный ущерб, приходящийся на единицу измерения данного вида уголовного наказания.

Проверим полученный результат на соответствие второму закону Госсена: $\frac{\frac{\partial z}{\partial x}}{p_x} = \frac{\frac{\partial z}{\partial y}}{p_y} = \lambda$ в точке $x_0 = \frac{25}{13}$, $y_0 = \frac{125}{13}$. Проверяем: $\frac{2x_0}{2} = \frac{2y_0}{10} = \lambda$, и далее $\frac{(2 \cdot \frac{25}{13})}{2} = \frac{(2 \cdot \frac{125}{13})}{10} = \frac{25}{13}$, итог: $\frac{25}{13} = \frac{25}{13} = \frac{25}{13}$, что в полной мере подтверждает соответствие решения второму закону Госсена.

Остается подсчитать величину морального вреда при величине имущественного вреда равной $\frac{25}{13}$ и величине физического вреда равной $\frac{125}{13}$, для чего подставляем эти значения в функцию морального вреда, принятую нами на вооружение: $z = x^2 + y^2$. Записываем: $z_0 = \left(\frac{25}{13}\right)^2 + \left(\frac{125}{13}\right)^2 = \frac{1250}{13} \approx 96$ условных единиц морального ущерба, например, 96 тысяч рублей.

Теперь положим, что величину морального вреда мы хотели бы определить, как функцию не от двух, а от трёх переменных, естественно, по-прежнему, учитывая строгость уголовного наказания обвиняемому (подсудимому) по данному уголовному делу. Пусть эта функция в определенном виде примет вид: $z = x^2 + y^2 + s^2$, откуда обобщенная функция с введением лагранжиана имеет вид: $W = x^2 + y^2 + s^2 + \lambda(6 - p_x x - p_y y - p_s s)$, и мы получаем четыре частных производных:

$$W'_x = 2x - \lambda$$

$$W'_y = 2y - \lambda$$

$$W'_s = 2s - \lambda$$

$$W'_\lambda = x + y + s - m$$

Как и ранее, эти частные производные приравниваем к нулю:

$$W'_x = 2x - \lambda = 0$$

$$W'_y = 2y - \lambda = 0$$

$$W'_s = 2s - \lambda = 0$$

$$W'_\lambda = x + y - m = 0$$

Составляем итоговую систему из четырёх линейных алгебраических уравнений:

$$\begin{cases} 2x + 0y - p_x\lambda = 0 \\ 0x + 2y - p_y\lambda = 0 \\ 0x + 0y - p_s\lambda = 0 \\ p_x x + p_y y + p_s \lambda + 0 = m \end{cases}$$

Решив эту систему, получим значение x_0, y_0, s_0, λ , и проверим результат на соответствие второму закону Госсена: $\frac{\partial z}{\partial x} = \frac{\partial z}{\partial y} = \frac{\partial z}{\partial s} = \lambda$. Для измерения величины морального ущерба, причиненного данному физическому лицу, подставим полученные значения x_0, y_0, s_0 в функцию морального вреда, получив: $z_0 = x_0^2 + y_0^2 + s_0^2$.

В п. 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебном приговоре» сказано: «Судам необходимо иметь в виду, что лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред, вправе также предъявить гражданский иск о компенсации морального вреда, которая, в соответствии с законом, осуществляется в денежной форме независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда. При разрешении подобного рода исков следует руководствоваться положениями статей 151, 1099, 1100, 1101 Гражданского кодекса Российской Федерации, в соответствии с которыми при определении размера компенсации морального вреда необходимо учитывать характер причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, связанных с его индивидуальными особенностями, степень вины подсудимого, его материальное положение и другие конкретные обстоятельства дела, влияющие на решение суда по предъявленному иску. Во всех случаях при определении размера компенсации морального вреда должны учитываться требования разумности и справедливости. По смыслу положений статей 151 и 1101 ГК РФ» [4].

Ясно, что отмеченные Пленумом Верховного Суда России обстоятельства в общем виде уместно записать в виде функции морального вреда: $z = f(x_1, x_2 \dots x_n)$, откуда уравнение ограничения: $m = p_{x_1}x_1 + p_{x_2}x_2 + \dots p_{x_n}x_n$, и итоговая система линейных алгебраических уравнений будет состоять из $n+1$

уравнений. Результат также проверяем на соответствие второму закону Госсена, а далее подставляем полученные значения координат в функцию $z = f(x_1, x_2 \dots x_n)$, чтобы определить итоговую величину морального ущерба, причиненного данным преступлением. При этом вовсе не обязательно, чтобы в функцию входили только квадраты факторных переменных. Более того, при желании итоговую функцию возмещения морального вреда можно получить с использованием множественного регрессионного анализа, что, однако, выходит за рамки данного исследования.

Таким образом, уместно заключить, что доказана объективная методика измерения морального вреда, причиненного потерпевшему физическому лицу по уголовному делу, которую может использовать суд (судья) при разрешении гражданского иска в уголовном деле.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 55 от 29.11.2016 «О судебном приговоре» // Российская газета, № 277, 2016.
5. Ольков, С.Г. Рекомендации судьям по оптимизации обвинительных приговоров в уголовном процессе различных государств / С.Г. Ольков // Вестник Донбасского государственного университета юстиции, 2025. – № 2 (4). – С. 136-146.

УДК 343.1

ПРИМЕНЕНИЕ ЕДИНОЙ ОБЩЕМИРОВОЙ ТЕОРИИ НАЗНАЧЕНИЯ СПРАВЕДЛИВОГО УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ ПРОФЕССОРА С.Г. ОЛЬКОВА

Ольга Андреевна Олькова, кандидат юридических наук (г. Евпатория, Республика Крым, РФ)
(e-mail: helga713@yandex.ru)

В научной статье доказываемся, что максимально справедливое уголовное наказание не может быть назначено в суде любой инстанции и любого государства без применения теории справедливости, разработанной профессором С.Г. Ольковым в 2016-2025 годах 21 столетия.

Ключевые слова: уголовный процесс, суд, судья, преступление, общественная опасность, уголовное наказание, обвинительный приговор, свойства приговора, справедливость, обоснованность, мотивированность, законность, объективная истина, второй закон Госсена, линия допустимых комбинаций уголовных наказаний, лагранжиан, функция справедливости, предельная справедливость, совокупная справедливость, уравнение условной оптимизации, система линейных уравнений.

APPLICATION OF THE UNIFIED GLOBAL THEORY OF THE APPOINTMENT OF FAIR CRIMINAL PUNISHMENT BY PROFESSOR S.G. OL'KOV

Ol'kova, O.A.

The scientific article proves that the most just criminal punishment cannot be imposed in any court of any jurisdiction or any state without applying the theory of justice developed by Professor S.G. Ol'kov in 2016-2025 in the 21st century.

Keywords: criminal proceedings, court, judge, crime, public danger, criminal punishment, guilty verdict, properties of a verdict, justice, validity, motivation, legality, objective truth, Gossen's second law, line of permissible combinations of criminal punishments, Lagrangian, justice function, marginal justice, aggregate justice, conditional optimisation equation, system of linear equations.

В уголовно-процессуальном законодательстве наиболее культурно развитых современных государств провозглашается идея справедливого приговора, содержащего в себе объективную истину. В части четвертой статьи 350 УПК Республики Беларусь подчёркивается, что приговор суда должен быть

справедливым. Приговор признается справедливым, если наказание, назначенное виновному, определено в соответствии со статьей Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающей ответственность за совершенное преступление, и с учетом его личности. Каждый невиновный подлежит оправданию. Кроме того, к приговору предъявляются требования законности (ч. 1 ст. 350 УПК РБ), обоснованности (ч. 2 ст. 350 УКП РБ) и мотивированности (ч. 3 ст. 350 РБ) [1].

В части первой статьи 297 УПК Российской Федерации строго определено: «Приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым» [2], а сущность принципа справедливости раскрывается в ч. 1 ст. 6 Уголовного кодекса России: «Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного» [3], что в полной мере учтено в единой общемировой теории назначения справедливого уголовного наказания, разработанной профессором С.Г. Ольковым в период с 2016 по 2025 годы. В частности, в статье «Математические начала теории судебных приговоров» [4, С. 203-233] им строго доказано, что на вооружении современных государств планеты стоит так называемый равновозможный приговор, содержащий в себе максимум неопределенности, которую легко точно измерить. Равновозможный приговор не может быть справедливым, поскольку содержит в себе максимум неопределенности, а, следовательно, непредсказуемости. По существу, вынесение такого приговора напоминает картину, когда судья запускает руку в урну, из которой вытаскивает шар с номером, указывающим величину уголовного наказания подсудимому. То есть приговор выносится случайным образом, что на самом деле не допустимо, ведь как точно отмечает профессор С.Г. Ольков: «Чем больше в обществе справедливости, чем разумнее в нем государственная власть, тем меньше в нем насилия» [5].

В шестом томе десяти томного академического курса уголовного права проф. С.Г. Ольков водит понятие кривых постоянных наказаний, которые снимаются с поверхности справедливости [6, С. 469-544], а в статье «Рекомендации судьям по оптимизации обвинительных приговоров в уголовном процессе различных государств» [7, С. 136-146] вводит понятие «линии допустимых комбинаций уголовных наказаний», и расписывает алгоритм вынесения справедливого судебного приговора, что в совокупности и составляет основу единой теории назначения справедливых уголовных наказаний. Это чрезвычайно важно для современного цивилизованного уголовно-процессуального права, куда совершенно не вписывается американская конструкция «сделки о признании вины», к сожалению, нашедшая применение и в российском уголовном процессе, и в сознании отдельных российских процессуалистов [8].

Следует обратить внимание, что в РСФСР, а затем и в постсоветский период в Российской Федерации вынесению судебных приговоров уделяется особое внимание, постоянно обновляются Постановления Пленума Верховного

Суда России, посвященные вынесению судебных приговоров. В частности, в настоящее время в Российской Федерации действует Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебном приговоре» от 2016 года [9], в котором подчеркивается, что в силу положений статьи 297 УПК РФ приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым, и признается таковым, если он соответствует требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к его содержанию, процессуальной форме и порядку постановления, а также основан на правильном применении уголовного закона. С учетом положений статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года [10] и статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года [11], приговор может быть признан законным только в том случае, если он постановлен по результатам справедливого судебного разбирательства. Судебный приговор должен содержать вводную, описательно-мотивировочную и резолютивную части во всех случаях, в том числе, когда в соответствии с частью 7 статьи 241 УПК РФ оглашаются только вводная и резолютивная части приговора.

Как было отмечено ранее, само понятие справедливого уголовного наказания не закреплено в УПК РФ, а определяется в материальном уголовном праве. Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного (ч. 1 ст. 6 УК РФ). Это очень точное определение справедливости, которое в полной мере учитывается в теории справедливости, разработанной проф. С.Г. Ольковым, а трудности, связанные с вынесением справедливых приговоров, начинаются тогда, когда дело доходит до вынесения приговора. Здесь следует обратиться к ч. 1 ст. 17 УПК РФ, где сказано, что судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. То есть алгоритм вынесения максимально справедливого приговора не задан ни в УПК РФ, ни в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебном приговоре». Также здесь не идет речь о вынесении оптимального приговора, а, по существу, стоит заметить, что на вооружении, как в России, так и других государствах мира стоит равновозможный приговор, содержащий в себе максимум неопределенности. Это касается также американского руководства по назначению уголовных наказаний, где имеет место достаточно большой размах возможных наказаний подсудимому [12].

Поэтому на практике существует острая потребность в разработке единой, общемировой теории справедливого назначения уголовного наказания, и такая теория была разработана проф. С.Г. Ольковым [7, С. 136-146]. До появления этой теории «внутреннее убеждение судей» скрывалось тайной совещательной комнаты (ст. 298 УПК РФ «Тайна совещания судей»). Естественно, проф. С.Г. Ольков не предлагает упразднить тайну совещания судей, но у сторон-

участников процесса должно быть ясное понимание того, что судьи действуют объективно, ориентируясь на четкие критерии справедливости.

Очевидно, что теория назначения справедливого уголовного наказания могла родиться лишь в рамках междисциплинарного подхода, и именно такой поход был использован проф. С.Г. Ольковым, как создателем третьей части экономической теории – теории инвэйдерной экономики [13, 14], которая сама по себе тесно связана как с микроэкономической, так и макроэкономической теорией, а также широким применением математического аппарата.

Для полноценного понимания теории справедливости Олькова нужно знать основы теории полезности, в частности, первый и второй законы Госсена, понимать алгоритм условной оптимизации с введением лагранжиана, уметь решать системы алгебраических линейных уравнений (СЛАУ) любым удобным способом, уметь брать первые частные производные от функции справедливости, и корректно интерпретировать их, находить линию допустимых комбинаций уголовных наказаний (ЛДКУН).

В теории назначения справедливого уголовного наказания основополагающими служат понятия:

1. совокупной справедливости;
2. предельной справедливости по обстоятельствам, характеризующим общественную опасность преступного деяния;
3. предельной справедливости по обстоятельствам, характеризующим общественную опасность личности подсудимого;
4. понятие линии допустимых комбинаций уголовных наказаний;
5. лагранжиан;
6. второй закон Госсена.

Это необходимые условия для вынесения максимально справедливых обвинительных приговоров. Дополнительным условием, обеспечивающим достаточность, выступает определение цен баллов общественной опасности преступного деяния и личности, его совершившей.

Геометрически на плоскости xOy в декартовой системе координат правой ориентации, где x – общественная опасность преступного деяния в баллах общественной опасности деяния (далее – ООД), y – общественная опасность личности, совершившей преступное деяние, в баллах общественной опасности личности (далее – ООЛ).

Оптимальное количество баллов, определяющих величину уголовного наказания подсудимому, устанавливается в координате **касания кривой постоянного наказания** (линия уровня, снятая с функции справедливости, принятой на вооружение) и **линии допустимых комбинаций уголовного наказания**, полученной с учетом максимального наказания данного вида, установленного соответствующей частью статьи Особенной части УК РФ и цен, принятых для баллов ООД и ООЛ в единицах измерения соответствующего вида уголовного наказания, например, лишения свободы, принудительных или исправительных работ.

Функцию совокупной справедливости можно снять с действующего уголовного закона, задать на законодательном или правоприменительном уровне, скажем, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ или Уголовно-процессуальном кодексе РФ.

Функция совокупной справедливости – это обычная математическая функция от двух независимых переменных, или другими словами – функция величины уголовного наказания в зависимости от:

- 1) уровня общественной опасности преступного деяния;
- 2) уровня общественной опасности личности. По сути, это выполнение требования, установленного в ч. 1 ст. 6 УК РФ, которое на языке математического анализа будет выглядеть в общем виде так:

$$p = f(x, y), \text{ где}$$

p – величина уголовного наказания в единицах измерения применяемого уголовного наказания, например, лишения свободы, принудительных работ, исправительных работ и так далее в соответствии со статьями 44-58 УК РФ;

x – величина общественной опасности преступного деяния, основанная на величине физического, имущественного и морального ущерба, причиненного подсудимым, выраженная в баллах общественной опасности преступного деяния;

y – величина общественной опасности личности, совершившей инкриминируемое деяние, в баллах общественной опасности личности.

Статью 59 УК РФ, ведущую речь об смертной казни, в данном случае мы не принимаем во внимание, потому что на математическом языке – это наказание, заданное константой, а от константы нельзя взять производную, то есть получить предельные справедливости от функции совокупной справедливости.

Предельная справедливость уголовного наказания по общественной опасности преступного деяния показывает, насколько в абсолютном выражении увеличивается уголовное наказание данного вида при увеличении общественной опасности деяния на единицу измерения (один балл общественной опасности преступного деяния). Математически это означает взятие первой частной производной от функции совокупной справедливости: $p = f(x, y)$. Предельная справедливость уголовного наказания данного вида по общественной опасности личности – это изменение величины уголовного наказания при изменении общественной опасности личности на единицу измерения. Это также частная производная функции уголовного наказания только по переменной y . Ясно, что при решении конкретных уголовно-процессуальных задач нам нужно будет перейти от функции $p = f(x, y)$, заданной в неопределенном виде, к функции справедливости, заданной в строго определенном виде, что продемонстрируем далее на примере решения конкретной уголовно-процессуальной задачи по вынесению максимально справедливого уголовного наказания подсудимому по ч. 2 ст. 171 УК РФ (незаконное предпринимательство).

Линия допустимых комбинаций уголовных наказаний всегда записывается в виде обратного линейного уравнения, содержащего свободный член:

$$y = \frac{m}{p_y} - \frac{p_x}{p_y} x, \text{ где}$$

m – максимальная величина уголовного наказания данного вида, снятая с инкриминируемой подсудимому статьи Особенной части УК РФ,

p_x – цена одного балла общественной опасности преступного деяния, выраженная в единицах измерения, применяемого вида уголовного наказания,

p_y – цена одного балла общественной опасности личности, выраженная в единицах измерения, применяемого уголовного наказания.

В неявном виде линия допустимых комбинаций уголовных наказаний (ЛДКУН) принимает вид: $m = p_x x + p_y y$. То есть сразу видно, что максимальная величина уголовного наказания, заданная законодателем в уголовном законе, не может быть превышена при любых заданных ценах одного балла общественной опасности преступного деяния и одного балла общественной опасности личности, откуда ясно, что справедливость определяется, как на уровне законодателя (1), так и уровне судебной системы (2), что в полной мере учитывается в теории справедливости проф. С.Г. Олькова.

Графически линия допустимых комбинаций уголовных наказаний задается функцией в явном виде: $y = \frac{m}{p_y} - \frac{p_x}{p_y} x$ на плоскости xOy в декартовой системе координат правой ориентации. Оптимальный – максимально справедливый приговор возможен тогда и только тогда, когда линия допустимых комбинаций уголовных наказаний касается максимально высокой кривой постоянных наказаний (КПН), снятой с поверхности совокупной справедливости $p = f(x, y)$. По существу, карта кривых постоянных наказаний – это линии уровня снятые с поверхности справедливости, принятой на вооружение. Следовательно, точка касания ЛДКУН и наивысшей КПН дает координаты общественной опасности преступного деяния и общественной опасности личности в баллах, которые остается только подставить в уравнение совокупной справедливости, чтобы получить максимально справедливое уголовное наказание данного вида применительно к данному уголовному делу.

Если, например, функция совокупной справедливости уголовного наказания задана уравнением: $p = xy$, то есть принимает вид функции Кобба-Дугласа со степенями равными единицам, то кривые постоянных наказаний – это функции гиперболического вида: $y = \frac{C}{x}$, где C – произвольная постоянная. Для оптимизации необходимо найти единственную точку касания ЛДКУН и наивысшей кривой на карте КПН.

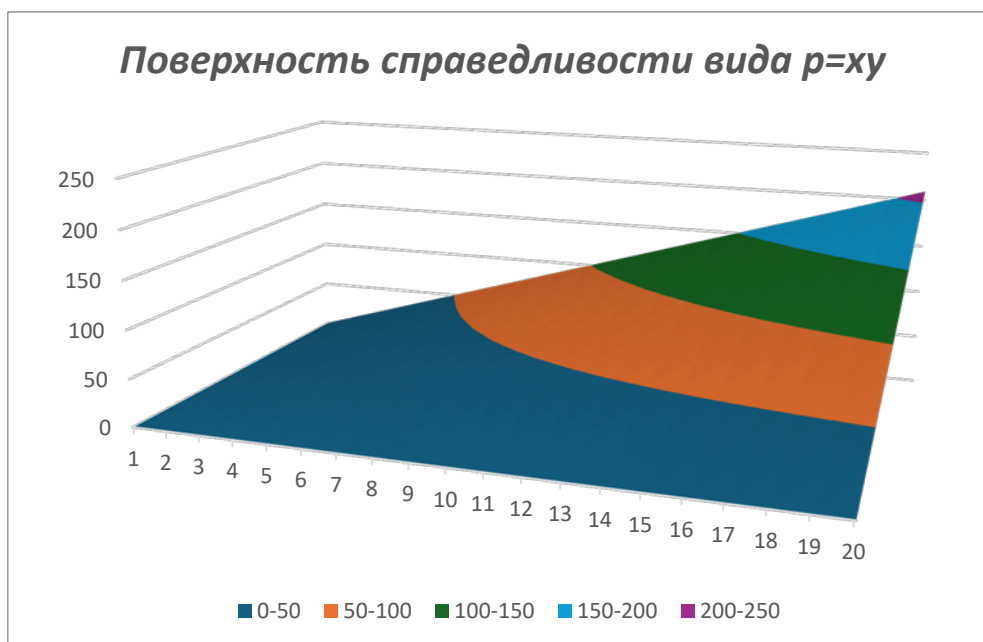

Рис. 1. Функция совокупной справедливости, описываемая уравнением $p = xy$.

Технически, чтобы получить эти координаты оптимума, нужно использовать алгоритм условной оптимизации с введением множителя Лагранжа, и записать новое уравнение, включающее, как уравнение ограничения: $m = p_x x + p_y y$, так и общую функцию справедливости: $p = f(x, y)$, и это выглядит так: $P = f(x, y) + \lambda(m - p_x x - p_y y)$. Далее от этого уравнения нужно взять первые частные производные по трём переменным: 1) по переменной x ; 2) по переменной y ; 3) по переменной λ . Переменная λ – это и есть неопределенный множитель Лагранжа. Ясно, что первая частная производная данной функции: $\frac{\partial P}{\partial x} = P'_x(x, y, \lambda)$ – это предельная справедливость уголовного наказания, приведенная на один балл общественной опасности преступного деяния, а $\frac{\partial P}{\partial y} = P'_y(x, y, \lambda)$ – это предельная справедливость уголовного наказания, приведенная на один балл общественной опасности личности. И еще мы получаем частную производную по λ :

$\frac{\partial P}{\partial \lambda} = P'_\lambda(x, y, \lambda)$, которая показывает предельную справедливость применяемого вида уголовного наказания, например, одного месяца лишения свободы при применении к подсудимому уголовного наказания в виде лишения свободы или одного рубля штрафа, если используется наказание в виде штрафа.

Далее следует отыскать безусловный экстремум функции:

$$P = f(x, y) + \lambda(m - p_x x - p_y y),$$

для чего найденные первые частные производные по правилам математического анализа приравниваются к нулю:

$$\begin{aligned} P'_x(x, y, \lambda) &= 0, \\ P'_y(x, y, \lambda) &= 0, \end{aligned}$$

$$P'_\lambda(x, y, \lambda) = 0.$$

Полученные уравнения образуют систему алгебраических линейных уравнений (СЛАУ) с тремя неизвестными – x , y и λ , которые и нужно найти любым удобным способом, например, методом Крамера, методом детерминантов, методом Гаусса или матричным методом, или просто воспользоваться инженерным калькулятором. Координаты искомой точки оптимума: $p_0 = (x_0, y_0)$, подставив которые в выбранную функцию совокупной справедливости $p = f(x, y)$, мы получаем искомую величину максимально справедливого уголовного наказания подсудимому по данному уголовному делу.

На этом вычисления не заканчиваются. Нам еще остается проверить полученные результаты на соответствие второму закону Госсена, из которого следует что модель является оптимальной, если предельные справедливости по каждой переменной, приведенные на единицу цены применяемого вида уголовного наказания, являются равными, то есть выполняется условие:

$$\frac{\frac{\partial P}{\partial x}}{p_x} = \frac{\frac{\partial P}{\partial y}}{p_y} = \lambda \text{ в точке } p_0 = (x_0, y_0).$$

Если все получилось, то вычисления закончены, и обвинительный приговор вынесен корректно.

Следует отметить, что функция совокупной справедливости всегда должна образовывать возрастающую поверхность в трёхмерном пространстве **Охур**, поскольку с ростом общественной опасности преступления и общественной опасности личности уголовное наказание любого вида должно возрастать. Эту функцию может задать законодатель или Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении, например, Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О справедливом приговоре». Кроме того, целесообразно, чтобы на уровне законодателя или Пленума Верховного Суда задавались цены одного балла общественной опасности преступного деяния и личности, его совершившей, поскольку от этого зависит положение линии допустимых комбинаций уголовных наказаний, хотя это могут делать и судьи самостоятельно.

Вообще говоря, даже без вмешательства законодателя и Пленума Верховного Суда РФ судьи самостоятельно могут применять алгоритм условной оптимизации для вынесения обвинительных приговоров, поскольку они не смогут превысить максимальную величину уголовного наказания используемого ими вида. В работе «Рекомендации судьям по оптимизации обвинительных приговоров в уголовном процессе различных государств» проф. С.Г. Ольков показал, как его методика работает применительно к судебной системе США, Индии и России. Ясно, что эта методика будет работать точно также применительно к судебным системам Франции, Китая, Японии, Австралии, и так далее, и в этом нет ничего удивительного.

Исключительно в демонстрационных целях разберем конкретный числовой пример применения методики проф. С.Г. Олькова по назначению справедливого уголовного наказания подсудимому по конкретному уголовному делу. Примем, что совокупная функция справедливости задана уравнением: $p = xu$. Это уравнение возрастающей поверхности, что в полной мере отвечает

главному требованию, предъявляемому к функциям справедливости. Карту кривых постоянных наказаний (ККПН) на плоскости xOy образуют кривые, описываемые уравнениями вида: $y = \frac{c}{x}$, то есть это семейство гиперболических функций, получаемых при фиксированных значениях величины уголовного наказания применяемого вида. По существу, нам нужно найти такую КПН, которая бы касалась заданной линии допустимых комбинаций уголовных наказаний.

Положим, что цена одного балла общественной опасности деяния составляет 3 месяца лишения свободы, а цена одного балла общественной опасности личности – 5 месяцев лишения свободы. Пусть судья рассматривает уголовное дело по обвинению подсудимого по ч. 2 ст. 171 УК РФ (незаконное предпринимательство), которая предусматривает уголовное наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет или 60 месяцев. То есть $m = 60$ месяцев лишения свободы, и с учетом заданных цен баллов по координатным осям запишем линию допустимых комбинаций уголовных наказаний: $y = \frac{60}{5} - \frac{3}{5}x$ или $y = 12 - 0,6x$.

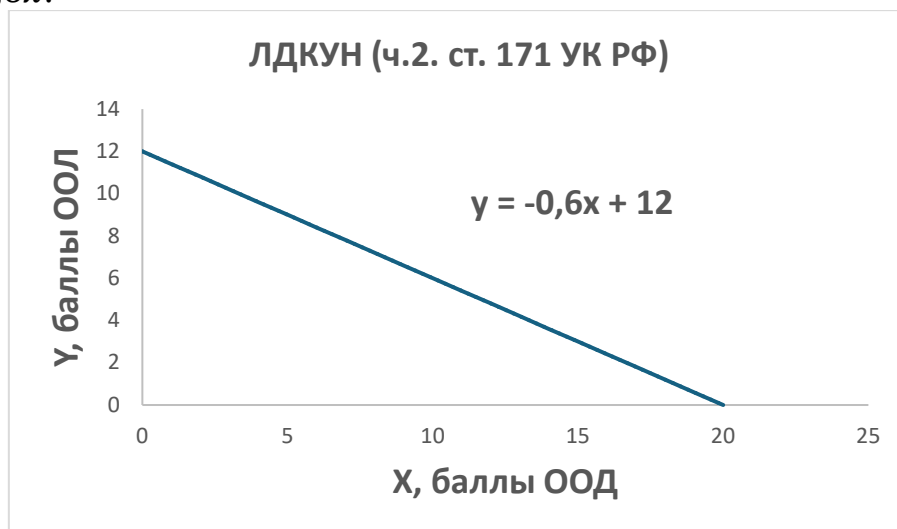

Рис. 2. Линия допустимых комбинаций уголовных наказаний, заданная уравнением: $y = 12 - 0,6x$ для ч. 2 ст. 171 УК РФ (незаконное предпринимательство) при применении наказания в виде лишения свободы.

То есть нам нужно найти кривую постоянных наказаний (линию уровня, снятую с функции справедливости), которая бы коснулась в единственной точке данной линии допустимых комбинаций уголовных наказаний. Ясно, что все координаты (точки), лежащие выше ЛДКУН, не отвечают требованиям справедливости, поскольку выходят за пределы наказания, установленного законодателем, а точки, лежащие ниже ЛДКУН, не являются оптимальными по величине справедливости, то есть не обеспечивают требования максимально возможной справедливости.

Введём новую функцию от трёх переменных: $P = xy + \lambda(60 - 3x - 5y)$. Как легко заметить, в это уравнение входят как функция справедливости, так и уравнение ЛДКУН, являющееся здесь уравнением ограничения. Найдём первые

частные производные от этой функции по всем трём переменным: $\frac{\partial P}{\partial x} = y - 3\lambda$; $\frac{\partial P}{\partial y} = x - 5\lambda$ и $\frac{\partial P}{\partial \lambda} = 60 - 3x - 5y$.

Запишем систему из трёх линейных уравнений:

$$\begin{cases} 0 + y - 3\lambda = 0 \\ x + 0 - 5\lambda = 0 \\ 3x + 5y + 0 = 60 \end{cases}$$

Решив данную простую систему алгебраических линейных уравнений любым подходящим способом, получим координаты оптимума: $x_0 = 10$ баллов общественной опасности преступного деяния и $y_0 = 6$ баллов общественной опасности личности, $\lambda_0 = 2$.

Далее берем исходную функцию совокупной справедливости $p = xy$, и подставляем в нее координаты оптимума, получив: $p_0 = x_0 y_0 = 10 \cdot 6 = 60$ месяцев лишения свободы или 5 лет лишения свободы, что не превышает установленный максимум наказания в виде лишения свободы по ч. 2 ст. 171 УК РФ. Если бы мы взяли цены баллов меньшие, чем в данном случае, то получили бы меньшую величину уголовного наказания.

Остается проверить результат на соответствие второму закону Госсена. Значение λ_0 , полученное из решения СЛАУ, составило: $\lambda_0 = 2$. То есть увеличение цены одного балла общественной опасности увеличивает наказание на 2 месяца лишения свободы. Остается проверить правильность полученного решения с помощью второго закона Госсена. Чтобы выполнялся второй закон Госсена нужно получить равенство: $\frac{\partial P}{\partial x} = \frac{\partial P}{\partial y} = \lambda$ в точке $p_0 = (x_0, y_0)$. В нашем примере имеем: $\frac{6}{3} = \frac{10}{5} = 2$. То есть второй закон Госсена выполняется, и задача назначения максимально справедливого наказания решена верно.

Построим график, подтверждающий верность полученного результата, на котором ЛДКУН вида: $y = 12 - 0,6x$ касается КПН вида: $y = \frac{60}{x}$.

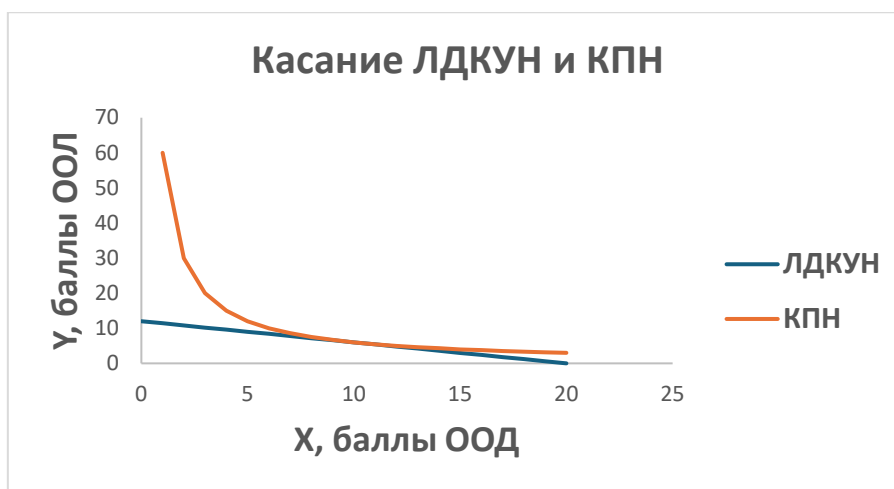

Рис. 3. Касание кривой постоянного наказания $y = \frac{60}{x}$ линии допустимых комбинаций уголовных наказаний вида: $y = 12 - 0,6x$.

Таблица 1. к рис. 3, где во втором столбце представлена ЛДКУН, а в третьем КПН в виде отдельных дискретных значений.

x	y ₁	y ₂
0	12	
1	11,4	60,0
2	10,8	30,0
3	10,2	20,0
4	9,6	15,0
5	9	12,0
6	8,4	10,0
7	7,8	8,6
8	7,2	7,5
9	6,6	6,7
10	6	6,0
11	5,4	5,5
12	4,8	5,0
13	4,2	4,6
14	3,6	4,3
15	3	4,0
16	2,4	3,8
17	1,8	3,5
18	1,2	3,3
19	0,6	3,2
20	0	3,0

На графиках видно, что кривая постоянного наказания $y = \frac{60}{x}$ касается линии допустимых комбинаций уголовных наказаний $y = 12 - 0,6x$ в координате: (x_0, y_0) или (10; 6).

Чем больше в обществе справедливости, чем разумнее в нем государственная власть, тем меньше в нем насилия.

Подводя **итог** сказанному, можно считать строго доказанным не только теоретическую обоснованность теории назначения справедливого наказания проф. С.Г. Олькова, но и её очевидную простоту и практическую применимость при вынесении любых обвинительных приговоров в любых государствах мира при условии, что величина уголовного наказания соответствующего вида имеет размах от минимума до максимума. Эту теорию следует излагать во всех учебниках уголовного процесса и применять в ходе соответствующих научных изысканий, связанных с повышением качества принимаемых процессуальных решений, а также использовать в практической деятельности по вынесению справедливых обвинительных приговоров с назначением уголовного наказания.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2000 г., – № 77-78, 2/71.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета. – 2001. – № 249.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – ст. 2954.
4. Ольков, С.Г. Математические начала теории судебных приговоров // Вопросы правоведения, 2016. – № 2. – С. 203-233.
5. Ольков, С.Г. Насильственная преступность в России: сущность, тенденции, закономерности, преступники и жертвы, ущерб и противодействие // Публичное и частное право, 2010. – № 1 (5). – С. 21-47.
6. Ольков, С.Г. Математический подход к назначению наказания: теория С.Г. Олькова // Уголовное право. Общая часть. Наказание. Академический курс. В 10 т. Т. 6. Назначение наказания / Под ред. докт. юрид. наук, проф. Н.А. Лопашенко. – М.: «Юрлитинформ», 2021. – С. 469-544.
7. Ольков, С.Г. Рекомендации судьям по оптимизации обвинительных приговоров в уголовном процессе различных государств // Вестник Донбасского государственного университета юстиции, 2025. – № 2 (4). – С. 136-146.
8. Джинджолия, Р.С. Сделки о признании вины и сотрудничестве в российском уголовном процессе // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество, 2012. – № 3. – С. 11-14.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 55 от 29.11.2016 «О судебном приговоре» // Российская газета, 2016. – № 277.
10. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 12, 1994.
11. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // Бюллетень международных договоров, № 3, 2001.
12. Unite States sentencing commission. – URL: <http://www.ussc.gov> (дата обращения: 12.09.2025).
13. Ольков, С.Г. Инвэйдерные товары – криминологический, микро- и макроэкономический подход // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). – № 1. – С. 377-387.
14. Ольков, С.Г. Инвэйдерная экономика – новейшая третья часть современной экономической теории // Известия высших учебных заведений. Уральский регион, 2024. – № 3. – С. 6-14.

УДК 343.775

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЕМ

Лиана Арменовна Хачатрян, аспирант, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: lia.hachatryan@yandex.ru)

В статье раскрыто понятие недропользования, охарактеризована значимость недр в экономической и социальной сферах общества. Определены объект, предмет, цели и задачи уголовно-правовой охраны в сфере недропользования. Проанализированы составы преступлений, связанные с нарушением правил недропользования. Также охарактеризованы сложности в применении уголовного законодательства к преступлениям в сфере недропользования, выдвинуты предложения для решения указанных вопросов.

Ключевые слова: *недропользование, охрана недр, правила охраны окружающей среды, природные ресурсы.*

PECULIARITIES OF QUALIFICATION OF CRIMES RELATED TO SUBSURFACE USE

Khachatryan, L.A.

The article reveals the concept of subsurface use, characterizes the importance of subsurface resources in the economic and social spheres of society. The object, subject, goals and objectives of criminal law protection in the field of subsoil use are defined. The elements of crimes related to violation of the rules of subsurface use are analyzed. The difficulties in applying criminal legislation to crimes in the field of subsurface use are also described, and proposals are made to address these issues.

Keywords: *subsurface use, protection of the subsoil, rules of environmental protection, natural resources.*

Актуальность темы исследования. На современном этапе разработка научных проблем уголовно-правового обеспечения охраны правоотношений в сфере недропользования объясняется следующими ключевыми факторами:

1) экономическая значимость недр: ценность природных ресурсов свидетельствует об их важности в качестве ключевого компонента экономического потенциала страны. В связи с этим, незаконная добыча, хищение и другие преступления в рассматриваемой области наносят значительный ущерб

экономике, снижают доходы бюджета и подрывают конкурентоспособность добросовестных недропользователей;

2) экологические последствия: частым результатом недропользования, особенно незаконного, являются серьезные экологические проблемы: загрязнение почвы, воды и воздуха, уничтожение ландшафтов, нарушение экологического баланса. На предотвращение и минимизацию таких негативных последствий и нацелены уголовно-правовые меры;

3) рост количества преступлений в сфере недропользования: незаконная добыча полезных ископаемых, хищение недр, нарушение правил безопасности при проведении работ, коррупция и другие преступления в рассматриваемой сфере характеризуются все большей распространенностью, что требует соответствующего уголовно-правового реагирования и объясняет необходимость защиты прав добросовестных недропользователей. Так, российская статистика последних лет показывает устойчивую тенденцию к увеличению числа экологических преступлений, причем их латентность достигает 95-99%. Однако, хотя в официальной статистике экологическая преступность занимает менее 1% от общего числа зарегистрированных преступлений, многие исследователи уверены в том, что ее ежегодный прирост составляет 5-7%, а реальная доля соответствует 15-23% [1; 2]. При этом обращает на себя внимание не только устойчивая тенденция роста экологической преступности, но и организованность и профессионализм ее форм, что приводит к самым тяжким последствиям.

Анализ научных исследований. Для теории уголовного права и правоприменительной деятельности в рассматриваемой области существенное значение имеют труды известных ученых: С.И. Голубева, С.В. Гудкова, Н.В. Даниловой, С.А. Дзейтова, А.С. Лукомской, М.В. Норец, Д.Г. Храмова, А.Ю. Червяковой, Е.А. Шарафутдинова и других.

Целью исследования является определение особенностей уголовно-правового обеспечения охраны правоотношений в сфере недропользования.

Изложение основного материала. Сфера недропользования интегрирует в себе широкий спектр отношений, которые влияют на взаимодействие общества, экономики и окружающей среды. Правовое регулирование этих общественных отношений осуществляется на основе Конституции РФ [3] и включает широкий перечень нормативных правовых актов, начиная с Закона Российской Федерации «О недрах» от 21.02.1992 №2395-1 [4], других федеральных законов. Однако в плане регулирования отношений имеются определенные проблемы. Существующая обширная нормативная база, регулирующая использование недр, характеризуется определенной разобщенностью и внутренней несогласованностью. Законодательство не содержит четких определений ключевых терминов, таких как «недропользование», «месторождение», «горный отвод» и прочих, что порождает неоднозначное толкование правовых норм. Как подчеркивают российские ученые Р.Э. Арамян [5], М.А. Бучакова [6], практически все специалисты, изучающие вопросы применения норм в сфере недропользования,

отмечают недостаточную проработанность данной правовой области и необходимость ее дальнейшего развития.

В научном сообществе термин «недропользование» интерпретируется по-разному, что отражает сложность данного понятия. Например, С.А. Дзейтов определяет недропользование как «деятельность недропользователей, осуществляемую ими согласно условиям полученной лицензии или заключенного соглашения о разделе продукции» [7].

В свою очередь, С.В. Гудков считает, что недропользование – это «деятельность пользователя недр, которая предусмотрена законом, осуществляется на территории Российской Федерации или на территориях, находящихся под ее юрисдикцией, направлена на использование полезных свойств конкретного участка недр в соответствии с целевым назначением вида недропользования» [8].

Д.Г. Храмов предлагает понимать под недропользованием «процесс установления юридической природы права пользования недрами и поиск баланса между частноправовыми и публично-правовыми элементами в регулировании данной сферы правоотношений» [9].

Разнообразие интерпретаций термина «недропользование» в научном сообществе подтверждает сложность и многогранность этого понятия. Каждая из приведенных точек зрения (С.А. Дзейтова, С.В. Гудкова и Д.Г. Храмова) отражает определенный аспект недропользования, но ни одна из них не является исчерпывающей.

Учитывая эти аспекты и выделяя особенности квалификации преступлений, связанных с обеспечением охраны правоотношений в рассматриваемой сфере, можно предположить, что под недропользованием понимается деятельность в рамках лицензий и соглашений на основе баланса между частными и публичными интересами, связанная с использованием недр, включая геологическое изучение, разведку и добычу полезных ископаемых, а также использование пространства недр для различных целей, не связанных с добычей полезных ископаемых (например, строительство и эксплуатация подземных сооружений). Закрепление этого термина на законодательном уровне позволит продолжить деятельность по устранению несогласованности понятийного аппарата в этой области.

С учетом глобальных экологических проблем и необходимости устойчивого развития, современные концепции недропользования акцентируют внимание на важности охраны окружающей среды [10]. Это обусловлено значением недр как в экономическом, так и в социальном секторе современного общества. В частности, значимость недр в экономической сфере объясняется тем, что:

- во-первых, недра являются ключевым компонентом сырьевой базы: как основной источник сырья для многих отраслей промышленности (энергетика, металлургия, химическая промышленность, строительство и др.);

- во-вторых, значительный вклад в доходы государства: добыча и переработка полезных ископаемых вносят значительный вклад в валовой

внутренний продукт, а экспорт минерального сырья и продукции его переработки является важной составляющей экспортных доходов страны;

– в-третьих, рост инвестиционного потенциала: сфера недропользования привлекает значительные инвестиции, способствуя развитию экономики в добывающих регионах.

Весомая роль недр в социальной сфере общества также обусловлена тем, что она позволяет:

– обеспечивать государствособственными энергетическими ресурсами;
– планировать перспективы регионального развития;
– определять финансирование социальных программ за счет части доходов от недропользования [11].

Основные элементы недропользования включают в себя: правомерное извлечение ресурсов, соблюдение экологических стандартов и защиту окружающей среды. Уголовный кодекс Российской Федерации [12] содержит ряд статей, направленных на охрану отношений в сфере недропользования. Эти статьи охватывают различные аспекты незаконной деятельности, связанные с добычей, использованием и охраной недр.

Объектом уголовно-правовой охраны в сфере недропользования выступают общественные отношения в рассматриваемой области, которые охраняются уголовным законом от преступных посягательств.

Так, по мнению С.И. Голубева, установленный порядок использования и охраны недр включает в себя:

– право собственности на недра;
– порядок предоставления прав пользования недрами;
– правила разведки и разработки месторождений полезных ископаемых;
– требования по охране недр и окружающей среды при недропользовании;
– экономические интересы государства, связанные с рациональным использованием недр.

Предметом уголовно-правовой охраны в сфере недропользования могут быть:

1) недра, содержащие полезные ископаемые, как природный объект в их естественном состоянии;

2) полезные ископаемые: добытые либо подготавливаемые к добыче (нефть, газ, уголь, руда и т.д.);

3) информация о недрах различного характера (геологическая, геофизическая, гидрогеологическая и др.);

4) оборудование и технические средства, которые могут быть использованы для разведки и добычи полезных ископаемых;

5) земельные участки, на которых осуществляется недропользование (в случае нарушения порядка использования земель);

6) документы в области недропользования (лицензии, разрешения, проекты, отчеты и др.) [13].

В уголовном праве недропользование может быть связано с несколькими видами правонарушений, включая:

– незаконную добычу полезных ископаемых – это относится к действиям, когда ресурсы извлекаются без соответствующих разрешений и лицензий, что является уголовно наказуемым деянием;

– экологические преступления – нарушения, связанные с причинением вреда окружающей среде в процессе разработки недр, такие как загрязнение водоемов, почвы, уничтожение экосистем и нарушение природного баланса;

– нарушение правовых норм и требований – включает в себя нарушения условий лицензий, регулирования безопасности при добыче полезных ископаемых.

Как считает М.В. Норец, выделяются ключевые цели уголовно-правовой охраны правоотношений в сфере недропользования:

- 1) обеспечение рационального и эффективного использования недр;
- 2) предотвращение незаконного вмешательства в отношения недропользования;
- 3) защита государственных экономических интересов в области использования недр;
- 4) охрана окружающей среды при осуществлении недропользования;
- 5) восстановление нарушенных прав и законных интересов субъектов недропользования и общества.

Указанные цели достигаются путем реализации следующих задач уголовно-правового обеспечения охраны правоотношений в сфере недропользования:

– уточнение, какие деяния считать преступлениями в данной сфере, и установление уголовной ответственности за наиболее опасные посягательства на отношения в сфере недропользования;

– определение видов и размеров наказаний, соответствующих тяжести совершенных преступлений;

– формирование системы сдерживания преступности путем реализации профилактических мер и неотвратимости наказания;

– обеспечение эффективного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел о преступлениях в сфере недропользования;

– адаптация уголовного законодательства к изменяющимся условиям и потребностям практики недропользования [14].

Ключевой нормой уголовного законодательства, регулирующей отношения в сфере пользования недрами, является ст. 255 УК РФ «Нарушение правил охраны и использования недр», включенная в Главу 26 УК РФ «Экологические преступления». Эта норма предусматривает уголовную ответственность за нарушение правил охраны и использования недр при проектировании, размещении, строительстве, вводе в эксплуатацию и эксплуатации горнодобывающих предприятий или подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых, а также за самовольную застройку площадей залегания полезных ископаемых, причинивших значительный ущерб. Кроме указанной нормы УК РФ, также можно выделить следующие составы

преступлений, связанные с нарушением правил недропользования: ст.ст. 158.1, 171, 171.2, 215.3, 215.4, 216, 217, 219, 220 УК РФ [12].

Объектом рассмотренных преступлений в сфере недропользования выступают те общественные отношения, которые сопряжены с порядком недропользования, безопасностью работ, охраной окружающей среды.

Объективная сторона данных преступлений предполагает действие или бездействие, нарушающее установленные правила, например: незаконная добыча, нарушение требований безопасности, повреждение инфраструктуры. Обязательным признаком часто является наступление общественно опасных последствий (крупный ущерб, тяжкий вред здоровью, смерть).

Субъектом рассмотренных преступных деяний может быть физическое лицо (достигшее возраста уголовной ответственности) или юридическое лицо (через своих представителей).

Субъективная сторона этих преступлений – форма вины (умысел или неосторожность). Мотив и цель совершения преступления могут влиять на квалификацию [15].

При квалификации указанных деяний важно отличать преступления в сфере недропользования от других преступлений, с которыми они могут быть схожи. В частности, учитывают:

1) последствия – для преступлений в сфере недропользования характерны более серьезные последствия, чем для административных правонарушений. К их числу относятся: реальная угроза жизни и здоровью людей; серьезное загрязнение окружающей среды, требующее дорогостоящей рекультивации; нарушение прав большого количества граждан или организаций; дестабилизация экономической ситуации в регионе;

2) наличие умысла – несмотря на то, что и в административных правонарушениях, и в преступлениях может быть как умысел, так и неосторожность, для квалификации деяния как преступления наличие прямого умысла, направленного на получение незаконной выгоды от недропользования, может выступить важным обстоятельством. Однако это не всегда решающий критерий, поскольку всегда существует вероятность совершения части преступлений в рассматриваемой сфере и по неосторожности;

3) объект посягательства – при хищении (ст. 158-164 УК РФ) объектом преступления является чужое имущество, а в преступлениях в сфере недропользования (например, по ст. 171 УК РФ) основным объектом является порядок осуществления экономической деятельности, установленный государством в сфере недропользования. Хотя целью может быть и незаконное присвоение добытых полезных ископаемых, состав преступления формируется именно нарушением правил и процедур недропользования.

Важную роль при квалификации играет способ совершения: если лицо изначально имеет законные основания для добычи полезных ископаемых (например, лицензию), но в процессе добычи совершает действия, направленные на их хищение (например, сокрытие части добытого, подмена сортов и т.п.), то это квалифицируется как хищение. Если же отсутствует законное основание для

добычи (нет лицензии, нарушены условия лицензии), то это, прежде всего, преступление в сфере недропользования (например, по ст. 171 УК РФ), а незаконно добытое может рассматриваться как предмет этого преступления. При характеристике состава преступления важно установить, направлены ли действия лица на нарушение установленного порядка осуществления предпринимательской деятельности в сфере недропользования или на прямое хищение уже добытых полезных ископаемых [16].

Учитывая сложность разграничения рассматриваемых преступлений от схожих преступных деяний, возникают следующие проблемы в применении уголовного законодательства в сфере недропользования.

Если рассматривать вопрос несовершенства законодательства в сфере недропользования, то оно достаточно сложное и объемное, так как включает в себя как федеральные законы («О недрах» от 21.02.1992 №2395-1), так и множество подзаконных актов, лицензионных соглашений, технических регламентов. Это приводит к сложностям в его понимании и применении, частому возникновению коллизий между различными нормативными актами, пробелам в регулировании, а также нечетким формулировкам, затрудняющим квалификацию деяний в качестве преступных. Недостаточно четко определены критерии «значительного ущерба» или «крупного размера» при незаконной добыче полезных ископаемых (статьи 171, 255 УК РФ). Нет прямого указания на ответственность за определенные виды нарушений, которые связаны с несоблюдением условий лицензирования. Также имеется сложность определения субъекта преступления при сложных схемах недропользования, в которых могут быть задействованы несколько юридических субъектов [17; 18].

Возможными предложениями по совершенствованию уголовного законодательства в сфере недропользования, которые существенно повысят эффективность и объективность квалификации, могут быть следующие.

1. Уточнение составов преступлений, связанных с незаконной добычей полезных ископаемых, нарушением правил охраны недр (ст. 171, 255 УК РФ), с четким определением критериев «значительного ущерба», «крупного размера»:

– четко определить экономические пороги путем внесения изменений в примечания к статьям УК РФ, установив суммы ущерба для квалификации «значительного ущерба» и «крупного размера» применительно к незаконной добыче полезных ископаемых. Суммы такого ущерба должны соответствовать рыночной стоимости добытых ископаемых и учитывать инфляцию. Действующие штрафные санкции, зафиксированные в нормативных актах, недостаточно ощутимы для крупных игроков рынка, таких как нефтегазовые и горнодобывающие предприятия, и не оказывают на них существенного сдерживающего воздействия. Суммы штрафов, применяемые к компаниям-нарушителям в рамках существующего законодательства, не покрывают ущерб, нанесенный недрам, и, следовательно, не выполняют компенсаторную функцию. Данное мнение разделяют большинство исследователей, специализирующихся на вопросах юридической ответственности в области недропользования (например, М.А. Бучакова [6], Д.В. Спиридонов [19]). В связи с этим,

предлагается рассмотреть введение системы кратных штрафов в зависимости от суммы годового оборота компании-нарушителя, что позволит более точно соотносить размер взыскания с конкретными обстоятельствами нарушения, степенью его общественной опасности и полученной выгодой нарушителя. Это позволит обеспечить адекватное наказание и повысить эффективность штрафных санкций;

- учитывать экологический ущерб: при квалификации «значительного ущерба» важно учитывать не только экономический ущерб, но и экологический ущерб, нанесенный недрам и окружающей среде. Необходимо разработать методику оценки экологического ущерба, причиненного незаконной добычей, с учетом восстановления природных ресурсов;

- ввести определение «незаконной добычи»: зафиксировать это понятие как «добыча без лицензии, с нарушением условий лицензии, на территориях, где добыча запрещена, или с использованием запрещенных методов».

2. Уточнение уголовной ответственности за определенные виды нарушений условий лицензий на пользование недрами, если эти нарушения повлекли серьезные последствия. В русле решения данного вопроса предлагается:

- разработать и закрепить в УК РФ перечень конкретных нарушений условий лицензии, которые будут квалифицироваться как уголовно-наказуемые деяния при условии наступления серьезных последствий. К таким правовым нарушениям могут быть отнесены: существенное отклонение от утвержденного плана разработки месторождения, приводящее к истощению запасов; несоблюдение требований промышленной безопасности, повлекшее аварии или катастрофы; невыполнение обязательств по рекультивации земель; нецелевое использование добытых полезных ископаемых, если это наносит ущерб экономике или обороноспособности страны; несоблюдение экологических требований, повлекшее загрязнение недр и окружающей среды;

- зафиксировать критерии «серьезных последствий», которые должны наступить для квалификации нарушения лицензии как уголовного преступления. Критерии могут включать: значительный экономический ущерб (например, превышающий определенный процент от стоимости лицензии); масштабное загрязнение окружающей среды, требующее дорогостоящей рекультивации; причинение вреда здоровью или гибель людей; утрату значительного объема запасов полезных ископаемых.

Необходимо уточнить понятия «незаконное обогащение» в связи с незаконной добычей и реализацией полезных ископаемых. Актуальность данного понятия объясняется тем, что доказать вину лиц, причастных к незаконной добыче и реализации полезных ископаемых, зачастую бывает затруднительно, особенно если эти лица не являются непосредственными исполнителями преступления. Кроме того, сокрытие или легализация доходов от незаконной деятельности часто затрудняет их изъятие. Для этого предлагается: введение статьи «Незаконное обогащение» – ввести в УК РФ статью «Незаконное обогащение», которая предусматривала бы ответственность за

значительное увеличение активов лица, если не установлено законных оснований для такого увеличения и если есть основания полагать, что активы приобретены в результате незаконной добычи и реализации полезных ископаемых; переложить бремя доказывания законности происхождения активов на лицо, в отношении которого имеются подозрения в незаконном обогащении; предусмотреть обязательную конфискацию активов, полученных в результате незаконного обогащения.

Реализация вышеприведенных предложений потребует внесения изменений и дополнений в действующее законодательство: Уголовный кодекс РФ, Кодекс об административных правонарушениях РФ и другие нормативные правовые акты, регулирующие сферу недропользования. Также возникнет необходимость разработки соответствующих методических рекомендаций для правоприменительных органов.

Выводы. Таким образом, особенности квалификации преступлений в сфере недропользования в современном уголовном праве отражены в правовых нормах, касающихся использования и охраны недр, то есть природных ресурсов, находящихся в недрах земли (например, полезные ископаемые, подземные воды и т.д.). Правильная квалификация и уголовно-правовое обеспечение охраны правоотношений в этой сфере является важным инструментом для защиты экономических интересов государства, охраны окружающей среды и обеспечения прав добросовестных недропользователей. К проблемным вопросам в применении уголовного законодательства к преступлениям в сфере недропользования относятся: сложность определения размера ущерба и доказывания причинно-следственной связи между нарушением правил и наступившими последствиями; отсутствие единообразной практики, вызванной разным толкованием норм права правоприменителями. Для решения указанных вопросов необходимо внесение дополнений в действующее законодательство в части определения критериев «значительного ущерба», «крупного размера», «серьезных последствий» и введения статьи «Незаконное обогащение».

Список литературы

1. Червякова, А.Ю. Состояние и динамика преступности в сфере незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов (по материалам Дальневосточного федерального округа) / А.Ю. Червякова // Вопросы российского и международного права. 2022. – Том 12. – № 4А. – С. 317-325.
2. О состоянии преступности в 2024 году по данным МВД России. – URL: <https://media.mvd.ru/files/application/9209203> (дата обращения: 27.11.2025).
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 27.11.2025).
4. О недрах: Закон Российской Федерации от 21.02.1992 № 2395-1; принят Верховным Советом Российской Федерации; с изм. от 08.08.2024 № 232-ФЗ.

- URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343/ (дата обращения: 27.11.2025).
5. Арамян, Р.Э. Понятие, сущность и содержание правового института недропользования в Российской Федерации / Р.Э. Арамян // Закон и право. – 2024. – № 10. – С. 46-54.
6. Бучакова, М.А. Недропользование: правовое регулирование и некоторые вопросы правоприменительной практики / М.А. Бучакова // Вестник ОмГУ. Серия. Право. – 2020. – № 3. – С. 63-67.
7. Дзейтов, С.А. Государство и правовое регулирование отношений в области недропользования: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: диссертация ... доктора юридических наук / Дзейтов Султангирей Асхабович. – Санкт-Петербург, 1999. – 276 с.
8. Гудков, С.В. Правовое обеспечение государственного регулирования недропользования: специальность 12.00.06 «Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право»: диссертация ... кандидата юридических наук / Гудков Сергей Викторович; Московская государственная юридическая академия. – Москва, 2005. – 234 с.
9. Храмов, Д.Г. Право пользования недрами в Российской Федерации: специальность 12.00.06 «Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право»: автореферат диссертации ... кандидата юридических наук / Храмов Денис Геннадьевич; Ин-т государства и права РАН. – Москва, 2004. – 24 с.
10. Лукомская, А.С. Уголовно-правовая охрана экологической безопасности и экологического правопорядка: монография / А.С. Лукомская. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 181 с.
11. Шарафутдинов, Е.А. Недропользование как объект уголовно-правовой охраны: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: диссертация ... кандидата юридических наук / Шарафутдинов Евгений Алексеевич; Российская академия правосудия. – М., 2017. – 243 с.
12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: принят Государственной Думой 24 мая 1996 г. (ред. от 21.04.2025). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 27.11.2025).
13. Голубев, С.И. Порча земли, нарушение правил охраны и использования недр / С.И. Голубев // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2022. – № 3. – С. 150-163.
14. Норец, М.В. Понятие и объект преступлений в сфере недропользования // М.В. Норец // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2024. – № 3. – С. 127-131.
15. Данилова, Н.В. Уголовно-правовая квалификация самовольной добычи полезных ископаемых: проблемы теории и практики / Н.В. Данилова,

- В.В. Петров // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – № 4 (46). – С. 45-51.
16. Селяков, Н.А. Нарушение правил охраны и использования недр: проблемы квалификации / Н.А. Селяков // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 8. – С. 169-171.
17. Кулешова, А.А. К вопросу о «значительном ущербе» при нарушении правил охраны и использования недр (ч. 1 ст. 255 УК РФ) / А.А. Кулешова // Государственная служба и кадры. – 2023. – № 5. – С. 233-236.
18. Кудашев, С.Е. К вопросу об актуальных проблемах применения статьи 255 УК РФ / С.Е. Кудашев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 8. – С.130-134.
19. Спиридонов, Д.В. Особенности юридической ответственности в сфере использования и охраны недр / Д.В. Спиридонов // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 12. – С. 1599-1605.

УДК 343.98

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Борис Леонидович Храпинский, старший преподаватель, кафедра административно-правовых и финансово-правовых дисциплин, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: bl.hrapinsky@bk.ru)

Андрей Николаевич Титов, кандидат юридических наук, доцент (г. Донецк)

(e-mail: atitov77@mail.ru)

В статье рассматриваются проблемы использования искусственного интеллекта для оптимизации расследования преступлений. Его потенциальные возможности далеко не в полной мере освещены в теории уголовного процесса криминалистики, что не может положительно влиять на практику расследования. Авторы полагают, что обсуждаемые в работах вопросы об использовании искусственного интеллекта нередко отличаются от реалий. По мнению авторов, искусственный интеллект не может заменить следователя.

Ключевые слова: расследование преступлений, искусственный интеллект, нейронные сети, программное обеспечение, компьютерные технологии.

ON THE QUESTION OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE FOR CRIME INVESTIGATION

Khrapinsky, B.L., Titov, A.N.

This article examines the challenges of using artificial intelligence to optimize crime investigations. Its potential is far from fully explored in criminal procedure theory and forensic science, which may not positively impact investigative practice. The authors believe that the issues discussed in studies on the use of artificial intelligence often differ from reality. They also believe that artificial intelligence cannot replace human investigators.

Keywords: crime investigation, artificial intelligence, neural networks, software, computer technology.

Актуальность темы исследования. В современном мире цифровая трансформация стала неотъемлемой частью бытия. Формирующаяся информационная реальность не могла обойти стороной и сферу уголовного

судопроизводства, которая, несомненно, претерпевает существенные изменения под воздействием научно-технического прогресса. Знания, технологии и научно-технические достижения, будучи продуктами человеческого разума и креативности, приобретают практическую ценность исключительно через призму человеческого сознания, уровня развития и целенаправленности их применения. Это в полной мере относится и к компьютерным технологиям, включая искусственный интеллект (далее – ИИ), нейронные сети, машинное обучение и алгоритмическое мышление. В последнее время перечисленные технологии активно привлекают внимание ученых-юристов и практиков, интегрируясь в нашу жизнь вместе с новыми знаниями, техническими средствами и методами их использования. Как и любые другие научные и технические новшества, они могут быть использованы как во вред – для удовлетворения личных амбиций, вплоть до совершения преступлений, нанося ущерб общественным отношениям, отдельным лицам и всему человечеству, – так и во благо. Наблюдаются тенденции, которые потенциально указывают на возможность смены парадигмы в такой фундаментальной области уголовного процесса, как теория доказательств и процедура доказывания. Учитывая повсеместное внедрение информационно-коммуникационных технологий, становится актуальным рассмотрение роли искусственного интеллекта на этапе предварительного расследования уголовных дел, в частности, при собирании, проверке и оценке доказательств в рамках досудебного производства.

Анализ научных исследований. В юридической литературе в последнее время наблюдается тенденция, свидетельствующая об увеличении числа научных публикации по обозначенной проблематике. В Российской Федерации тенденции цифровизации процесса доказывания по уголовным делам нашли отражение в трудах Л.А. Воскобитовой [1], О.В. Гладышевой, В.А. Семенцова, Я.В. Лошкобановой [2], Л.Н. Масленниковой [3], А.Б. Смушкина [4]. Основным лейтмотивом указанных работ являлось презюмирование тезиса о приоритетном значении технологических аспектов в уголовном процессе.

Вместе с тем. вопросы использования технологии искусственного интеллекта в процессе доказывания по уголовному делу до сих пор остаются проработанными в недостаточной степени, что обуславливает актуальность и востребованность их научного исследования.

Цель статьи состоит в изучении проблемы использования искусственного интеллекта для оптимизации расследования преступлений.

Изложение основного материала. Широкое проникновение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в различные области человеческой деятельности уже нашло отражение в работах множества исследователей. Такой тенденцией не могла не отметиться и сфера криминалистических исследований. Многие специалисты, рассматривая потенциал ИИ, сходятся во мнении, что его применение, основанное на данных отдельных систем, огромных массивах информации («больших данных» в нейронных сетях) и механизмах машинного обучения, позволит добиться существенной оптимизации исследований. Прогнозируется, что это приведет к сокращению трудозатрат и времени на

проведение следственных действий, улучшит качество оценки ситуации и поможет выявить наиболее действенные пути решения проблем.

Однако, при всем этом, проведенный анализ публикаций и, к сожалению, следственной практики, демонстрирует недостаточное количество реальных примеров воплощения изложенных идей. Искреннее желание выдать желаемое за действительное, вероятно, наилучшим образом характеризует текущий уровень теоретической проработки и практического внедрения систем ИИ в уголовный процесс. Причина такого положения дел очевидна: многие авторы, лишенные практического опыта в расследовании, предлагают усовершенствования в областях, понимание которых у них весьма поверхностно [5, С. 56]. Это ярко высвечивает существующий разрыв между теоретическими изысканиями и реальной следственной деятельностью.

Мы сознательно обходим стороной вопросы, носящие скорее умозрительный, нежели практически ориентированный характер, часто обсуждаемые студентами или теми, кто не имел или намеренно избегал получения эмпирического опыта в расследовании. Хотя, справедливости ради, следует признать, что и в подобных работах иногда можно обнаружить рациональные идеи. Тем не менее, любая, даже самая незамысловатая концепция, претендующая на жизнеспособность, должна опираться на реальность, быть обоснованной и не отрываться от жизни из-за ошибочных представлений о ней. Практика служит наиболее надежным критерием ее истинности. Другими словами, теоретические положения должны находить свое воплощение в решении конкретных задач: в оптимизации следственных действий, в оценке и разрешении проблемных ситуаций, в анализе материалов уголовных дел и данных об участниках, разрозненных по различным информационным системам.

Это перекликается со словами П.Л. Капицы: «... оторванность от жизни для ученого опаснее всего. Он больше, чем всякий другой работник, должен чувствовать запросы страны и народа. Он должен помнить, что у нас оторванность ученого от жизни равноценна его преждевременной смерти. И наоборот, залог успеха его деятельности в том, чтобы он чувствовал пульс окружающей его жизни. Тогда он без усилий будет творить на пользу страны и найдет в ней все необходимое для полного размаха своей работы» [6, С. 132]. Несмотря на то, что полномасштабное внедрение ИИ в следственную практику все еще остается нереализованным, нельзя не отметить положительную динамику в отдельных направлениях. Сегодня ИИ уже доказал свою эффективность как надежный ассистент следователей. Его успешность напрямую зависит от создания благоприятных условий: наличия специализированного программного обеспечения, оцифровки и формализации данных, а также обеспечения надежного сетевого доступа. Благодаря этому, применение систем на основе ИИ уже заняло прочное место в учетно-регистрационной деятельности правоохранительных органов.

Рассматривая вопросы, связанные с использованием систем ИИ в расследовании, большинство авторов прибегают к их общим, стереотипным

характеристикам, не вникая в сущность систем; нередко акцентируют внимание на возможных отрицательных последствиях их применения. В этом плане прав Д.В. Бахтеев, замечая, что «страх вызывает именно вышедший из-под контроля ИИ, то есть ситуация обретения ИИ самосознания в результате программного сбоя или умышленных действий разработчика ... сценарий «агрессивного» ИИ представляется крайне нереалистичным» [7, С. 99].

Общеизвестно, что в создании универсального ИИ сегодня прогресс не наблюдается. Поэтому ученые пришли к выводу о целесообразности разработки узконаправленных профессиональных систем, к «анархии методов» [8, С. 56-62]. А это значит, что системы ИИ должны носить профессионально-направленный характер, а их базы знаний формироваться знаниями с учетом специализации.

Современная практика применения машин, управляемых ИИ, свидетельствует об их «профессиональной направленности». Если в одной сфере они справляются с задачами на высоком уровне, в другой нередко оказываются совершенно бесполезными. Например, тот же автопилот, управляющий автомобилем или теплоходом, или робот, в автоматическом режиме профессионально выполняющий сложнейшие операции по напайванию деталей на электронные платы, совершенно бесполезны в деятельности по расследованию преступлений [9, С. 11]. Но ведь и современный человек тоже не универсален, он так же, как правило, является профессионалом в определенной области. Даже люди, имеющие образование по одной специальности, являясь профессионалами в одной профессиональной сфере, при переходе в другую для того, чтобы достичь совершенства, вынуждены переобучаться, совершенствовать свой профессиональный интеллект. И профессионал адвокат, если не будет обучаться, далеко не всегда сможет стать профессиональным следователем, оперативным работником, преподавателем криминалистики или оперативно-розыскной деятельности, уголовного права и процесса, как и обратное, хотя все эти профессии требуют наличия одинакового базового образования. При этом их профессионализм непосредственно зависит от профессионального интеллекта.

Появление термина «искусственный интеллект» (ИИ) пришлось на 1960-е годы, когда начались попытки моделировать работу человеческого мозга с помощью электронно-вычислительных машин (ЭВМ). История человечества насыщена стремлением имитировать эту деятельность, опираясь на постоянно развивающиеся технологии и механизмы, переходя от механических, через электромеханические, к электронным системам. В конечном итоге, желание человека переложить свои обязанности и труд на «другие плечи» трансформировалось в видение не просто ИИ, работающего с информацией, но и полноценного робота. Это будет устройство, оснащенное системой манипуляторов и датчиков, которое под управлением алгоритмов ИИ выполнит разнообразные функции, потенциально замещая человека в любой сфере. Вопрос о том, достигнет ли эта амбиция воплощения, является сложным и требует высокого уровня развития как естественного интеллекта, так и научно-технических средств. Фундаментальный принцип, озвученный Вольтером –

«Дабы создать мыслящее существо, надо им быть» [10, С. 564] – остается неизменно значимым. На сегодняшний день мы наблюдаем значительный прогресс: множество частных задач решается с помощью систем ИИ, которые автоматически управляют техникой и дают рекомендации. Однако говорить о создании целостной системы, способной комплексно помогать следователю, пока преждевременно. Вместе с тем, положительное влияние таких систем на расследовательскую практику неоспоримо: они способствуют развитию как технологий, так и интеллектуальных способностей – естественных и искусственных. Важно адекватно воспринимать, осмысливать и использовать все прогрессивное для совершенствования профессиональной деятельности. Научно-технические средства, создающие среду для ИИ, стимулируют и естественный интеллект, который в синергии с ИИ ведет к разработке более совершенных программно-аппаратных комплексов. Истинным генератором этого развития всегда являлся и будет являться человеческий разум. Именно человек осознанно определяет задачи для любой системы управления, технических средств и программ.

Искусственный интеллект неразрывно связан с роботизацией. Важно понимать, что современный робот, в отличие от фантастических представлений, не является универсальным устройством, способным полностью заменить все человеческие операции. Сегодня мы имеем дело с машинами, которые реализуют лишь определенные функции, причем в конкретных профессиональных областях. Идеальный современный робот состоит из системы электронно-механических манипуляторов (отвечающих за движение и выполнение различных действий) и датчиков (обеспечивающих обратную связь с окружающей средой, познаваемыми или обрабатываемыми объектами). «Мозговым центром», управляющим этим устройством, выступает компьютер с соответствующим программным обеспечением. Именно этот программно-аппаратный комплекс призван моделировать проявления человеческого интеллекта. Таким образом, в автономном робототехническом устройстве можно выделить две ключевые составляющие:

- 1) электронно-механическое устройство (собственно робот);
- 2) программно-аппаратный комплекс, имитирующий человеческий интеллект (интеллектуальный робот, ИИ).

В общей системе средств на базе ИИ, перспективных для применения в расследовании преступлений, можно выделить три основные группы:

1. Машинно-аппаратные комплексы с человеческим управлением. Здесь ИИ выступает в роли консультанта. Человек анализирует предложения системы и, при положительной оценке, использует их для решения практических задач (примеры: системы оперативно-визуального анализа (СОВА, АРМОР и т.п.).

2. Технические средства для сложных и чрезвычайных условий. Это роботы, управляемые человеком дистанционно (например, квадрокоптеры, роботы-саперы, роботы для фото- и видеофиксации).

3. Автономные технические средства. Они функционируют без непосредственного участия человека (сюда относятся системы автоматической

фиксации, системы контроля доступа и обеспечения безопасности, а также средства для автоматической проверки следов и идентификации).

Влияние искусственного интеллекта на взаимоотношения человека и техники заключается в создании новых комбинаций, позволяющих решать комплексные задачи в условиях проблемных ситуаций. Речь идет не о фантастических мирах, обещанных ИИ и нейронными сетями, а о более высоком уровне профессионального совершенствования.

Полученные в ходе расследований результаты обработки информации системами ИИ на современном этапе могут быть интегрированы с любыми научно-техническими средствами (НТС) – например, при работе с материальными объектами, обнаружении следов, фиксации процесса и анализе результатов. Кроме того, эти знания могут использоваться и автономно, в качестве консультаций для принятия решений и интеллектуальной поддержки. При этом, как и прежде, вся полнота ответственности за принятие решений и их последствия, основанных на рекомендациях ИИ, лежит исключительно на исполнителе.

Сегодня перед нами стоит задача: есть ли такие научно-технические средства, которые легко могут быть дополнены «искусственным мозгом» – системами ИИ – для эффективного решения следственных задач? Для ответа на этот вопрос необходим скрупулезный анализ практики расследований и имеющегося арсенала НТС. Требуется оценить их потенциал для перехода под управление ИИ, выявить проблемы, возникающие при использовании человеком, сформулировать задачи для их устранения, а также задачи, решение которых позволит передать управление ИИ. Основываясь на опыте практической работы авторов по расследованию преступлений и последующей преподавательской деятельности, можно утверждать, что материально-техническое оснащение этой сферы требует серьезного комплексного совершенствования, учитывающего общий научно-технический прогресс. Даже поверхностный анализ существующих систем, независимо от их технологий и алгоритмов, показывает, что человек в них присутствует всегда – прямо или косвенно.

Человек сам осознанно принимает решение о передаче полномочий научно-техническим средствам, способным выполнять эти функции благодаря технологиям. При этом он оценивает надежность самих НТС, качество разработанного программного обеспечения, а также эффективность систем ввода информации и баз данных. Разумеется, в случае неправомерного использования ИИ, юридическая ответственность систем искусственного интеллекта исключена. Искусственный интеллект – это инструмент, не более того. Преступник может использовать его как орудие для облегчения совершения преступления. В этом смысле ИИ можно приравнять к лому: это средства, создающие условия для незаконного доступа к материальным благам и облегчающие совершение противоправных действий. Ведь никому не приходило в голову привлекать к юридической ответственности нож, лом, пистолет или

автомобиль. Их используют конкретные люди для достижения преступных целей, и именно они являются субъектами преступления.

Основными предпосылками для использования ИИ стали:

- 1) формализация данных об объектах учета;
- 2) создание автоматизированных баз и банков данных;
- 3) применение сетевых технологий и возможностей интеграции, которые обеспечили доступ к данным об объектах учета в различных информационных системах, независимо от их назначения и ведомственной принадлежности.

Сегодня информация в такие системы вводится непосредственно в цифровом виде. Значительные успехи достигнуты в системах распознавания образов, основанных на «компьютерном зрении».

Искусственный интеллект обладает потенциалом оказать значительную помощь следователю. Это может проявляться в производстве следственных действий, формировании тактических приемов или комбинаций, а также в установлении конкретных лиц и обстоятельств, причастных к преступлению, посредством анализа информации из различных связанных между собой информационных систем. Тем не менее, на сегодняшний день как теоретические разработки, так и практические попытки решения подобных задач скорее относятся к разряду исключений, нежели к устоявшейся системе.

Выводы. Для того чтобы открыть путь к широкому внедрению систем искусственного интеллекта в практику расследования, необходимо комплексно решить ряд взаимосвязанных задач:

1. Создание фундаментальной теоретической базы. Требуется разработка прочной научной основы, определяющей принципы, возможности и ограничения применения ИИ в уголовном процессе.

2. Установление единой терминологии и систематизация знаний. Необходимо достичь консенсуса в понятийном аппарате, касающемся ИИ в криминалистике, а также систематизировать накопленные знания для их эффективного использования.

3. Полная цифровизация материалов расследования. Важнейшим шагом является перевод всей информации, связанной с расследованием, в унифицированную цифровую форму, обеспечивающую машиночитаемость и доступность.

4. Разработка интегрированных аналитических платформ. Необходимо создание специализированного программного обеспечения и систем, способных комплексно и целенаправленно анализировать данные из различных источников (включая «большие данные», базы данных, информацию с датчиков и систем видеонаблюдения) с использованием сетевых технологий.

5. Адаптация криминалистических инструментов. Требуется модернизация существующих криминалистических методик, тактических приемов и других средств с учетом потенциала ИИ и современных компьютерных технологий.

6. Формирование надежной нормативно-правовой и технической базы. Необходимо разработать законодательные и технические гарантии,

обеспечивающие безопасное и этичное применение систем ИИ и смежных технологий.

7. Подготовка кадров и обеспечение ресурсами. Следует осуществлять целенаправленное обучение сотрудников правоохранительных органов работе с системами ИИ, а также обеспечивать их необходимыми программно-аппаратными комплексами.

Список литературы

1. Воскобитова, Л.Л. Использование функционального подхода для цифровизации уголовного судопроизводства / Л.Л. Воскобитова // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. – 2020. – № 10 (74). – С. 34-51.
2. Гладышева, О.В. Искусственный интеллект и цифровые (электронные) доказательства в уголовном судопроизводстве / О.В. Гладышева, В.А. Семенцов, Я.В. Лошкобанова // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2024. – № 1. – С. 89-99.
3. Масленникова, Л.Н. Концептуальный подход к построению уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологии / Л.Н. Масленникова // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. – 2020. – № 10 (74). – С. 52-65.
4. Смушкин, А.Б. Экосистема предварительного расследования / А.Б. Смушкин // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 7. – С. 143-158.
5. Бирюков, В.В. Искусственный интеллект: знания, данные и мышление в расследовании преступлений / В.В. Бирюков, Т.П. Бирюкова // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2023. – Т. 10, № 4. – С. 52-58.
6. Капица, П.Л. Эксперимент теория и практика: статьи, выступления / П.Л. Капица. – М.: Наука, 1974. – 496 с.
7. Бахтеев, Д.В. Искусственный интеллект: этико-правовые основы: монография / Д.В. Бахтеев. – Москва : Проспект, 2023. – 176 с.
8. Lehman J. Clune and S. Risi, «An Anarchy of Methods: Current Trends in How Intelligence Is Abstracted in AI», IEEE Intelligent Systems 29, no. 6 (2014) – 56-62 p.
9. Бирюков, В.В. Искусственный интеллект на службе следствия: грезы и практика / В.В. Бирюков, Т.П. Бирюкова // Следственная деятельность: сб. науч. трудов. Вып. 4. – Минск : СтройМедиаПроект, 2024. – С. 8-21.
10. Вольтер. Философские сочинения / Вольтер. – М.: «Наука», 1988. – 752 с.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 341.4:343.33

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Семён Алексеевич Поляков, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Луганская академия Следственного комитета Российской Федерации (г. Луганск, ЛНР, РФ) (e-mail: prock-rock@mail.ru)

В статье раскрываются проблемы обеспечения международной и национальной безопасности на исторических территориях Российской Федерации, которые связаны с реальными и неочевидными угрозами, направленными в отношении РФ со стороны коллективного Запада. Предлагаются пути для решения проблем обеспечения безопасности России и мира, в том числе предлагаются внесение изменений в федеральное законодательство. Приводятся актуальные примеры преступлений международного характера, совершенных общеопасным способом. Предлагается создать новый МУС на базе БРИКС.

Ключевые слова: международная безопасность, права граждан, ядерный терроризм, исторические территории, криптовалюта.

PROBLEMS OF ENSURING INTERNATIONAL AND NATIONAL SECURITY ON THE TERRITORY OF HISTORICAL REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Polyakov, S.A.

The article reveals the problems of ensuring international and national security on the historical territories of the Russian Federation, which are associated with real and non-obvious threats directed against the Russian Federation by the collective West. The article proposes ways to solve the problems of ensuring the security of Russia and the world, including the introduction of amendments to federal legislation. The article provides current examples of international crimes committed in a dangerous manner. The article proposes the creation of a new ICC based on BRICS.

Keywords: international security, citizens' rights, nuclear terrorism, historical territories, cryptocurrency.

Актуальность темы исследования. Создаваемые многолетним трудом международные институты и механизмы реализации правосудия уничтожены силами коллективного Запада, которые пытаются навязать всему миру свою идеологию, видение идеального миропорядка и сосуществования со всеми красками безграничной, а в какой-то степени анархичной и деструктивной свободы.

Несмотря на то, что решение о проведении специальной военной операции на исторических территориях РФ основывалось на международном и национальном праве, включая статью 51 Устава Организации Объединенных наций, санкцию Совета Федерации и договоры с ДНР и ЛНР от 22 февраля 2022 года, происходящие события не дают поводов для оптимизма относительно глобальной безопасности в ближайшем будущем.

Целью специальной военной операции в России является защита населения, преследуемого киевским режимом, а также демилитаризация и денацификация Украины, однако конфликт между Россией и Украиной длится более 2,5 года и продолжает усиливаться, что создает риск втягивания НАТО и возможной III мировой войны.

Мировые конфликты в Европе, на Ближнем Востоке и в Африке продолжаются, и возможно возникновение новых. Мировая экономика остается нестабильной, растут риски стихийных бедствий из-за изменений климата. Выборы и неоднозначность нового руководства в странах коллективного Запада добавляют неопределенности. Даже при отсутствии эскалации российско-украинского конфликта кризис в Европе будет способствовать глобальной нестабильности.

При этом число международных конвенций против военных преступлений значительно возросло между мировыми войнами. Уставы Нюрнбергского и Токийского трибуналов установили наказание за тяжкие военные преступления, что привело к казни немецких и японских лидеров. Такие преступления нанесли беспрецедентный урон: Советский Союз потерял более 30 млн. человек в период Великой Отечественной войны.

Осуществление правосудия по уголовным делам в отношении вооруженных сил коллективного Запада на территории проведения специальной военной операции на национальном уровне является недостаточным. Для исключения повторности урона мировому сообществу, требуется создание независимого международного уголовного суда, а также правовых инструментов для реализации такого правосудия.

Анализ научных исследований. Наиболее фундаментальные научные труды в сфере правового обеспечения национальной и международной безопасности в России подготовлены такими выдающимися учеными как Ф.Ф. Мартенс, М.В. Андреев, А.Я. Капустин, В.С. Котляр, Г.И. Курдюков, Л.А. Лазутин, И.И. Лукашук, О.И. Тиунов, Г.И. Тункин и другими. При этом уголовно-правовой аспект обеспечения национальной и международной безопасности в условиях проведения специальной военной операции должен

образом в науке не освещен, несмотря на значительные изменения в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве с 2022 года.

Международное уголовное правосудие, ранее активно осуществлявшееся в таких органах как Международный уголовный суд, Европейский суд по правам человека, сегодня потеряли свою значимость и актуальность для Российской Федерации. В связи с этим предлагаются новые пути решения проблемы обеспечения такого правосудия.

Одновременно, в современных научных исследованиях ученых Я.Н. Ермоловича, Р.В. Закомолдина, С.В. Кондратюка, С.В. Криштопова и В.В. Меркурьева отражаются схожие вопросы противодействия экстремистским действиям в период специальной военной операции и обеспечения национальной безопасности в контексте террористических угроз со стороны стран коллективного Запада и Украины.

В настоящее время требуется подготовка комплексного научного исследования по вопросам обеспечения национальной и международной безопасности в условиях проведения специальной военной операции, а также некомпетентности действующих международных судебных организаций по уголовным делам.

Цель исследования – изучение проблем обеспечения международной и национальной безопасности в период проведения специальной военной операции на территории исторических регионов России, а также кризиса международного правосудия.

Изложение основного материала. Категории преступлений, направленных против мира и безопасности человечества, включают в себя такие особо тяжкие деяния, как геноцид, преступления против человечности, военные преступления и акты агрессии, которые не только классифицируются как международные преступления, но и рассматриваются как преступления международного характера, имеющие глобальное значение для всего мирового сообщества. Данные правонарушения были изначально концептуализированы, детально определены и нормативно закреплены в рамках международного права, что создало прочную правовую основу для их преследования и наказания на международном уровне, а также для формирования соответствующих международно-правовых механизмов ответственности.

При внедрении данных международных понятий и установленных стандартов в национальные уголовные законодательства, отдельные государства могут вводить свои собственные изменения, адаптации и модификации, обусловленные специфическими потребностями и особенностями национальной правовой системы. Данное обстоятельство может привести к значительному разнообразию в определениях, юридических конструкциях и мерах наказания за данные преступления в различных юрисдикциях. Такие различия могут быть обусловлены рядом факторов, включая особенности национальных правовых традиций, культурные и исторические контексты, политическую обстановку, социально-экономические условия, а также влияние международных обязательств и региональных соглашений.

Следовательно, несмотря на то, что основные понятия и элементы составов преступлений против мира и безопасности человечества закреплены в международном праве и имеют общепризнанный характер, их конкретное воплощение, детализация и правовое регулирование могут существенно варьироваться в национальных законодательствах разных стран, что требует изучения и сопоставления при анализе международных угроз человечеству.

Современные угрозы обеспечения национальной и международной безопасности можно поделить на реальные и неочевидные.

Предлагается поделить данные угрозы по следующим критериям:

1. Реальные угрозы, которые уже направлены против определенного государства, группы государств или мирового сообщества и воплощают такие угрозы как вооруженные конфликты, террористические и экстремистские проявления. Также к таким угрозам относят угрозы техносуицида, информационные войны и геодемографические проблемы.

К примеру, реальной угрозой является совершение коллективным Западом актов ядерного терроризма. Такие акты характеризуются сложным составом и могут включать в себя как действия, напрямую относящиеся к ядерному терроризму, так и акты, относящиеся к радиологическому терроризму. Концептуальная классификация основывается на детальном анализе положений Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма, где методологически разграничиваются категории в зависимости от характеристик используемых материалов и устройств.

В ст. 2 Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма дано определение ядерного терроризма, охватывающее как объективные, так и субъективные стороны преступления. Однако его некоторые аспекты трудно сопоставимы с нормами российского уголовного законодательства. В частности, ст. 2 гласит, что преступление совершается, если лицо незаконно использует радиоактивные материалы или повреждает ядерный объект, чтобы вынудить другое лицо или организацию к действиям или бездействию⁹. Такое определение предполагает более широкое толкование терминов «физическое лицо», «юридическое лицо» и «международная организация», чем в российском праве. Это означает, что действующее законодательство не охватывает все возможные аспекты угроз ядерного терроризма.

Статья 205 УК РФ использует термины «население» и «органы власти» в качестве целей террористических актов, которые отличаются от понятий «физическое лицо», «юридическое лицо» и «международная организация». Понятие «население» шире, чем «физическое лицо», охватывая все слои общества. Это указывает на стремление законодателя защитить максимально широкий круг лиц от террористических угроз и их последствий для общества в целом.

⁹ Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма / Принята резолюцией 59/290 Генеральной Ассамблеи от 13 апреля 2005 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nucl_ter.shtml. (дата обращения: 10.02.2026).

Оценка актов ядерного терроризма в российском уголовном праве представляет сложную задачу, требующую учета множества факторов, таких как мотивация и последствия преступления. Например, убийство с использованием радиоактивных материалов требует комплексного анализа для правильной квалификации и установления мер ответственности.

В контексте разработки международной уголовно-правовой политики предлагается классификация актов ядерного терроризма, осуществляемых через средства воздействия на ядерно и радиационно опасные объекты, а также на природную среду в рамках вооруженных конфликтов, как международные преступления. [8, С. 178]. При этом применение уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за преступления террористического характера невозможно без судебного определения статуса сообществ и соответственно запретов их деятельности [6, С. 89].

Украина вторглась в Курскую область Российской Федерации 6 августа 2024 г. Из приграничных сел эвакуировано свыше 20 тысяч россиян, судьба порядка двух тысяч человек остается неизвестной. Общее число перемещенных лиц в Курской области составляет более 180 тысяч человек.

Пресс-секретарь Пентагона Сабрина Синг заявила, что наступление ВСУ в Курской области с применением американского оружия соответствует внешней политике США по использованию предоставленного вооружения. Таким образом, вооруженные силы Украины – это прокси-армия, воюющая по приказу и в интересах США. Следовательно, вторжение в Курскую область – это фактически агрессия США и Украины против Российской Федерации.

В ходе террористической атаки Украины на Курскую область Российской Федерации обстрелу подверглась Курская АЭС. 8 августа 2024 г. на ее территории обнаружили осколки сбитых ракет, а 9 августа 2024 г. была выведена из строя трансформаторная подстанция. Таким образом, одной из главных целей террористической атаки вооруженных сил Украины на территорию России является захват либо уничтожение Курской АЭС для ведения переговоров с Россией с позиции силы.

По факту нападения вооруженных формирований Украины на приграничные населенные пункты Курской области Следственным комитетом России возбуждено уголовное дело по статьям 105, 205, 222, 317 УК РФ. В результате преступных действий пострадали несколько десятков мирных граждан, включая детей, а также военнослужащие. Фигурантами уголовного дела являются командиры частей вооруженных сил Украины.

Ранее, в 2022 г. ракетным и артиллерийским ударам со стороны Украины подверглись объекты Запорожской АЭС, которые политиками и государственными деятелями публично отнесены к ядерному терроризму.

11 июля 2024 г. вооруженные силы Украины (ВСУ) вновь, в очередной раз, атаковали Запорожскую АЭС (ЗАЭС). Следственным Комитетом России установлено, что целенаправленный удар нанесён двумя дронами-камикадзе. Более того, ВСУ запустили сразу несколько БПЛА, но до ЗАЭС долетели только

два. Однако и это прямое попадание вызвало сильный пожар. Данные факты являются ни чем иным как фактами ядерного терроризма.

Ядерный терроризм как правовое явление охватывает ряд актов, представляющих угрозу общественной и государственной безопасности, экологической, информационной и других видов национальной безопасности населения. Понятие «население», используемое в законодательстве, имеет значительно более широкий охват по сравнению с термином «физическое лицо», включая в себя все слои общества без ограничения по возрасту, полу, социальному статусу или профессиональной принадлежности. Это говорит о том, что законодатель предполагает защиту более широкого круга лиц от террористических угроз.

В российском законодательстве термин «ядерный терроризм» употребляется в Концепции о противодействии терроризму в РФ 2009 г.¹⁰ и Концепции внешней политики РФ 2023 г.¹¹

В связи с изложенным, под ядерным терроризмом следует понимать – спектр угроз международной и национальной безопасности, направленный в отношении человека, гражданина, государства, международного сообщества природных ресурсов и в целом населения планеты Земля. Ядерный терроризм носит экстремистский характер, противоречит законодательству государства и международно-правовым актам в сфере противодействия экстремизму и терроризму, недопустимости межгосударственных конфликтов и вреда природным ресурсам.

Анализ инцидентов, связанных с обстрелами Запорожской и Курской атомных электростанций, подчеркивает критическую необходимость формирования и закрепления более четкой и конкретизированной правовой позиции в рамках международного и национального законодательства относительно категорической недопустимости атак на объекты атомной энергетики. Указанные события указывают на наличие пробелов в существующих механизмах правовой защиты данных объектов, что требует доработки и уточнения нормативных баз в данной области. Детальный анализ существующих стандартов, в частности, критериев для классификации действий как военных преступлений согласно Протоколу I дополнительных к Женевским конвенциям показывает, что требования к определению серьезных нарушений значительно более строгие, чем общие положения данной конвенции.

Таким образом, нападение на Курскую область можно рассматривать как агрессию Украины и Соединенных Штатов Америки против России и акт ядерного терроризма. «Нарушение мира» в международном праве подразумевает ситуацию, сопровождающуюся применением силы, которую определяет и квалифицирует Совет Безопасности ООН. При этом этот орган обязан принимать

¹⁰ Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденная Президентом РФ 5 октября 2009 г. // СПС Гарант.

¹¹ Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // СПС Гарант.

меры для поддержания или восстановления международного мира и безопасности, включая санкции и использование вооруженных сил¹².

Кроме того, на территории Российской Федерации систематически совершаются преступления экстремистской и террористической направленности, направленные против безопасности нашего суверенного государства, в том числе гражданами России, завербованными из-за рубежа [2, С. 88].

К иным реальным опасным действиям международного характера следует отнести так называемые классические угрозы целостности государства, нападение вооруженных сил иностранных государств на территорию России, захват чужой территории и различные вооруженные конфликты.

2. Также следует выделять потенциальные угрозы, не наступившие в данный момент, которые могут зародиться при разработках определенными странами оружия массового поражения, либо при формировании нацистских движений экстремистской направленности, призывов официальных первых лиц государств к началу войны, использовании криптовалюты и искусственного интеллекта в преступных целях и пр.

Представляется, что наиболее изощренным является деятельность так называемой «пятой колонны», первые предпосылки которой возникли в 1936 году в Испании.

С учетом наличия в России многочисленных международных программ и школ, напрямую связанных с культурой коллективного Запада, бурно отмечающих национальные американские и европейские праздники вместе с учениками (как правило, детьми), невзначай лоббирующих интересы молодого поколения, можно предположить о некой неформальной работе с населением нашей страны (Work and Travel USA, Access, FLEX, Advance, Global UGRAD, Fulbright).

В российских частных школах до сих пор преподают граждане коллективного Запада, при этом дети начинают посещать указанные образовательные учреждения с 3-летнего возраста. Именно «пятая колонна» способна создать новое поколение международных преступников мирового масштаба, посеять хаос и развить радикальные экстремистские движения.

По нашему мнению требуется внести изменения в п. 1 ст. 14 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» со следующей формулировкой – «иностранные граждане, указанных в Распоряжения Правительства РФ от 5 марта 2022 года № 430-р стран не имеют

¹² Следователи, криминалисты и эксперты СК России работают на месте гибели депутата двух созывов Народного Совета ЛНР. - Текст: электронный // Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Луганской Народной Республике: официальный сайт. - 2023. - URL: <https://lnr.sledcom.ru/news/item/1844220/>; А.И. Бастрыкин запросил доклад о ходе расследования обстоятельств гибели Михаила Филиппоненко в Луганске. - Текст: электронный // Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Луганской Народной Республике: официальный сайт. - 2023. - URL: <https://lnr.sledcom.ru/news/item/1837169/> (дата обращения: 10.02.2026).

право занимать должности в государственных, муниципальных и частных образовательных учреждениях».

Принципиальные изменения в способах защиты человечества от угроз национальной и международной безопасности произошли после появления такого финансового инструмента как криптовалюта.

К сожалению, криптовалюта используется не только в мирных целях, но и для незаконной деятельности, такой как: финансирование терроризма, незаконный трафик наркотических средств и других нелегальных действий (покупка огнестрельного оружия, работоторговля, торговля органами человека и прочее) [5, С. 51]. Глобализация, включая транснациональную преступность, стирает границы между внутренними и внешними угрозами. Основой борьбы за международную и национальную безопасность остается Уголовный кодекс Российской Федерации¹³, особенно в условиях ухудшения международного сотрудничества в борьбе с преступностью и отсутствия органов для реализации международного правосудия.

В отличие от Стратегии национальной безопасности¹⁴, УК РФ меняется реже, но регулярно обновляется поправками для адекватного ответа на угрозы, в том числе исходящие извне. За последние два года в УК РФ внесено более 20 изменений. Уголовно-правовые нормы должны учитывать не только традиционную преступность, но и новые угрозы, такие как экстремизм, терроризм, использование оружия (включая массового поражения), коррупция, организованная преступность, кибератаки, нарушения информационной безопасности и идеологическое воздействие.

В целях обеспечения международной и национальной безопасности на территории новых субъектов Российской Федерации внесены значительные изменения в УК РФ. Введены либо изменены ст. 352.1, ст. 356.1, ст. 281.1–281.3, ст. 281, ст. ст. 284.3, 285.5, 285.6, ст. 280.3, ст. 280.4, ст. 207.3, ст. 239, ст. 330.1 УК РФ.

Нововведения в УК РФ связаны с учетом глобальных угроз национальной безопасности и с целью обеспечения международной безопасности.

Анализ показывает, что точечные изменения в УК РФ необходимы, но не всегда эффективны, так как новые статьи часто лишь дублируют существующие нормы или снижают системность кодекса. Например, статьи 205.1–205.5 и статьи о диверсиях (281.1–281.3) снижают значимость институтов «неоконченное преступление» и «соучастие». Избыточной также кажется конкретизация преступлений, таких как мошенничество и злоупотребление полномочиями. Приоритетность объектов уголовной защиты требует пересмотра. Мир и безопасность человечества заслуживают особого внимания в УК РФ, так как угроза этим объектам может нанести больший вред национальной и международной безопасности, чем другие преступления.

¹³ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС Гарант.

¹⁴ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС Гарант.

Таким образом, с начала проведения специальной военной операции ухудшилось взаимодействие с рядом международных правоохранительных организаций.

Так, работа Международного уголовного суда и Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) не выдерживает никакой критики в вопросах объективности.

Россия была вынуждена выйти из Совета Европы, а также из Европейской Конвенции по правам человека, так как Совет Европы не соблюдает Устав объединительных принципов, а коллективный Запад фактически начал использовать ЕСПЧ в целях личной выгоды и гегемонии. Достаточно напомнить о грубом нарушении порядка прекращения членства России в Совете Европы. Таким образом, мощнейший институт правосудия растоптан силами коллективного Запада.

Поднимая вопрос о юрисдикции Международного уголовного суда (далее – МУС), созданного на базе Римского статута 1998 года, следует обратить внимание, что несмотря на 124 страны-участника, большинство ключевых стран планеты с передовыми экономическими, военными и промышленными потенциалами не входят в данный список [4, С. 48].

Имеются факты субъективности и выхода МУС за пределы своей юрисдикции. Например, это произошло по делу предполагаемой насильственной депортации представителей народности рохинджа из Мьянмы в Бангладеш как преступления против человечности по подпункту «d» пункта 1 статьи 7 Римского статута, дело в отношении Президента Судана О. Башира, а также дело о предполагаемых преступлениях американскими военнослужащими в Афганистане и так далее.¹⁵ Особняком таких примеров стоит «заказной» ордер на арест Президента Российской Федерации В.В. Путина.

Представляется, что пришло время для создания новых и независимых инструментом регулирования международной правоохранительной деятельности без участия политических сил коллективного Запада и именно БРИКС может стать такой независимой площадкой, создав честных «арбитров» и «прокурором» для расследования международных преступлений и защиты гражданских прав граждан.

По указанному вопросу А.А. Данельяном справедливо отмечено, что в институциональном отношении приоритетом для России являются собственные организации стран Мирового большинства, в которых страны Запада не представлены. Прежде всего – это развитие БРИКС по принципу открытой архитектуры как института мирового уровня для формулирования общемировой политической и экономической повестки дня и координации усилий ведущих стран Большинства по важнейшим вопросам [3, С. 39].

Немаловажное значение в развитии межгосударственных отношений по обеспечению международной безопасности создает и применение новой

¹⁵ О выходе России из Совета Европы (справочный материал), Проблемы правомерности деятельности Международного уголовного суда (заключение Международно-правового совета при МИД России) – МИД РФ. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1834254/ (дата обращения: 10.02.2026).

редакции Концепции внешней политики России, а также новой Ядерной доктрины России 2024 года, которые фактически сформировались в период проведения специальной военной операции и гибридной войны с коллективным Западом, а также активного развития институтов БРИКС.

Не углубляясь в фундаментальные подразделения БРИКС в сфере финансовой и экономической деятельности (Новый банк развития, Пул валютного резерва), следует констатировать эффективную работу таких подразделений как Канал БРИКС в сфере информационной безопасности, профильные рабочие группы по антитеррору, использованию ядерного оружия и пр. Однако требуется расширение данной работы по обеспечению международной безопасности и правосудия.

Расширение работы и влияния БРИКС подтверждают и результаты XVI саммита БРИКС в г. Казани 22 по 24 октября 2024, организованного на высочайшем уровне федеральными и региональными властями России. В Казанской конвенции отражены наиболее значимые результаты работы саммита. Принципы обеспечения международной безопасности, мирного сосуществования, борьбы с неонацизмом, борьбы против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости, а также дискриминацией на основе религии, стоят в авангарде основной мысли международного документа БРИКС 2024¹⁶.

Выводы. Роль БРИКС в обеспечении международной и национальной безопасности в условиях гибридных угроз, в том числе реальных и потенциальных угроз России от коллективного Запада, стремящегося разрушить экономику и духовные скрепы мешающих ему государств, стремительно возрастает [1, С. 117].

В научных дискуссиях, высказываниях политиков и в СМИ возникают частые вопросы о необходимости создания независимого международного суда и «Интерпола» в гражданских и уголовных правоотношениях. Платформой для таких международных правоохранительных органов может стать БРИКС.

Так, Ф.Ф. Мартенс в своих трудах указывал, что международная уголовная политика – это прежде всего совокупность юридических норм, определяющих условия международной судебной помощи государств друг другу [7, С. 379], следовательно без международной судебной помощи государств невозможно обеспечить правосудие по международным уголовным делам, особенно актуальным в период проведения специальной военной операции на исторических регионах России.

Список литературы

1. Абашидзе, А.Х. БРИКС: международно-правовое измерение // Обозреватель. – 2024. – № 4 (405). – С. 115-123.
2. Ануфриев, В.П. Об отдельных аспектах криминалистической характеристики преступлений диверсионной направленности, совершенных

¹⁶ XVI саммит БРИКС. Президент России. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/...pdf> (дата обращения: 10.02.2026).

- несовершеннолетними / В.П. Ануфриев, А.Ю. Черданцев // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2023. – № 4 (42).
3. Данельян, А.А. Приоритетные направления сотрудничества Российской Федерации с зарубежными государствами в свете новой редакции Концепции внешней политики России (правовые аспекты) / А.А. Данельян // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». – 2024. – № 2. – С. 38-41.
 4. Данельян, А.А. Международный уголовный суд и иммунитеты / А.А. Данельян, Т.Д. Оганасян // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». – 2024. – № 3. – С. 46-52.
 5. Долгиева, М.М. Теоретические основания уголовной политики в сфере оборота криптовалюты: диссертация док. юрид. наук / М.М. Долгиева. – Москва, 2023. – С. 51.
 6. Криштопов, С.В. Вопросы квалификации и проблемы разрешения конкуренции составов преступлений, предусмотренных ст. 205.1, 275, 282.3 УК РФ / С.В. Криштопов, А.А. Кашкаров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 11. – С. 97-100.
 7. Мартенс, Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. В 2 т. Т. 1-2. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Тип. А. Бенке, 1895-1896.
 8. Метельков, А.Н. Правопонимание законности обстрелов атомных электростанций в современной юридической науке / А.Н. Метельков // Вестник Костромского государственного университета. – 2023. – № 1 (29). – С. 171-180.

